

ВЛАСТЬ НАД МИРОМ

ИСТИННЫЕ ЦЕЛИ АМЕРИКАНСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА

МАЙКЛ ПАРЕНТИ

■ ПОКОЛЕНИЕ

Annotation

Истинные причины многих драматических событий мировой истории: смещение правительств других государств и установление марионеточных режимов, тотальная слежка, миллионные досье, прослушивание телефонных разговоров и вскрытие частной почты, расходование огромных бюджетных средств на вооружение, могущественная и независимая тайная полиция, дирижирующая политической жизнью в стране...

В этой книге — страшная правда о США, рассказанная не советским агитатором старой закалки и не антиамериканистом из числа пострадавших от политических репрессий, а американским профессором-политологом и патриотом — Майклом Паренти.

-
- [Благодарности](#)
 - [Глава 1](#)
 - [По всему земному шару](#)
 - [Динамика экспансии капитала](#)
 - [Не необходимо, а просто непреодолим](#)
 - [Мифы о низком уровне экономического развития](#)
 - [Искусственно обращенные в бедность](#)
 - [Теория развития](#)
 - [Неоимпериализм: снятие сливок](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Неравенство на рынке](#)
 - [Господство долговых обязательств](#)
 - [Иностранная помощь как оружие](#)
 - [С рациональной жестокостью](#)
 - [Империализм низкой интенсивности](#)
 - [Глобализация ГАТТ](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глобальная военная империя](#)
 - [Почему интервенция?](#)
 - [Общая неразбериха](#)
 - [Вымышленные враги](#)

- [Кто платит? Кто получает прибыль?](#)
- [Миф о народном империализме](#)
- [Культурный империализм](#)
- [Глава 4](#)
 - [Экспорт рабочих мест](#)
 - [Империя против окружающей среды](#)
 - [Потери США](#)
 - [Обнищание республики](#)
 - [Меньшинство против большинства](#)
 - [Личный нравственный интерес](#)
- [Глава 5](#)
 - [Нерассмотренные предположения](#)
 - [Поза мачо](#)
 - [Во имя демократии](#)
 - [Охота на «красную» угрозу.](#)
 - [В чем «наши интересы»?](#)
 - [Непротиворечивые противоречия](#)
 - [Оружие ради прибыли](#)
- [Глава 6](#)
 - [Изгнание демонов](#)
 - [Взгляды левых на терроризм](#)
 - [Защита американцев за границей](#)
 - [Поиск предлогов](#)
 - [Ложь о войне в Заливе](#)
 - [Несколько истинных причин](#)
 - [«Война против наркотиков»: официальная версия](#)
 - [На чьей вы стороне, парни?](#)
 - [Наркотики — орудие социального контроля](#)
- [Глава 7](#)
 - [Ограничение распространения оружия](#)
 - [Миф о химической войне](#)
 - [Гуманитарная отговорка](#)
 - [Во имя свободы, стиль моджахедов](#)
 - [Гуманитарная помощь «Коноко»](#)
 - [Выборам — «да»! \(Смотря кто победит\).](#)
 - [Операция подтяжки](#)
 - [«Скелет в шкафу» капитализма](#)

- [Глава 8](#)
 - [Государство против демократии](#)
 - [Логичность действий консерваторов](#)
 - [Государство исполнительной власти](#)
 - [Разоблачение как сокрытие истины](#)
 - [Держа правительство в узде](#)
 - [Конституционная тирания](#)
 - [Государство в обществе](#)
 - [Теория заговора?](#)
- [Глава 9](#)
 - [Движение к свободному рынку](#)
 - [Двойные стандарты консерваторов](#)
 - [Социальное обеспечение для богатей](#)
 - [Игра в налог](#)
 - [Пиршество для военных](#)
 - [Национальный долг народа](#)
 - [Вперед к 1893 году](#)
 - [Проблемы старые, решений никаких](#)
- [Глава 10](#)
 - [Храм знаний](#)
 - [Дело в истории](#)
 - [Открытые и закрытые университеты](#)
 - [Левых просим не беспокоиться](#)
 - [Растяжимые критерии](#)
 - [Презумпции объективности](#)
 - [Выживших — в карантин](#)
 - [Миф о радикальном университете](#)
- [Глава 11](#)
 - [«Умеренная альтернатива»](#)
 - [Военные расходы и конверсия мирного времени](#)
 - [Государство национальной безопасности](#)
 - [Реформа выборов](#)
 - [Налоговая реформа и закон о труде](#)
 - [Сельское хозяйство и экология](#)
 - [Здравоохранение и безопасность](#)
 - [Налоговая политика](#)
 - [Социальная справедливость и рабочие места](#)

- [Классовая война — улица с двусторонним движением](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [От издательства](#)
-

Девайну Холмсу, бывшему лидеру Организации инвалидов, который добился мира между бандами Лос-Анджелеса, стал организатором местной общины, боролся за демократические реформы в старой части города. За свою деятельность был приговорен к тюремному заключению по сфабрикованному обвинению и отбыл семилетний срок

И Терезе Элисон, его героической матери, которая продолжает бороться за социальную справедливость в своей общине и округе

Благодарности

Искренняя благодарность моему бесценному другу Салли Сориано, не отказавшей в поддержке и помощи в написании этой книги. Признательность моему научному сотруднику Пегги Нотон за ее старательное и ответственное прочтение рукописи. Слова благодарности моему сыну Кристиану Паренти за полезную информацию и содержательную критику. Кристине Нэлсон, Анджеле Бокаж и Джинджер Уолкер, также оказавшим бесценную помощь. Нэнси Дж. Питерс из City Lights Books, которая поощряла и поддерживала мой энтузиазм, что облегчило мою задачу. Она показала себя как прекрасный издатель и хороший друг.

Глава 1

Империализм 101

На протяжении последних четырех или пяти столетий империализм являлся самой мощной силой в мировой истории. Эта сила разделяла континенты, подавляла местные народы и уничтожала целые цивилизации. Несмотря на то что империя в новом виде существует до сих пор, ученые, обозреватели и политические лидеры редко уделяют ей серьезное внимание. И это не потому, что проблемы империализма полностью игнорируются, империализм настолько обезврежен, что теперь империи называются «содружествами», а колонии стали «территориями» или «доминионами». К военной интервенции империализма стали относиться как к «защите национальных интересов», а сами военные действия стали рассматривать как действия, направленные на поддержание «стабильности» то в одном, то в другом регионе. В этой книге я хочу показать, что представляет собой империализм в действительности.

По всему земному шару

Под «империализмом» я понимаю процесс, с помощью которого одна нация экспроприрует для собственного обогащения землю, труд, сырье и рынки другого народа в угоду доминирующим политико-экономическим интересам.

Первыми жертвами западноевропейского империализма стали сами европейцы. Приблизительно восемьсот лет тому назад Ирландия стала первой колонией и частью того, что впоследствии было названо Британской империей. Сегодня часть Ирландии все еще находится под британской оккупацией. Следующими жертвами империализма стали восточноевропейские страны. Подданные Карла Великого, погибавшие на его рудниках в начале IX века, были славянами. Порабощение восточноевропейских народов происходило так часто и длилось так долго, что слово «славянин» стало синонимом «рабства». Действительно, слово «раб» (slave) происходит от слова «славянин» (slav). Восточная Европа стала источником первоначального накопления капитала и к XVII веку полностью попала в зависимость от западноевропейских мануфактур.

Наиболее ярким примером разрушений, вызванных империализмом в Европе, явилась нацистская агрессия во Второй мировой войне, которая дала возможность немецким картелям и нацистскому государству расхищать ресурсы и эксплуатировать труд в странах оккупированной Европы, в том числе рабский труд в концентрационных лагерях.

Превосходящий удар империалистических держав Европы, Северной Америки и Японии был направлен против народов Африки, Азии и Латинской Америки. К XIX веку страны «третьего мира» рассматривались не только как источник сырья и рабской силы, но и как рынок для реализации промышленных товаров. К XX веку индустриально развитые страны начинают экспортировать не только товары, но и капитал в форме машин, технологий, инвестиций и кредитов. Когда мы говорим о том, что мы вступили в стадию экспорта капитала и инвестиций, это еще не означает, что расхищение

национальных ресурсов прекратилось. Наоборот, — ограбление народов стало еще более энергичным.

Среди различных представлений об империализме, существующих сегодня в Соединенных Штатах Америки, господствующее состоит в том, что его больше не существует. Понятие «империализма» не признается «правильной» концепцией, по крайней мере, в отношении Соединенных Штатов Америки. Можно говорить об «империализме Советов» или о «британском империализме XIX века», но не об *американском империализме*. Студенты факультетов политических наук большинства университетов этой страны не получают возможность проводить исследования проблем американского империализма по причине того, что сам «империализм» не является предметом академического образования^[1]. Многие народы мира обвиняют Соединенные Штаты в том, что они являются империалистической державой. В самих США людей, рассуждающих об американском империализме США, считают напыщенными идеологическими болтунами.

Динамика экспансии капитала

Империализм старше капитализма. Империи Персии, Македонии, Рима и Монголии существовали на протяжении столетий до империй Ротшильдов и Рокфеллеров. Императоры и конквистадоры интересовались в основном грабежом, данью, золотом и славой. Капиталистический империализм отличается от этих более ранних форм тем, что он систематически накапливает капитал путем организованной эксплуатации труда и проникновения на зарубежные рынки. Капиталистический империализм производит инвестиции в экономику других стран, доминирует в их экономике, культуре и политической жизни и интегрирует тем самым их производственные структуры в международную систему накопления капитала.

Основной движущей силой капитализма является экспансия. Инвесторы не будут вкладывать деньги в рискованные начинания, если они не смогут получать больше, чем было вложено. Увеличение доходов возможно только при росте предприятия. Капиталист непрерывно ищет пути получения больших денег, чтобы зарабатывать еще больше денег. Чтобы получать прибыль, необходимо постоянно инвестировать, одновременно укреплять свои позиции по отношению к конкурентам и на непредсказуемых рынках.

Капитализм, экспансионист по природе, не склонен оставаться дома. Почти 150 лет тому назад К. Маркс и Ф. Энгельс писали о буржуазии, что она «охотится по всему земному шару. Устраивается повсюду, обосновывается повсюду, устанавливает связи повсюду... Она создает мир по своему образу и подобию». Экспансионисты разрушают целые общества. Самодостаточные народы насильственно обращаются в лишенных гражданских прав наемных работников. Местные общины и народные культуры замещаются массовым рынком, массмедийными средствами, обществами потребления. Кооперативы вытесняются агрофермами, деревни — городками с запущенными лачугами, автономные регионы — централизованными автократиями.

Рассмотрим один из тысячи таких примеров. Несколько лет тому назад *Los Angeles Times* опубликовала специальный отчет о

тропических лесах Борнео в южной части Тихого океана. По свидетельству авторов отчета, люди, живущие в этих лесах, были довольны своей жизнью. Они охотились, рыбачили и выращивали все необходимое для пропитания в садах и находили пищу в джунглях. Жизнь этих людей была безжалостно разрушена несколькими компаниями-гигантами, которые ради быстрой наживы уничтожили тропический лес, добывая твердую древесину. Их земли превратились в зону экологического бедствия, а сами они были обращены в лишенных прав обитателей лачуг, вынужденных работать за прожиточный минимум, если им повезло и они нашли работу.

Североамериканские и европейские корпорации приобрели контроль более чем над тремя четвертями известных полезных ископаемых Азии, Африки и Латинской Америки. Но погоня за природными ресурсами — не единственная причина зарубежной экспансии капитализма. Кроме того, необходимо сокращать производственные расходы и максимально увеличивать прибыль путем инвестирования в страны с богатым предложением дешевой рабочей силы. Инвестиции корпораций за пределами США достигли 84% за период с 1985 по 1990 год, причем наибольший прирост инвестиций наблюдался в таких странах с дешевой рабочей силой, как Южная Корея, Тайвань, Испания и Сингапур.

В результате установления низкого уровня заработной платы, невысоких налогов, отсутствия льгот работникам из-за слабости профсоюзов, а также в связи с отсутствием систем охраны труда и защиты экологии — прибыль американских корпораций в странах «третьего мира» на 50% выше, чем в развитых. Citibank, один из крупнейших банков США, получает около 75% прибыли от своих зарубежных операций. В то время как дома маржа растет медленно, доход за границей продолжает разительно увеличиваться, благоприятствуя развитию того, что стало известно как многонациональная или транснациональная корпорация. Сегодня 400 транснациональных компаний контролируют почти 80% активов мирового рынка и расширяют свой контроль в бывших коммунистических странах Восточной Европы.

Транснациональные компании разработали глобальную производственную линию. Компания General Motors владеет заводами, которые производят легковые и грузовые машины, а также широкий

спектр комплектующих в Канаде, Бразилии, Венесуэле, на Филиппинах, в странах Южной Африки, Южной Кореи и во многих других. Такие «многочисленные источники» позволяют General Motors благополучно переживать забастовки в одной стране путем ускорения производства в другой, сталкивая рабочих разных стран друг с другом, чтобы отбить охоту предъявлять требования увеличивать заработную плату и получать льготы, а также разрушать стратегии профсоюзов.

Не необходим, а просто непреодолим

Некоторые исследователи задают вопрос, является ли империализм необходимым условием капитализма, указывая на то, что большая часть западного капитала инвестируется в западные, а не в развивающиеся страны. Если корпорации понесут убытки по всем своим инвестициям в развивающихся странах, приводят довод эти исследователи, большая часть компаний все же сможет выжить на европейских и североамериканских рынках. В ответ следует заметить, что капитализм мог бы выжить и без империализма, но он не склонен выживать. Он демонстрирует нежелание отказаться от чрезвычайно прибыльных предприятий в развивающихся странах. Империализм может не быть необходимым условием выживания инвестора, но он кажется неотъемлемой тенденцией и естественным продуктом преуспевающего капитализма. Имперские отношения могут не стать единственным путем получения прибыли, но они являются самым прибыльным путем.

Нужен ли капитализму империализм? Вопрос не в этом. Многие вещи, которые не являются абсолютно необходимыми, все же весьма желательны, а следовательно, им отдается предпочтение и к их достижению стремятся изо всех сил. Зарубежные инвесторы находят в развивающихся странах непреодолимо привлекательную дешевую рабочую силу, жизненно важные природные богатства и прочие приносящие большие прибыли условия. Для выживания капитализма в сверхприбыли может и не быть необходимости, но выживание — не единственное, в чем заинтересованы капиталисты. Предпочтение отдается сверхприбылям, а не скромным доходам. У капитализма может не быть необходимости в империализме, но это не означает, что между ними не существует неразрывной связи.

То же справедливо и в отношении других сторон общества. Например, состояния богатых людей совсем не обязательно тратить на роскошную жизнь. Большую часть средств, которую получают эти люди, можно было бы направлять на инвестиции, а не на личное обогащение. Самые богатые люди могли бы жить и на более скромные средства, а не так, как живет большая их часть. На протяжении всей

истории зажиточные классы обычно демонстрировали предпочтение получать все самое лучшее. В конце концов, сама цель, разбогатеть за счет труда других людей, означает жить хорошо, избегая всех форм неблагодарного тяжелого труда и нудной работы, наслаждаться превосходной возможностью вести расточительный образ жизни, пользоваться медицинским обслуживанием, образованием, получать удовольствие от путешествий, развлечений, безопасности, свободного времени, власти и престижа. Ни одна из этих возможностей на самом деле не является «необходимостью», но те, кто их имеет, крепко в них вцепляются, о чем свидетельствуют жесткие меры, которые предпринимают обладающие этими преимуществами классы всякий раз, когда они чувствуют, что возникает угроза со стороны уравнивающей или нивелирующей демократической силы.

Мифы о низком уровне экономического развития

Источенные страны, где живут народы Азии, Африки и Латинской Америки, известны нам как страны «третьего мира» — для их отличия от стран «первого мира» — индустриальной Европы и Северной Америки и от ушедших уже в прошлое стран «второго мира» — коммунистических государств. Большинство западных обозревателей говорят о бедности стран «третьего мира», вызванной «низким уровнем экономического развития», как об изначальном историческом условии. Нас убеждают в том, что такое положение существовало всегда, что бедные страны бедны, потому что их земли всегда были неплодородными или их народы работали малопродуктивно.

В действительности народы Азии, Африки и Латинской Америки в течение длительного периода времени производили огромные массы продуктов питания, добывали полезные ископаемые и природные ресурсы, что объясняет факт того, почему народам Европы пришлось преодолеть так много трудностей для того, чтобы обворовать и ограбить эти народы. За богатством в бедные страны не едут. Страны «третьего мира» — богаты. Только народы «третьего мира» — бедны, и это из-за того, что их ограбили.

Процесс экспроприации природных ресурсов стран «третьего мира» начался столетия назад и продолжается в настоящее время. Сначала колонизаторы добывали золото, серебро, меха, шелк и специи, затем лен, коноплю, лесоматериалы, мелассу, сахар, ром, каучук, табак, коленкор, какао, кофе, хлопок, медь, уголь, пальмовое масло, олово, железо, слоновую кость, эбеновое дерево, а позже — масло, цинк, марганец, ртуть, платину, кобальт, боксит, алюминий и уран. Замалчивать насильственное обращение миллионов людей в рабов — самая бесчеловечная из всех экспроприаций.

За столетия колонизации было выдвинуто много теорий, отражающих интересы империализма. В школе меня учили тому, что народы тропических стран ленивы и не работают так много, как мы, жители умеренных зон. В действительности, жители стран с теплым

климатом проявили большое искусство, создав великолепные цивилизации задолго до того, как Европа вышла из веков тьмы. А сегодня жители этих стран часто отработывают долгие, тяжелые часы за мизерную плату. Тем не менее стереотип о «ленивом аборигене» все еще живет в нас. В любом капиталистическом обществе бедняков, как своих, так и приехавших из-за границы, обвиняют в том, что они сами виноваты в своем положении.

Мы слышим, что народы «третьего мира» отстали в культурном плане, в отношении к жизни, в обычаях и технических навыках. Это удобное суждение принимают те, кто хочет представить западные инвестиции как операцию спасения, разработанную для того, чтобы отсталые народы могли помочь себе сами. Миф о «культурной отсталости» народов «третьего мира» восходит к древним временам, он использовался завоевателями для оправдания их порабощения местных народов. Европейские колонизаторы используют этот миф на протяжении последних пяти веков с той же целью.

О каком культурном превосходстве могли заявлять европейцы? В период с XV по XIX век страны Европы «опережали» по таким показателям, как число повешений, убийств и других жестоких преступлений. Там случались эпидемии венерических заболеваний, оспы, тифа, туберкулеза, чумы и прочих телесных недугов. Там наблюдается социальное неравенство и бедность (как в городе, так и в сельской местности); плохое обращение с женщинами и детьми; а также часто повторяющийся голод, рабство, проституция, пиратство, религиозная резня и пытки инквизиции. Те, кто верит в то, что Запад — самая продвинутая цивилизация, не должны забывать о подобных «достижениях».

Если подходить к такому анализу серьезно, то необходимо отметить, что Европа достигла впечатляющих преимуществ в области навигации и производства оружия. Мушкетеры и пушки, пулеметы Гэтлинга и канонерские лодки, а сегодня — ракеты, вертолетоносцы и истребители-бомбардировщики являются решающим фактором, когда Запад встречается с Востоком, а Север — с Югом. Превосходящая огневая мощь, а не превосходящая культура привела европейцев и европейских североамериканцев к позиции превосходства, которую и сегодня они все еще продолжают поддерживать силой, хотя теперь уже и не только одной силой.

Утверждалось, что колониальные народы — биологически отсталые и менее развитые, чем их колонизаторы. Их «дикость» и «более низкий» культурный уровень символизируют их низшее генетическое развитие. Но были ли они действительно на более низком культурном уровне развития? Во многих странах, которые сегодня относят к странам «третьего мира», народы имеют впечатляющий опыт в архитектуре, садоводстве, ремеслах, охоте, рыболовстве, акушерстве, медицине и прочих областях. Их обычаи были зачастую гораздо более милосердными и гуманными, менее деспотичными и репрессивными, чем обычаи в странах Европы того времени. Конечно, не следует романтизировать эти местные общества, — некоторые из них отличались собственными жестокими и странными обычаями. Но в общем их народы вели более здоровую и более счастливую жизнь, имели больше времени для отдыха, чем жители Европы.

Прочие теории используют понятие «широкого денежного обращения». Мы слышим, что бедность стран «третьего мира» — результат их перенаселенности. Слишком многим людям необходимо кормить многих детей. В действительности на протяжении последних нескольких веков плотность населения стран «третьего мира» меньше, чем плотность населения в некоторых странах Европы. Плотность населения Индии (в расчете на 1 акр) меньше, чем в Голландии, Уэльсе, Англии, Японии, Италии и в некоторых других промышленных странах, но бедности больше. Следовательно, именно промышленные страны «первого мира», а не бедные страны «третьего мира», поглощают около 80% всех мировых ресурсов и тем самым представляют наибольшую угрозу экологии планеты.

Не следует отрицать, что перенаселенность представляет реальную проблему для экосферы планеты. Ограничение роста населения во всех странах, вероятно, способствовало бы защите окружающей среды в глобальном масштабе, но оно не решит проблем бедности, так как перенаселенность как таковая не является причиной бедности, а является одним из ее следствий. Малоимущие имеют тенденцию создавать большие семьи, потому что они считают детей источником рабочей силы и дохода семьи, а также поддержкой в старости.

Френсис Мор Лапп и Рашель Шурман пришли к заключению, что из семидесяти стран «третьего мира» только в шести таких странах,

как Китай, Шри-Ланка, Колумбия, Чили, Бирма, Куба и Индия (штат Керал), удалось снизить уровень рождаемости на одну треть. В этих странах нет ни разительного промышленного роста, ни высокого дохода на душу населения, ни широкомасштабных программ планирования семьи^[2]. Общими факторами, характеризующими эти страны, являются система государственного образования и здравоохранения, уменьшение экономического неравенства, предоставление больших прав женщинам, субсидий на питание, а в некоторых случаях — даже земельная реформа. Другими словами, уровень рождаемости был снижен не путем капиталистических инвестиций и экономического роста, а посредством проведения, даже в небольших масштабах, социально-экономических реформ в сочетании с признанием прав женщин.

Искусственно обращенные в бедность

Так называемый «низкий уровень экономического развития» представляет собой ряд социальных отношений, насильственно навязанных странам. С приходом западных колонизаторов народы «третьего мира» были отброшены назад в своем развитии, в ряде случаев — даже на целые столетия. Ярким примером этого явился британский империализм в Индии. В 1810 году Индия экспортировала больше текстиля в Англию, чем Англия экспортировала в Индию. К 1830 году поток торговли сменил направление. Британцы установили тарифные барьеры, запретившие доступ в Англию индийским товарам, и демпинговые цены на свои товары в Индии. Такая политика поддерживалась английскими кораблями и военной силой. По прошествии нескольких лет большие текстильные города Индии — Дакка и Мадрас превратились в города-привидения. Индийцы были отправлены назад, в поля, выращивать хлопок, который использовался на текстильных фабриках Англии. В сущности, Индия была превращена в «дойную корову» британских финансистов.

К 1850 году задолженность Индии достигла 53 млн ф. ст., а с 1850 по 1900 год доход страны на душу населения упал почти на две трети. Стоимость товаров и сырья, отправляемых индийцами в Британию на протяжении почти всего XIX века, составляла в год большую величину, чем общий доход 60 миллионов индийских сельскохозяйственных и промышленных рабочих. Массовая бедность, которая ассоциируется с Индией, не была исходным историческим условием этой страны. Британский империализм сделал две вещи: он положил конец развитию Индии, а затем насильственным путем превратил ее в слаборазвитую страну.

Подобные истощающие экономику процессы происходили по всему «третьему миру». Огромные богатства, извлеченные из этих стран, должны напоминать нам о том, что изначально существовало мало действительно бедных стран. Такие страны, как Бразилия, Индонезия, Чили, Боливия, Заир, Мексика, Малайзия и Филиппины, были и в ряде случаев все еще остаются богатыми странами, имеющими запасы полезных ископаемых. Некоторые земли были

настолько сильно истощены, что в настоящее время совершенно заброшены. Однако большую часть стран «третьего мира» никак нельзя отнести к числу слаборазвитых. Их природные ресурсы использованы выше уровня их естественного восстановления. Колонизация и инвестиции Запада создали скорее более низкий, чем более высокий уровень жизни.

Говоря о том, что английские колонизаторы сделали для ирландцев, Фридрих Энгельс в 1856 году писал следующее: «Как часто ирландцы собирались продвинуться в своем развитии, но всякий раз были раздавлены политически и индустриально. Путем постоянного угнетения они были искусственно обращены в крайне бедный народ». То же самое относится и к большей части стран «третьего мира». Индейцы племени майя в Гватемале имели более питательную и разнообразную диету, лучшие условия жизни в начале XVI века, до того момента, как на их земли пришли европейцы, эти условия были намного лучше тех, что у них есть сегодня. Среди них было больше ремесленников, архитекторов и садоводов, чем сегодня. Так называемый «низкий уровень экономического развития» есть продукт империалистической сверхэксплуатации. «Низкий уровень экономического развития» есть особый образ развития.

Империализм создал то, что я назвал «неправильным развитием»: современные офисные здания и роскошные отели в столицах — вместо жилья для бедных, косметологические хирургические клиники для богатых — вместо больниц для рабочих, экспорт зерновых культур для агробизнеса — вместо продовольственных товаров для местных рынков, магистрали, идущие от рудников и поместий до перерабатывающих заводов и портов, — вместо сельских дорог в глуши для тех, кто надеется посетить доктора или учителя.

Богатство перемещается из стран «третьего мира» в страны, где живет экономическая элита, — в страны Европы и Северной Америки (а в последнее время в Японию) посредством прямого грабежа, экспроприации природных богатств, обложения разоряющими налогами и земельной рентой, выплаты нищенской заработной платы, принудительного импорта готовых изделий по непомерно высоким ценам. В колониальной стране не допускается свобода торговли и возможность разрабатывать собственные природные богатства, развивать рынки и производственные мощности. Оказание помощи

самим себе и обеспечение себя рабочими местами отстают перед наемным трудом. С 1970 по 1980 год число наемных рабочих в странах «третьего мира» увеличилось с 72 до 120 миллионов, и темп роста этого показателя ускоряется.

В наши дни сотни миллионов людей в странах «третьего мира» живут в нищете в далеких деревнях и перенаселенных городских трущобах, страдая от голода, болезней и безграмотности и часто из-за того, что земли, которые они когда-то возделывали, теперь контролируются фирмами агробизнеса, которые используют эти земли для разработки месторождений или экспорта товарных культур, таких, как кофе, сахар и говядина, вместо того чтобы выращивать бобовые, рис и зерновые культуры для домашнего потребления. Исследование двадцати самых бедных стран мира, проведенное на основе официальных статистических данных, показало, что число людей, живущих в так называемой «абсолютной бедности» или находящихся на самом низшем уровне нищеты, самых бедных из бедных увеличивается на 70 000 в день и должно достигнуть 1,5 миллиарда к 2000 году (*San Francisco Examiner*, 8 June 1994).

Империализм вынуждает миллионы детей по всему миру жить в кошмарных условиях. Бесконечная эксплуатация наносит серьезный ущерб их психическому и физическому здоровью. В документальном фильме, показанном на канале Discovery (24 апреля 1994), был представлен отчет о том, что в таких странах, как Россия, Таиланд и Филиппины, большое число несовершеннолетних детей продается в проституцию, чтобы их доведенные до отчаяния семьи могли выжить. В таких странах, как Мексика, Индия, Колумбия и Египет, детей принуждают к подрывающему здоровье труду от рассвета до заката на фермах, фабриках и рудниках за гроши, они не имеют возможности играть, ходить в школу и пользоваться медицинским обслуживанием.

В Индии 55 миллионов детей вынуждают становиться рабочими. Десятки тысяч детей работают на стекольных фабриках при температурах более 100 градусов. На одном из заводов четырехлетние дети выполняют тяжелую работу с пяти утра до глубокой ночи, вдыхая пары и приобретая эмфизему, туберкулез и другие респираторные заболевания. На Филиппинах и в Малайзии корпорации повлияли на местные правительства, и они снизили ограничения по возрасту для приема на работу. Погоня за прибылью становится погоней за злом.

Теория развития

Когда мы говорим, что страна относится к числу «слаборазвитых», мы подразумеваем, что она в некотором роде отстает в своем развитии и что ее народ не проявил больших способностей к достижению каких-либо целей и саморазвитию. Негативное значение слова «слаборазвитый» послужило причиной того, что Организация Объединенных Наций, газета *Wall Street Journal* и партии различных политических взглядов начали говорить о странах «третьего мира» как о «развивающихся», употреблять менее обидный термин, чем «слаборазвитый». Однако и этот термин в равной степени вводит в заблуждение. Я предпочитаю использовать термин страны «третьего мира», поскольку термин «развивающиеся» страны кажется эвфемизмом, который на самом деле означает «слаборазвитый, но с опозданием начинающий что-то с этим делать». Этот термин скрыто подразумевает, что бедность была изначальным историческим условием, а не чем-то навязанным империалистами. Это также ложно означает, что эти страны *развиваются*, в то время как на самом деле их экономические условия обычно ухудшаются.

Господствующая теория второй половины прошлого века, неоднократно изложенная такими учеными, как Барбара Уорд (B. Ward) и У. У. Ростой (W. W. Rostow), и теория «широкого денежного обращения» утверждают, что развитие «отсталых» стран Юга зависит от богатых стран Севера, которые приносят им технологии и соответствующие рабочие традиции. Это усовершенствованная версия о «бремени белого человека», излюбленный империалистический вымысел.

Согласно сценарию развития, при западных инвестициях рабочие бедных стран получают лучшие рабочие места в современном секторе с более высоким уровнем заработной платы. Так как капитал увеличивается, бизнес будет реинвестировать прибыль. Таким образом, он создаст больше продуктов и рабочих мест, повысит покупательную способность и рынки. В конечном счете экономика будет процветать.

Эта «теория развития» или «теория модернизации», как она иногда называется, не связана с действительностью. В странах «третьего мира» появилась интенсивно эксплуатирующая разновидность «зависимого» капитализма. С ростом инвестиций транснациональных корпораций экономические условия стали заметно ухудшаться. Проблема не в том, что земли бедны или население работает непродуктивно, а в том, что существует иностранная эксплуатация и классовое неравенство. Инвесторы приходят в страну не для того, чтобы способствовать ее развитию, а для самообогащения.

Народы этих стран не нуждаются в том, чтобы их учили, как возделывать землю. Им нужна земля и инвентарь, чтобы обрабатывать землю. Они не нуждаются в том, чтобы их учили ловить рыбу. Им нужны лодки и сети, доступ к побережью, бухтам и океанам. Им нужны хорошо оборудованные заводы, чтобы прекратить сброс токсичных отходов в прибрежные воды. Их не надо убеждать в том, что необходимо соблюдать санитарные нормы. Они не нуждаются в том, чтобы волонтеры «Корпуса мира» говорили им о том, что необходимо кипятить воду, особенно когда они не могут позволить себе иметь горячее питание или у них нет дров. Им нужны условия, которые позволили бы им иметь чистую питьевую воду, чистую одежду и дома. Им не нужны советы о сбалансированных диетах североамериканского образца. Обычно они сами знают, какая пища содержит наиболее подходящие для них питательные вещества. Они нуждаются в том, чтобы им вернули землю и работу, чтобы они могли работать на себя и выращивать пищу для собственного потребления.

Наследие имперского господства — это не только нищета и вражда, но и экономическая структура, в которой господствует сеть международных корпораций, которые сами находятся под контролем материнских компаний, расположенных в Северной Америке, Европе и Японии. Если имеет место гармонизация или интеграция, то она происходит среди классов в странах, которые могут осуществлять глобальные инвестиции, а не в местных экономиках этих отсталых стран. Экономике стран «третьего мира» остаются раздробленными и неинтегрированными между собой и внутри отдельной страны как в плане потока капитала и товаров, так и в плане технологий и организации. В целом мы наблюдаем мировую экономику, которая не имеет ничего общего с экономическими потребностями народов мира.

Неоимпериализм: снятие сливок

Имперское господство иногда рассматривается как явление, возникающее из врожденного желания господствовать и развивать экспансию, как своего рода «территориальный императив». В сущности, территориальный империализм более не является доминирующим методом. В сравнении с XIX и началом XX века, когда европейские державы поделили мир между собой, сегодня почти не осталось собственно колониальных доминионов. «Полковник Блимп» предан забвению, ему на смену пришли люди в деловых костюмах. Вместо прямой колонизации путем установления имперской власти слабым странам даровали атрибуты суверенитета, тогда как финансовый капитал Запада продолжает сохранять контроль над львиной долей приносящих прибыль ресурсов этих стран. Эти взаимоотношения известны под разными названиями: «неформальная империя», «колониализм без колоний», «неоколониализм» и «неоимпериализм».

Политические лидеры и влиятельные бизнесмены США были среди первых, кто воплотил на практике этот новый вид империи, особенно на Кубе в начале XX века. Насильственно отвовав остров у Испании в войне 1898 года, США со временем предоставили Кубе формальную независимость. Теперь у кубинцев есть свое правительство, Конституция, флаг, валюта и армия. Но принятие важных решений в области внешней политики остается в ведении США, как, например, разработка природных богатств острова, включая производство сахара, табака, развитие туристической индустрии и основных предметов импорта и экспорта.

Исторически капиталисты-предприниматели США были заинтересованы не в приобретении большего числа колоний, а в приобретении большего богатства, предпочитая удирать с деньгами других стран, чем ломать себе голову над тем, как владеть и управлять этими странами. При неоимпериализме флаг остается дома, тогда как доллар распространяется по всему миру, часто с помощью меча.

После Второй мировой войны такие европейские державы, как Великобритания и Франция, приняли стратегию неоимпериализма.

Истощенные в финансовом плане годами войны и перед лицом усилившегося сопротивления народов стран «третьего мира», Великобритания и Франция с неохотой решают, что непрямая экономическая гегемония стоит дешевле и политически более целесообразна, чем открытое колониальное управление. Они обнаружили, что ликвидация явно навязчивого колониального управления сделает более сложной мобилизацию антиимпериалистических настроений национально-освободительных групп колониальных стран.

Хотя новые правительства могли быть далеки от того, чтобы быть полностью независимыми, они обычно выглядят более законными в глазах своего народа, чем колониальная администрация, контролируемая имперской державой. Кроме того, при неоимпериализме местное правительство несет расходы по управлению страной, тогда как империалисты концентрируются на накоплении капитала. А это как раз то, чего они больше всего хотят в реальности.

После долгих лет колониального режима странам «третьего мира» чрезвычайно сложно избавиться от отношений неравенства со своим бывшим колонизатором и одновременно невозможно покинуть всемирную капиталистическую среду. Страны, пытающиеся сделать прорыв, подвергаются экономическим и военным санкциям со стороны то одной, то другой сверхдержавы, в наше время обычно со стороны Соединенных Штатов.

Лидеры новых наций могут произносить революционные лозунги, но эти страны все еще заблокированы на глобальной капиталистической орбите. В силу сложившихся обстоятельств они продолжают сотрудничать со странами «первого мира» в области инвестиций, торговли и экономической помощи. Таким образом, мы наблюдаем любопытный феномен — лидеров недавно ставших независимыми стран «третьего мира», которые осуждают империализм как источник проблем в их странах, тогда как диссиденты этих стран осуждали этих самых лидеров за коллаборационизм с империализмом.

В большинстве случаев в качестве первого условия независимости появился или был официально назначен класс компрадоров. Класс компрадоров — класс посредников, которые

осуществляют сотрудничество в интересах европейских фирм, превращая свою страну в зависимое государство-клиента. Государство-клиент — государство, открытое для инвестиций на условиях, бесспорно, благоприятных для иностранных инвесторов. В государстве-клиенте инвесторы иностранных корпораций пользуются прямыми субсидиями и дотациями на покупку земли, имеют доступ к источникам сырья и дешевой рабочей силе, необременительным или невысоким налогам, немногим существующим профсоюзам. А о минимальном уровне заработной платы или ограничениях детского труда, законодательстве по безопасности на производстве, защите прав потребителя или окружающей среды вообще не упоминается. Протекционистские законы, которые действительно существуют, практически не применяются.

В целом страны «третьего мира» — своего рода рай для капитализма, предлагающий условия жизни, какими они были в Европе и Соединенных Штатах в XIX веке при уровне дохода гораздо выше, чем он мог бы быть сегодня в какой-либо стране с сильными экономическими законами. Класс компрадоров получает щедрую компенсацию за свое сотрудничество. Его лидеры набивают себе карманы иностранной помощью, направляемой правительством США. Стабильность обеспечивается силами безопасности, которые вооружаются и проходят подготовку в Соединенных Штатах по последним технологиям террора и репрессий.

И все же — неоимпериализм рискует. Достижение независимости де-юре в конечном счете побуждает к надежде на независимость де-факто. Формы самоуправления стимулируют желание получать плоды этого самоуправления. Иногда появляется национальный лидер, патриот и реформатор, а не компрадор-коллорационист. Следовательно, замена колониализма неоколониализмом происходит не всегда без проблем для империалистов и выгодна для народных сил мира.

Глава 2

Новые формы имперского господства

В этой главе рассматриваются основные методы и последствия современного имперского господства, включая контроль над рынками и финансами, иностранную помощь, политическую репрессию и военное насилие — все то, что оставило наследие в виде растущей бедности и неправильного развития.

Неравенство на рынке

Экономика стран «третьего мира» обычно ориентируется на экспорт сырья либо на производство трудоемких товаров. С возникновением рынка, ориентированного на спрос, бедная страна оказывается в условиях ожесточенной конкуренции с другими бедными странами за рынки процветающих промышленных стран. Промышленные страны устанавливают крайне выгодные правила торговли для этих стран, тем самым сталкивая одну бедную страну с другой.

Попытки стран «третьего мира» преодолеть свою уязвимость путем образования торговых картелей оказываются обычно безуспешными, ввиду того, что им редко удается выступать единым фронтом, что вызвано политическими разногласиями, полной экономической зависимостью и отсутствием альтернативных рынков. Кроме того, торговля между странами «третьего мира» постепенно замедляется. В Африке только 6% всей международной торговли приходится на страны Африки, остальная часть приходится на торговлю с компаниями стран Европы, Японии и Северной Америки.

Экспортные товары стран «третьего мира» оплачиваются по более низким ценам. Кроме того, они регулярно платят завышенную цену за товары, которые импортируют из промышленных стран. Так, кофе, хлопок, мясо, олово, медь и масло из стран «третьего мира» продаются иностранным корпорациям по низким ценам, чтобы получить по крайне высоким ценам различные промышленные товары, машинное оборудование и запчасти. По словам бывшего президента Венесуэлы Карлоса Андреаса Переса, «это привело к постоянному и растущему оттоку капитала и обнищанию наших стран».

Ввоз сырья, которого нет в Соединенных Штатах или которое имеется в наличии, но в ограниченных количествах, как правило, разрешается в эту страну без пошлин, в то время как ввоз промышленных товаров подлежит обложению. Так, кофе в зернах и необработанная древесина ввозятся беспошлинно, тогда как обработанный кофе и пиломатериалы облагаются ввозными пошлинами. Промышленные державы также запрещают перевод

технологий и предоставление кредитов предприятиям местных производителей, угрожая введением эмбарго на торговлю стран «третьего мира», у которых хватает смелости разрабатывать собственные промышленные товары. Многонациональные корпорации вытесняют местные предприятия различными методами приоритетного финансирования, активного маркетинга, выдачи патентов монополиями и путем привлечения больших административных ресурсов. Чем прибыльнее сфера инвестиций, тем выше вероятность того, что местный предприниматель будет вытеснен иностранными инвесторами.

Господство долговых обязательств

Во многих бедных странах иностранные компании владеют или контролируют более половины промышленных активов. Даже в тех случаях, когда многонациональные корпорации имеют миноритарный пакет акций, они удерживают за собой вето-контроль. Даже в том случае, когда предприятие полностью принадлежит национальному государству, многонациональные корпорации будут получать прибыль через свою почти монополию на технологии и международный маркетинг. Так происходит с нефтью в отрасли, в которой компании-гиганты имеют только около 38% общего объема мирового производства сырой нефти, но контролируют почти все очистительные заводы и систему распределения.

Поставленные в столь неблагоприятные торговые и инвестиционные отношения, страны «третьего мира» посчитали целесообразным брать большие займы в банках Запада и у Международного валютного фонда (МВФ), который контролируется Соединенными Штатами и другими западными странами-членами. К 1990-м годам задолженность стран «третьего мира» приблизилась к 2 трлн долл. — такая сумма не может быть погашена этими странами. Чем больше задолженность страны, тем больше на нее оказывается давления, чтобы она взяла в долг еще большие суммы на покрытие дефицита, часто по более высоким процентным ставкам и при более сжатых сроках возмещения.

Все большая и большая часть доходов стран-должников идет на покрытие долгов, оставляя все меньше и меньше средств для внутреннего потребления. Задолженность некоторых стран выросла до таких огромных размеров, что проценты накапливаются гораздо быстрее, чем могут быть произведены очередные платежи. Долг растет сам по себе, поглощая все больше и больше денежных средств страны должника.

К концу 1980-х годов в такой стране, как Парагвай, 80% доходов от экспорта пошло на оплату процентов по внешнему долгу. Большая часть стран-должников выделяет от одной до двух третей своего дохода от экспорта на погашение долгов. В начале 1983 года проценты,

полученные иностранными банками от долгов стран «третьего мира», превзошли в три раза прибыль банков от прямых инвестиций в эти страны.

Если еще больше заострить проблему, то национальная валюта бедных стран обесценена. Как заметил экономист Арджун Махиджани, существующие сегодня валютные курсы между процветающими и бедными странами не устанавливаются на основе сравнения производительности труда и внутренней покупательной способности, а искусственно поддерживаются западными финансовыми центрами для того, чтобы обесценивать доходы народов стран «третьего мира».

Можно пожелать бедным нациям самим освободиться от кабальной зависимости путем односторонней отмены долгов. Фидель Кастро к этому призывал. Но страны, которые не выполняют свои обязательства по долгам, рискуют не получить краткосрочный кредит для финансирования импорта. Они рискуют тем, что их зарубежные счета будут заморожены, имущество, находящееся за границей, арестовано, закрыт доступ на рынки экспорта.

Во избежание невыполнения своих обязательств бедные страны продолжают брать в долг. Но для того чтобы получить право на другие займы, страна должна принять условия реструктурирования долгов МВФ. Она должна сократить внутреннее потребление на то время, пока будет производить больше товаров на экспорт для того, чтобы расплачиваться по долгам. Страна-должник должна «наказывать» свой народ, урезая дотации на продовольствие, жилищное строительство, недостаточно финансируемую сферу услуг. Она должна проводить девальвацию валюты, замораживать заработную плату и повышать цены так, что ее народу необходимо работать еще больше и потреблять еще меньше. А также она должна предоставлять более благоприятные налоговые льготы иностранным компаниям и ликвидировать субсидии предприятиям, находящимся в местной и государственной собственности. Сегодня выплаты по долгам представляют собой значительное перемещение материальных ценностей от работающих бедняков стран «третьего мира» в сундуки международного финансового капитала.

Иностранная помощь как орудие

В большинстве случаев помощь США связывает страну-реципиент обязательством покупать товары США по ценам США, а также перевозить товары на кораблях США. Придерживаясь своих обязательств перед капитализмом, правительство США не предоставляет помощь государственным предприятиям стран «третьего мира», а только частному сектору. В большинстве случаев иностранная помощь не доходит до наиболее бедных секторов экономики страны-реципиента. Ее большая часть используется для субсидий инвестиций корпораций США, и ее значительная часть оседает в сундуках коррумпированных правителей-компрадоров. Часть помощи идет на субсидии экспорта товарных культур агробизнеса в ущерб мелким фермерам, производящим продукты питания для местных рынков.

Конечным результатом иностранной помощи, как происходит в большинстве случаев зарубежных инвестиций, является растущая концентрация материальных ценностей у меньшинства и более глубокая нищета для большей части населения. Большие суммы денег не могут вводиться в классовое общество безотносительно того, для какого класса они предназначены. Они идут либо к богатым, либо к бедным, в большинстве случаев — к богатым.

Помощь является также мощным средством политического контроля. Помощь прекращается, как только бедные страны осмеливаются проводить реальные преобразования, которые могут повлиять на распределение материальных ценностей и власть. Так, в 1970 году, когда демократически избранное правительство Альенде начало проводить реформы в Чили, предоставлявшие льготы рабочему классу и посягавшие на привилегии состоятельных инвесторов, помощь США сразу прекратилась, в то время как помощь чилийским военным продолжалась и наращивалась. В отдельных случаях помощь сознательно используется для ослабления местных производителей. Так было, когда Вашингтон выбросил на рынок Никарагуа большое количество сорго и замороженных цыплят для того, чтобы сбить цены кооперативных фермерских хозяйств и подорвать земельную реформу.

Так было, когда Вашингтон направил зерно в Сомали для ослабления местного производства и для того, чтобы нанести ущерб независимым сельским хозяйствам. Следует помнить, что экспорт этой сельскохозяйственной продукции корпораций получает большие дотации от правительства США.

Основным инструментом помощи, предназначенной для определенного класса, является Всемирный банк, международный консорциум, объединяющий банкиров и экономистов, который тратит миллиарды долларов, большая часть которых поступает от налогоплательщиков США, на финансирование проектов, направленных на поддержку репрессивных правых режимов и субсидирующих корпоративных инвесторов в ущерб малоимущим и окружающей среде. Например, в 1980-е годы Всемирный банк построил дорогу в северозападных тропических лесах Бразилии, затем выровнял миллионы акров земель для того, чтобы зажиточные бразильские хозяева ранчо могли пользоваться дешевыми пастбищными землями. Бразилия направила городских бедняков в район этой дороги, чтобы они поселились там и обрабатывали землю, а позже истоцили ее. По прошествии десяти лет район был обескровлен и стал ассоциироваться с болезнями и бедностью. Как Джим Хайтауэр заметил: «Банкиры-грабители всего мира, вместе взятые, не нанесли и одной десятой процента того вреда, который Всемирный банк нанес только за пятьдесят лет».

С рациональной жестокостью

Наряду с бедностью и неправильным развитием другим наследием империалистического экономического господства являются чудовищная политическая репрессия и государственный террор. В истории империализма было мало, если таковые и были, мирных колонизаций. Только посредством установления разрушительного и часто жестокого военного превосходства завоеватели могли захватывать земли других народов, вымогать дань, подрывать их культуру, разрушать города, уничтожать ремесла и промышленность и связывать обязательствами или порабощать их рабочий класс. Так поступали испанцы в Южной и Центральной Америке; португальцы в Анголе, Мозамбике и Бразилии; бельгийцы в Конго; немцы в юго-западной Африке; итальянцы в Ливии, Эфиопии и Сомали; голландцы в восточной Индии; французы в Северной Африке, Мадагаскаре и Индокитае; британцы в Ирландии, Китае, Африке и на Ближнем Востоке; японцы в Корее, Маньчжурии и Китае; и американцы в Северной Америке (против уроженцев Северной Америки), на Филиппинах, в Центральной Америке, на Карибских островах и в Индокитае. И это — далеко не полный список.

Разделение мира часто рассматривается сторонниками империализма как естественный феномен, приводящий к «международной специализации производства». В действительности империализм отличает его крайне неестественное качество, его повторяющаяся зависимость от применения силы и репрессий. Империи не возникают естественным и невинным образом в «припадке рассеянности», как говорилось ранее о Британской империи. Они спаяны с хорошо продуманным обманом, жадностью и безжалостной жестокостью. Они построены мечом, кнутом и оружием. История империализма — это история порабощения и массовых убийств миллионов невинных людей, история, более не внушающая страх оставшейся, удобно невежественной, части людей в большинстве наших школ.

Террор остается одним из наиболее банальных средств империалистического господства. При финансовой и технической

поддержке Центрального разведывательного управления США (ЦРУ) и других подобных структур военная полиция и службы безопасности государств-клиентов проходят подготовку в искусстве ведения наблюдения, допроса, пыток, запугивания и убийств. Пехотная школа сухопутных войск США (SOA), находящаяся в Форт-Бенинге, штат Джорджия, известна по всей Латинской Америке как «Школа убийц». В ней обучаются армейские офицеры из государств-клиентов США последним методикам проведения репрессий. В такой стране, как Сальвадор, большая часть офицеров участвует в избиениях в деревнях, а в других зверствах принимают участие выпускники школы SOA.

Компрадоры, устраивавшие репрессии, заставляли своих жертв присутствовать на пытках друзей и родственников, включая детей. Они насиловали женщин в присутствии членов их семей, прижигали половые органы кислотой или обваривали кипятком, запускали крыс во влагалище женщинам и в рот узникам, калечили, прокалывали и отрезали органы тел жертв, включая гениталии, глаза и языки. Они вводили воздух в грудь и в вены женщинам, что вызывало медленную болезненную смерть, вставляли штыки и дубинки во влагалища, а если это были мужчины — в задний проход, вызывая разрывы и смерть^[3].

В таких странах с антикапиталистическим революционным правительством, где экономические ресурсы распределялись в пользу большинства, а не меньшинства, как Никарагуа, Мозамбик, Ангола и Афганистан, «государство национальной безопасности» США поддерживало антиправительственные силы наемников в изнуряющих войнах, которые разрушали школы, кооперативные крестьянские хозяйства, больницы и целые деревни. Наемники насиловали женщин и девочек, калечили, убивали или наносили психологические травмы десяткам тысяч людей. Тысячи мальчиков похищаются и направляются служить в контрреволюционные силы, поддерживаемые США.

Миллионы граждан лишаются корней, оказываются в лагерях беженцев. Эти изнурительные войны влекут ужасающие людские потери и, в конечном счете, принуждают революционные правительства отказываться от своих программ.

В таких прокапиталистических странах, как Сальвадор и Гватемала, «государство национальной безопасности» США на стороне правительства, оно оказывает поддержку в подавлении восстаний с целью сдерживания сил национального освобождения.

Под «государством национальной безопасности США» я понимаю Исполнительное управление Белого дома, Совет национальной безопасности США (NSC), Агентство национальной безопасности, Центральное разведывательное управление, Пентагон, Федеральное бюро расследований и другие подобные структуры, в ведении которых находятся вопросы надзора, подавления, секретные миссии, а также силовые интервенции за границей и у себя дома.

Затяжная война, которая ведется против народа Сальвадора, является одним из многих трагичных примеров подавления восстаний. Она финансируется США и направлена против народа, борющегося за социальную справедливость. Обученные и экипированные США войска Сальвадора вырезали целые деревни, которые подозревали в том, что они симпатизировали партизанам. С 1978 по 1994 год было убито около 70 000 сальвадорцев, в основном правительственными войсками. Почти 540 000 человек отправлено в изгнание. Другая четверть миллиона была переселена в другие места или силой вывезена войсками в лагеря для переселенцев. Все это происходило в стране с населением всего в четыре миллиона человек.

В соседней Гватемале человеческие потери в результате тридцатипятилетнего конфликта, финансируемого ЦРУ, были оценены в 100 000 человек к 1994 году, плюс 60 000 пропавших без вести. Около 440 деревень, подозреваемых в симпатии к герриллам, было разрушено и большая часть жителей вырезана. Почти миллион человек спаслись бегством, а другой миллион стали внутренними мигрантами, насильственно вынуждаемыми покидать свои дома во время широко распространенных карательных акций по подавлению восстаний. Убийства продолжаются.

В Колумбии в длительной партизанской войне правительственными войсками было уничтожено тысячи человек. В годы послевоенной амнистии более тысячи политиков некапиталистической или реформистской направленности и активистов было убито правыми военизированными группировками, включая двух кандидатов в президенты Патриотического союза и одного члена колумбийского сената, который возглавлял Коммунистическую партию. Там также продолжаются убийства без всякого выражения протеста со стороны Соединенных Штатов, которые продолжают посылать в Колумбию военную помощь.

В Индонезии при поддержке США военными было уничтожено от 500 000 до одного миллиона человек в 1965 году, ликвидирована индонезийская Коммунистическая партия и большая часть сочувствующих сторонников, что даже *New York Times* (12 March 1966) назвала «одним из самых массовых жестоких убийств современной политической истории». Десять лет спустя индонезийские военные оккупировали Восточный Тимор, свергли реформистское правительство и уничтожили от 100 000 до 200 000 человек страны с населением в почти 600 000 жителей. Агрессия началась на следующий день после того, как президент США Джеральд Форд и госсекретарь Генри Киссинджер достигли договоренности о визите в Индонезию. Филипп Лиехти, официальный представитель ЦРУ в Индонезии в то время, в своих комментариях к этим событиям недавно заметил (*New York Times*, 12 August 1994), что индонезийский генерал Соэрто «недвусмысленно получил зеленый свет сделать то, что он сделал». Лиехти заметил, что поставки большей части оружия, которое использовала индонезийская армия, так же как и боеприпасов и провизии, осуществлялись Соединенными Штатами.

Проявление военной силы сегодня даже более очевидно, чем это было в эру колониальных завоеваний и оккупаций. Соединенные Штаты содержат самую мощную военную машину на земле. Мнимой причиной ее создания была цель — защищать демократию от коммунистической агрессии, но в настоящее время военная миссия США состоит не в том, чтобы отражать вторжение России и Кубы, как было продемонстрировано во Вьетнаме, Камбодже, Лаосе, Ливане, Доминиканской Республике, Гренаде и Панаме, а предотвращать господство местных антикапиталистических, революционных или популистских национально-освободительных правительств.

Военная сила США используется также опосредованно, путем финансирования армий, жандармерий, разведывательных служб и служб безопасности стран «третьего мира», включая отряды смерти. Их цель состоит не в том, чтобы защищать местные автократические правительства от несуществующего коммунистического вторжения, а в том, чтобы подавлять и внушать страх повстанческим силам их народов или прилегающих государств, как поступает Марокко в Западной Сахаре, а Индонезия — в Восточном Тиморе.

В дополнение к финансированию контрразведки и внутренних сил безопасности стран «третьего мира» правительство США участвует в авансировании и модернизации вооруженных сил около десятка государств-клиентов, включая Южную Корею, Турцию, Индонезию, Аргентину и Тайвань (1995), путем поставок реактивных самолетов, вертолетоносцев, танков, бронированных транспортных средств, артиллерийских устройств, фрегатов и управляемых ракет.

Проектировщики и практики империализма считают необходимым прибегать к крайним мерам применения силы для того, чтобы воплощать свою политику политико-экономического доминирования. Их приспешники с сомнительной репутацией, которые вербуются для выполнения грязной работы по совершению убийств и проведению пыток, не родились садистами и палачами. Советники ЦРУ обучают их необходимым техническим приемам. Правительственные палачи в Латинской Америке заявляют, что они «профессионалы», задача которых состоит в том, чтобы вытягивать информацию из *людей, ведущих подрывную политическую деятельность*, так что лучше вести войну против них. Также отряды смерти не убивают людей в припадке случайного бешенства. Они тщательно отбирают политических противников, рабочих лидеров, протестующих студентов, духовенство, ориентированное на реформы, и журналистов, выступающих с наиболее сильной критикой.

Конечно, сотрудники ЦРУ, разрабатывающие эти жестокие программы, не считают, что они вовлечены во что-то менее благородное, чем защита интересов США за рубежом. Они могут признать, что некоторые из их методов малоприятны, но тотчас указывают на необходимость отвечать огнем на огонь, подчеркивая, что победа коммунизма гораздо большее зло, чем какие бы то ни было репрессивные методы, обусловленные целесообразностью, которые они вынуждены использовать. Так, они оправдывают свои преступления, говоря, что их жертвы являются преступниками. Борцы за национальную безопасность не поддерживают палачей и отряды смерти без достаточных на то оснований. Иногда бывает и такое, но только в том случае, если они являются частью процесса уничтожения и подавления, проводимого в защиту особых политико-экономических интересов.

Империализм вынужден создавать систему безопасности, которая поддерживается государством, для защиты собственных зарубежных капиталовложений. Иногда государство заявляет свои права от имени частных инвесторов до того, как инвесторы готовы сделать это сами. Почти век тому назад президент Вудро Вильсон прояснил это, заметив, что правительство «должно открыть эти (зарубежные) торговые ворота, и открыть их широко, открыть их до того, как будет выгодно их открытие для всех, или совсем приемлемо попросить частный капитал открыть их наугад».

Государство должно защищать не только зарубежные капиталовложения частных фирм, но и сам процесс накопления капитала. Это влечет за собой систематическое подавление революционных и популистских национально-освободительных движений, которые стремятся построить альтернативные экономические системы в сочетании с более уравнительным коллективистским политическим курсом.

Империализм низкой интенсивности

Принимая во внимание общественное мнение внутри страны, империалисты США разработали метод «конфликта низкой интенсивности», чтобы сеять смерть и разрушения в странах и уничтожать партизанские движения, следующие альтернативному курсу развития. Согласно этому методу, признается, что партизанские силы стран «третьего мира» за редким исключением способны, если бы такое в каком-либо случае произошло, одержать полную победу над войсками оккупационной армии промышленной державы или над собственной компрадорской армией. Самое большое, на что партизаны еще могут рассчитывать, это проведение изнурительной войны, тем самым лишая империалистическую страну окончательной победы до тех пор, пока само население этой страны не устанет от расходов и не потребует рассмотрения целесообразности проведения зарубежной операции. Затем с политической точки зрения война становится слишком дорогостоящей для империалистов, чтобы доводить ее до конца.

Движение Сопротивления за национальное освобождение Алжира никогда не было близко к тому, чтобы окончательно разбить французов, тем не менее оно существовало достаточно долго и привело к падению Четвертой республики, а также способствовало тому, что Франция признала независимость Алжира. Войны, которые Португалия вела в Гвинее-Бисау, Анголе и Мозамбике, оказались настолько затянувшимися и дорогостоящими, что диктатура Салазара была дестабилизирована и в конечном счете низвержена. В Соединенных Штатах казавшаяся бесконечной война во Вьетнаме привела к тому, что страну стали разрывать на части массовые демонстрации, сидячие забастовки, массовые беспорядки, уклонения от воинской повинности и другие акты противодействия войне.

Во избежание появления такой политической оппозиции у себя дома высокопоставленные политики Вашингтона разработали методику конфликта низкой интенсивности, метод ведения войны, который позволяет избегать решительных открытых военных действий, тем самым минимизируя использование и потери среди

военнослужащих США. Малоинтенсивная война — это война, которая ведется от имени другого лица с использованием наемных войск стран «третьего мира» при поддержке США. Благодаря предоставлению Вашингтоном военных инструкторов и советников, огневой мощи, помощи наблюдателей и средств связи, а также больших финансовых средств эти войска способны выживать бесконечно долго, уничтожая понемногу за одну операцию, совершая короткие вылазки в сельскую местность, террористические акты в городах и деревнях. Наемные войска воздерживаются от решительных действий против партизанских сил, что затягивает окончательную победу, и война все больше подвергается критике за ее тщетность и жестокость.

Война, которую вела администрация Рейгана и Буша против Никарагуа, продолжалась почти десять лет. Война, направленная на подавление восстания в Сальвадоре, длилась около пятнадцати лет; на Филиппинах — более двадцати лет; в Колумбии — более тридцати лет; в Гватемале — тридцать пять. Как только война переходит в стадию конфликта низкой интенсивности, массовая резня прекращается, массовые военные операции более не проводятся, больше нет побед или поражений, полных драматизма, нет Дьенбьенфу или наступления в Тет.

Общественность США перестает выступать в оппозиции к правительству, так как кажется, что ничего заслуживающего внимания не происходит и очередная интервенция исчезает из новостей. Так же как и партизаны, интервенты ведут изнуряющую войну, но против народа и без его поддержки. Их цель — в том, чтобы продемонстрировать, что у них есть неограниченное время и ресурсы, что они могут продержаться дольше, чем силы партизан, не только с военной точки зрения, но и с политической, потому что давление, направленное на вывод войск интервентов назад домой со стороны их собственного народа, слишком ничтожно.

В то же время силы партизан не могут существовать без поддержки своего народа, сила духа которого падает все больше и больше из-за огромных людских потерь. Возрастающая усталость народа Сальвадора от войны стала одной из причин, которая способствовала тому, что освободительные силы FMLN пошли на риск переговоров для заключения мира с вероломным правительством Сальвадора и финансирующими его Соединенными Штатами.

Партизаны Гватемалы и Сальвадора так и не были окончательно разбиты, но были сдержаны в военном отношении, после чего они оказались в сложной политической ситуации. Даже когда движение FMLN время от времени демонстрировало, что оно все еще способно вести наступательные бои, результат имел ограниченное военное значение и часто дорого обходился. При конфликте низкой интенсивности силы партизан теряют свое самое большое стратегическое оружие — способность переносить большие потери в течение более длительного времени, чем империалисты, способность держаться дольше с политической точки зрения. Теперь империалистические силы могут оставаться на поле боя бесконечно. Война низкой интенсивности — в той же мере политическая стратегия, как и военная.

В Никарагуа, Мозамбике, Анголе, Эфиопии, Афганистане и других странах империалистическая интервенция — это не подавление правительством партизанского восстания, а бесчеловечная кампания, проводимая наемными силами при поддержке США, которая направлена против «легких целей» амбициозного революционного общества: сельских клиник, городов, кооперативных фермерских хозяйств и уязвимо, плохо защищенного населения. Простой народ, ставший мишенью, истекает кровью, и по нему наносится массированный огонь до тех пор, пока он больше не сможет терпеть. Крик о мире исходит не от народа империалистической страны, а от народа страны-жертвы, который в конечном счете вынужден подчиниться экономическим и политическим намерениям обстреливавших его бомбардиров.

Глобализация ГАТТ

Среди недавних соглашений, подписанных политико-экономической элитой мира, можно выделить Североамериканское соглашение о свободе торговли (НАФТА) и уругвайский раунд Генерального соглашения по тарифам и торговле 1993 года (ГАТТ), которые представляют собой попытку посягнуть на суверенитет государств-наций в пользу транснациональных корпораций. Общественному мнению эти соглашения преподносятся как соглашения, способствующие преодолению тарифных барьеров, интеграции национальных экономик в глобальную систему и приносящие пользу народам всех стран в связи с увеличением торговли. Процесс глобализации рассматривается как благоприятное и естественное историческое развитие, которое, по общему мнению, приводит нас от региональных рыночных отношений к национальным, а теперь и международным отношениям.

Цель транснациональной корпорации состоит в том, чтобы стать действительно транснациональной, уравновесить суверенную власть любого отдельно взятого государства с суверенной властью других стран. Десять лет тому назад корпорация General Motors объявила себя глобальной компанией, а не просто американской, в связи с проведением инвестиций в разных странах мира. Как будто стремясь привлечь внимание к этому вопросу в своей стране, General Motors продолжает закрывать свои заводы в США и открывает новые за рубежом. В том же духе в газете *New York Times* (21 May 1989) были приведены слова Сирила Сьюэрта, финансового директора компании Colgate Palmolive: «В Соединенных Штатах нет заинтересованности в наших (корпорации) ресурсах. Нет такого образа мышления, которое ставило бы эту страну на первый план». Несколько лет тому назад Dow Chemical подтвердила, что думает о том, чтобы стать *внеамериканской* компанией, то есть компанией, которая не имеет предпочтений к одной какой-либо стране — и, следовательно, не имеет никаких обязательств и не подотчетна ни одной из стран. Компания Dow собиралась приобрести остров на Карибах и зарегистрироваться на нем, чтобы существовать как государство в государстве.

Потребность в корпоративных островах-государствах отпадет, если будет действовать ГАТТ. Власть корпораций будет сильнее суверенной власти национальных государств. Всемирная торговая организация (ВТО) явилась преемником соглашений ГАТТ. Эта международная ассоциация включает более 120 стран, подписавших соглашение и имеющих одинаковый юридический статус «Объединенные Нации». ВТО обладает полномочиями предотвращать, отклонять, ослаблять законы о защите окружающей среды, социального обеспечения, прав потребителя, трудовое законодательство любой страны. Она учреждает комиссии, которые состоят из невыборных специалистов в области торговли. Эти специалисты выступают в качестве экспертов по экономическим вопросам, ставят их над интересами национального суверенитета и народного контроля, тем самым обеспечивая подчинение общих интересов финансовому капиталу.

Назначенные на должность неизбирательным органом и ограниченные правилами о незлоупотреблении служебным положением, эти эксперты могут иметь финансовую заинтересованность именно в тех вопросах, по которым они выносят решения. Они тайно назначают встречи, не афишируют своих действий, и на них не распространяется право административной апелляции. Их задача состоит в том, чтобы создать мир, в котором они выполняют только регулятивную функцию, в то время как производителями являются транснациональные корпорации. Как отмечает Ким Муди (*Labor Notes, February 1994*), 500 страниц правил ГАТТ направлены не против торговли и инвестиций, а против правительств. Правительства, подписавшие договор, должны снижать тарифы, прекращать субсидии фермерским хозяйствам, относиться к иностранным компаниям так же, как к местным, удовлетворять все патентные требования корпораций и подчиняться правилам постоянной элитарной бюрократии, ВТО. В случае если страна отказывается вносить изменения в свои законы, когда это предписывается комиссией ВТО, ГАТТ может наложить международные торговые санкции, которые лишают сопротивляющуюся страну необходимых рынков и сырья. ГАТТ будет помогать сильным странам в ущерб слабым, способствовать выгоде богачей в ущерб остальным — всем нам.

При ГАТТ некоторые страны уже указывали на то, что принудительное нанесение маркировочных знаков на продукты питания, законы защиты морской жизни, экономия расхода топлива и экологические нормы для автомобилей, запрет на использование асбеста, запрет на импорт продуктов детского труда, запрет на продукты вымирающих видов и на опасные пестициды являются «несправедливыми нетарифными торговыми барьерами». Граждане, работающие на местном, государственном и национальном уровнях, стали своего рода препятствием для корпораций, работающих на глобальном уровне. В заявлении в июне 1994 года Ральф Нейдер заметил, что ВТО «значительно сократило бы вовлечение граждан в вопросы коммерции», тем самым подрывая действующие регулятивные законы США, обманывая в том, какого бы маленького народного суверенитета мы могли бы достигнуть.

Под видом защиты «прав интеллектуальной собственности» ГАТТ разрешает многонациональным корпорациям навязывать местным и общинным сельским хозяйствам обязательное лицензирование и получение монопольных прав на собственность. Таким образом ГАТТ помогает корпорациям проникать в местные самодостаточные общины и монополизировать их ресурсы. Нейдер привел пример мелии индийской, экстракта, который содержит природные пестицидные, медицинские и другие ценные вещества. Выращиваемое на протяжении веков в Индии дерево привлекло внимание различных фармацевтических компаний, которые начали регистрировать права на получение монополии на патент, что вызвало массу протестов со стороны индийских фермеров. Вооруженные патентами, как это требуется законами ВТО, фармацевтические компании получают монополию на осуществление контроля над маркетингом продукции из мелии индийской.

В большинстве случаев ГАТТ предоставляет корпорациям средства на грандиозные приобретения имущества, находящегося в государственной собственности, а также холдингов местных владельцев и рабочих коллективов. Лишенные тарифных льгот, многие маленькие семейные фермы Северной Америки разорятся, а самодостаточные деревенские сельские хозяйства большей части Азии и Африки будут разрушены. Как заметил Ким Муди, «Крестьяне-

производители стран "третьего мира" будут миллионами изгоняться со своих земель, как это уже происходит в Мексике (согласно НАФТА)».

Нам говорят, что для того, чтобы оставаться конкурентоспособными согласно ГАТТ, мы, в Северной Америке, должны увеличить производительность труда, сократив расходы на рабочую силу и производственные расходы. Мы должны тратить меньше средств на систему социального обеспечения и вводить больше льгот на заработную плату, проводить реструктуризацию, прекращать регулирование и приватизацию. Только тогда мы сможем справиться с безликими силами, сметающими нас. В действительности в этих силах нет ничего безликого. ГАТТ было сознательно разработано деловыми и правительственными элитами в течение определенного периода времени, компаниями, которые недвусмысленно проводили нерегулируемую мировую политику в области экономики и противопоставляли все демократические исследования существующим в бизнесе правилам.

В связи с тем, что капитал становится даже более подвижным и не подлежащим учету при реализации планов согласно соглашениям НАФТА и ГАТТ, народ какой-либо провинции, штата или страны посчитает слишком сложным заставить свое правительство принять протекционистские нормы или разработать новые формы производства в государственном секторе. Рассмотрим один пример: по соглашениям о свободной торговле между Канадой и Соединенными Штатами программа автострахования неженатых плательщиков, принятая в провинции Онтарио, была признана «недобросовестной конкуренцией» страховыми компаниями США. Гражданам Онтарио не разрешалось осуществлять свое суверенное право устанавливать альтернативную, не предназначенную для получения прибыли, страховую систему.

За последние два десятилетия в странах Латинской Америки, Азии и даже Европы и Северной Америки консервативные силы прилагали колоссальные усилия, чтобы заполучить принадлежащие государству неприбыльные отрасли промышленности и сферы услуг (шахты, заводы, нефтяные скважины, банки, железные дороги, телефонные компании, коммунальные предприятия, телевизионные системы, почтовые услуги, здравоохранение и страховые фирмы) и

продать их по договорной цене частным компаниям для того, чтобы они работали и приносили прибыль.

В Индии, как и в нескольких других странах, лидеры, ориентированные на национальные интересы, попытались с определенным успехом вытеснить западные компании, не допускать иностранных инвесторов на биржи, построить государственный сектор и создать потребительские товары отечественного производства для местных рынков. Экономические связи Индии с Советским Союзом способствовали этим усилиям. Но с крахом СССР, после прихода ГАТТ и учреждения нового консервативного правительства в Нью-Дели Индия движется в сторону повторной колонизации. В начале 1990-х годов такие западные компании, которым ранее было отказано в пребывании, как Coca-Cola, вернулись в страну; западные инвестиции буквально хлынули; целые отрасли промышленности и потребительские рынки снова оказались под контролем иностранных фирм; отрасли промышленности, принадлежащие правительству, были приватизированы, несмотря на протесты их служащих и при неизбежном сокращении зарплат и рабочих мест. Подобный процесс происходит и в странах Восточной Европы, в которых Советский Союз финансировал целые отрасли экономики.

Разработанная таким образом, что экономическая судьба мира предоставляется на милость банков и многонациональных корпораций, глобализация является логическим продолжением империализма, победой империи над республикой, международного финансового капитала над демократией.

Глава 3

Интервенция: Кто извлекает выгоду? Кто страдает?

Сегодня Соединенные Штаты являются самым яростным сторонником повторной колонизации и главным противником революционных преобразований в мире. Выйдя из Второй мировой войны практически без потерь и превосходя все остальные промышленные страны в материальных ресурсах, производственных мощностях и вооруженной мощи, Соединенные Штаты стали главным поставщиком и защитником глобального капитализма. Если давать оценку размеру финансовых инвестиций и вооруженным силам Соединенных Штатов, если оценивать каждый признак империализма, за исключением прямой колонизации, империя США является самой потрясающей империей в истории, гораздо большей, чем Великобритания в XIX веке или Рим во времена античности.

Глобальная военная империя

Проявление силы США направлено на сохранение не только международной капиталистической системы, но и гегемонии США в этой системе. Проект «Руководства по планированию защиты», разработанный Пентагоном (1992), призывает Соединенные Штаты продолжать доминировать в международной системе, «оказывая препятствие развитым промышленным странам, оспаривающим наше лидерство или даже просто стремящимся к более глобальной или региональной роли». Поддерживая это господство, как утверждают аналитики Пентагона, Соединенные Штаты могут гарантировать «зону мира и процветания, ориентированную на рынок, которая включает более двух третей мировой экономики» (курсив мой. — М.П.).

Эта глобальная сила безмерно дорога. Сегодня Соединенные Штаты тратят больше средств на вооруженные силы и другие формы «национальной безопасности», чем другие страны мира, вместе взятые. Лидеры США руководят глобальным военным аппаратом никогда ранее невиданного в истории человечества размера. В 1993 году он включал почти полмиллиона войск, которые располагались более чем на 395 основных военных базах и на сотне второстепенных военных объектов тридцати пяти зарубежных стран, а также военно-морской флот, который по общему тоннажу и огневой мощи превышал все военно-морские флоты других стран, вместе взятых. Флот США состоял из крейсеров-ракетоносцев, ядерных подводных лодок, ядерных авианосцев, истребителей и кораблей-шпионов, которые совершали плавание в любых океанских водах и находили прибежище в гаванях любых континентов. Эскадрильи самолетов-бомбардировщиков и ракеты дальнего действия США могут достичь любой цели. Они несут боевой запас, мощность которого достаточна для того, чтобы разрушить целые страны при силе поражения более 8000 единиц стратегического ядерного оружия и 22 000 единиц тактического оружия. Силы быстрого развертывания США имеют огневую мощь, далеко превосходящую огневую мощь любой другой страны, и способны убивать безнаказанно, как это показали массовые убийства в Ираке в 1990—1991 годах.

После Второй мировой войны правительство США выделило более 200 млрд долл. на оказание военной помощи, которая направлялась на обучение, оснащение и субсидии войск численностью более 2,3 миллиона человек и сил внутренней безопасности восьми стран, целью которой была не защита этих стран от внешних агрессий, а защита правящих олигархов и инвесторов многонациональных корпораций от опасности местного антикапиталистического восстания. Среди получавших эту помощь были некоторые знаменитые военные автократии истории, страны, которые мучили, убивали или иным образом жестоко обращались с собственными гражданами за их диссидентские политические взгляды, такие, как Турция, Заир, Чад, Пакистан, Марокко, Индонезия, Гондурас, Перу, Колумбия, Сальвадор, Гаити, Куба (при правлении Батисты), Никарагуа (при Сомосе), Иран (при Шахе), Филиппины (при Маркосе) и Португалия (при Салазаре).

Лидеры США проповедуют преданность демократии. Однако за последние пять десятилетий избранные демократическим путем реформистские правительства в Гватемале, Гайане, Доминиканской Республике, Бразилии, Чили, Уругвае, Сирии, Индонезии (при Сукарно), Греции, Аргентине, Боливии, Гаити и в других странах были свергнуты прокапиталистическими войсками, которым государство национальной безопасности США оказывало помощь и финансовую поддержку.

Агентство национальной безопасности США участвовало в секретных операциях или войнах с участием наемников против революционных правительств Кубы, Анголы, Мозамбика, Эфиопии, Португалии, Никарагуа, Камбоджи, Восточного Тимора, Западной Сахары и других стран, несущих полное разорение, что приводило к большим человеческим потерям среди местного населения. Враждебные действия проводились также против реформистских правительств Египта, Ливана, Перу, Ирана, Сирии, Заира, Ямайки, Южного Йемена, островов Фиджи и других стран.

После Второй мировой войны Вооруженные силы США пошли на прямое вторжение или начали воздушные бомбардировки территории Вьетнама, Доминиканской Республики, Северной Кореи, Лаоса, Камбоджи, Ливана, Гренады, Панамы, Ливии, Ирака и Сомали, сея смерть и разрушения.

До Второй мировой войны Вооруженные силы США вели кровавую и затяжную завоевательную войну на Филиппинах с 1899 по 1903 год. Вместе с другими четырнадцатью капиталистическими странами Соединенные Штаты вторглись и оккупировали часть социалистической России с 1918 по 1921 год. Экспедиционные войска США сражались в Китае вместе с другими западными армиями с целью подавить Боксерское восстание и удержать китайский народ под пятой европейских и североамериканских колонизаторов. Морская пехота США вторглась и оккупировала Никарагуа в 1912 году, а также повторно с 1926 по 1933-й; Гаити с 1915 по 1934 год; Кубу с 1898 по 1902-й; Мексику в 1914 и 1916 годах. В период с 1911 по 1925 год Гондурас подвергся вторжению шесть раз; Панама подверглась оккупации с 1903 по 1914 год.

Почему интервенция?

Почему демократическая нация, проповедующая любовь к миру, посчитала необходимым использовать столько жестокости и репрессий против стольких народов во многих странах мира? Важная цель политики США — сделать мир безопасным для Fortune-500 и ее глобальной системы накопления капитала. Правительства, которые стремятся к любому виду экономической независимости или любому типу популистской политики перераспределения, которые пытаются получить избыточный продукт и использовать его на не приносящую прибыль сферу услуг, что благоприятно для народа, — такие правительства, вероятнее всего, почувствуют гнев интервенции или вторжения США.

«Назначенный враг» может быть реформистом, популистом, военным правительством, как в Панаме при правлении Торриджью (и даже при Норьеге), Египте при Насере, Перу при Веласко и Португалии после Салазара; христианским социалистическим правительством, как в Никарагуа при сандинистах; социал-демократией, как в Чили при Альенде, на Ямайке при Манли, в Греции при Папандреу и Доминиканской Республике при Боше; марксистско-ленинским правительством, как на Кубе, во Вьетнаме и Северной Корее; исламским революционным порядком, как в Ливии при Каддафи, и даже консервативным милитаристским режимом, как в Ираке при Саддаме Хусейне, если он нарушит правила по ценам или квотам на нефть.

Документы государственного архива подтверждают, что Соединенные Штаты являются самой главной силой интервенции в мире. Существуют различные и частично перекрывающиеся причины.

Защитить прямые инвестиции. В 1907 году Вудро Вильсон признал роль капиталистического государства в оказании поддержки частному капиталу:

«С тех пор как торговля перестала придавать значение национальным границам и производитель настаивает на том, чтобы весь мир стал рынком, флаг его нации должен следовать за ним, а двери тех наций, которые закрываются

перед ним, должны быть взломаны. Государственные министры должны защищать концессии, которые создаются коммерсантами, даже если суверенитет неблагосклонных наций будет грубо нарушен в процессе. Колонии переселенцев должны появляться или их необходимо создать, чтобы ни один полезный уголок земли в мире не был упущен или не остался неиспользованным».

Позже, уже в качестве президента Соединенных Штатов, Вильсон заметил, что Соединенные Штаты были вовлечены в борьбу «по управлению экономическими богатствами мира».

В конце XIX и начале XX века крупные инвестиции США в Центральной Америке и на Карибских островах привели к частому военному посредничеству, затяжной войне, длительной оккупации или даже прямому захвату территории, как в случае Гавайских островов, Пуэрто-Рико и зоны Панамского канала. Часто инвестиции направлялись на природные ресурсы страны: сахар, табак, хлопок и ценные металлы. Большой частью интервенции в Заливе в 1991 году (см. главу 6) и в Сомали в 1993 году (глава 7) соответственно были направлены на защиту нефтяной прибыли и нефтяных перспектив.

В эпоху окончания «холодной войны» адмирал Чарльз Ларсон отмечал, что, несмотря на то что численность Вооруженных сил США была сокращена в некоторых частях мира, их присутствие остается впечатляющим в азиатско-тихоокеанском регионе, так как торговля США в этом регионе значительнее, чем в Европе или Латинской Америке. Морской эксперт Чарльз Меконис также обращал внимание на «экономическую значимость региона» как причину большого военного присутствия США в Тихом океане (см.: Daniel Schirmer, *Monthly Review*, July/August 1994). В этих случаях меч идет за долларом.

Создать возможность для новых инвестиций. Иногда доллар идет за мечом в том случае, когда военная власть создает условия для новых инвестиций. Так, в 1915 году лидеры США, ссылаясь на «политическую нестабильность», вторглись на Гаити и уничтожили народную милицию. Войска задержались в этой стране на девятнадцать лет. В течение этого периода французы, немцы и англичане были изгнаны из страны, а фирмы США утроили свои инвестиции на Гаити.

Не так давно тайваньские компании предпочли японским фирмам фирмы США, так как США обеспечивали военную безопасность Тайваня. В 1993 году Саудовская Аравия подписала эксклюзивный шестимиллиардный контракт с компаниями США на поставку реактивных авиалайнеров. Европейский консорциум, отстраненный от сделки, обвинил Вашингтон в том, что он оказывает давление на саудитов, оказавших доверие Вашингтону ради своей военной безопасности в период после войны в Заливе.

Сохранение политико-экономического господства и системы накопления капитала. Конкретные инвестиции не являются единственной заботой империализма. Существует всеобъемлющее обязательство защищать глобальную классовую систему, обеспечивая доступ транснациональных инвесторов к земле, рабочей силе, природным ресурсам и рынкам. Важным является сам процесс инвестирования и получения прибыли в своей совокупности, а не отдельные частные вложения. Для защиты этого процесса империалистическое государство уничтожает те народные движения, которые пытаются выступить за любую политику перераспределения, давая им понять, что, если они будут развиваться, посягая на прерогативы корпоративного капитала, они дорого за это заплатят.

В двух из наиболее заслуживающих внимания военных интервенций США, в Советскую Россию с 1918 по 1920 год и во Вьетнам — с 1954 по 1973 год, большая часть инвестиций были европейскими, а не американскими. В этих и других подобных случаях преследовалась цель предотвращения возникновения конкурирующего социального строя и уничтожение всех возможных альтернатив капиталистического государства-клиента. Это остается целью и по сей день. Следующими целями стали такие страны, как Южный Йемен, Северная Корея и Куба.

Рональд Рейган был прав, когда признался в том, что его распоряжение о вторжении в Гренаду не преследовало цель защитить поставки мускатного ореха в США. Из Африки действительно можно было получать большое количество мускатного ореха. Он признавал, что природные ресурсы Гренады не являлись решающим моментом, так же как революционная коллективизация бедной страны с населением в 102 000 человек не представляла угрозу и не значила потерю инвестиций для глобального капитализма. Но если бы другие

страны последовали этому курсу, это в итоге стало бы представлять опасность для глобальной капиталистической системы.

Вторжение Рейгана в Гренаду явилось формальным предупреждением для всех других стран Карибского региона о том, что такая судьба ждет каждую страну, которая попытается освободиться от положения государства-клиента. Так, оккупанты положили конец революционным программам земельных реформ, здравоохранения, образования и кооперативов Нового алмазного движения. Сегодня при новых вершинах безработицы и крайней степени бедности Гренада опять крепко связана с миром свободного рынка. Несомненно, все страны региона приняли предупреждение к сведению.

Первоочередная забота империалистического государства состоит не в том, чтобы защищать прямые инвестиции какой-либо отдельно взятой компании, даже если государство иногда это и делает, а защищать глобальную систему частного накопления от конкурирующих систем. Пример Кубы иллюстрирует этот аспект. Указывалось на то, что эмбарго Вашингтона против Кубы закрывает фирмам США доступ к миллиардам долларов привлекательных инвестиций и торговых возможностей. Из этого делается неверный вывод о том, что политика США стимулируется неэкономическими интересами. На самом деле это демонстрирует как раз противоположное — нежелание терпеть те государства, которые пытаются освободиться от глобальной капиталистической системы.

Цель капиталистического государства состоит в том, чтобы предпринимать действия для развития всей капиталистической системы, что не могут делать отдельные корпоративные объединения. Предоставленные самим себе в выборе конкурентных средств, коммерческие компании не хотят подчиняться некоторым общим неписаным правилам системы. Это касается как внутренней экономики, так и рискованных начинаний за рубежом. Как любая хорошая капиталистическая организация, коммерческая компания может иметь общий рассчитанный на перспективу интерес в том, чтобы кубинский социализм был низвержен, но она может иметь и более привлекательный ближайший интерес в ведении прибыльного бизнеса с классовым врагом. Роль государства в том, чтобы заставить отдельные компании следовать общим правилам^[4]. В странах

«третьего мира» на карту поставлены не инвестиции, а долгосрочная безопасность целой системы транснационального инвестирования. Ни одной стране, которая следует независимому курсу развития, не позволят достичь цели, так как это будет опасным для подражания примером для других стран.

Общая неразбериха

Некоторые критики приводили доводы о том, что экономические факторы не оказывали важного влияния на интервенционистскую политику США, так как большая часть интервенций проводилась в странах, которые не имеют больших природных богатств и в них нет больших капиталовложений США, как в Гренаде, Сальвадоре, Никарагуа и Вьетнаме. Это то же самое, что говорить, что полиция особенно не заботится о защите богатств и частной собственности, потому что большая часть их силовых действий проходит в бедных районах. Интервенционистские силы не идут туда, где капитал существует как таковой; они идут туда, где капитал находится под угрозой. Они, например, не вторгались в зажиточную Швейцарию, потому что капитализм в этой стране находится в относительной безопасности и его положение никем не оспаривается. Но если левые партии придут к власти в Берне и попытаются национализировать швейцарские банки и основную собственность, это, скорее всего, привлечет пристальное внимание со стороны западных промышленных держав.

Некоторые обозреватели утверждают, что интервенции порождаются самим аппаратом национальной безопасности, Государственным департаментом, Советом национальной безопасности и ЦРУ. Эти структуры сотворяют новых врагов и кризисы, так как они должны оправдать свое существование и увеличить выделяемые им бюджетные средства. Эта точка зрения не учитывает реалий классового интереса и силы. Она выражает мнение о том, что высокопоставленные политики служат целям государственной политики только ради своего продвижения по бюрократической лестнице. Такое суждение ставит причину и следствие в обратном порядке. Это то же самое, что говорить, что лошадь — причина скачек. Это суждение рассматривает государство национальной безопасности в качестве инициатора интервенций, тогда как оно является одним из его инструментов. Лидеры США участвовали в интервенционистских действиях задолго до появления ЦРУ и Совета национальной безопасности.

Одним из тех, кто утверждает, что государство — это самогенерирующаяся и увеличивающаяся структура, является Ричард Барнет, который отвергает «самые привычные и зловещие стимулы» экономического империализма. Он утверждает, что, какими бы ни были их экономические системы, все крупные промышленные государства в поисках безопасности и господства стремятся создать власть и влияние. Конечно, поиск новых средств безопасности важен для любого государства. Однако капиталовложения многонациональных корпораций развиваются гораздо более динамичным путем, чем экономическая экспансия, как продемонстрировали социалистические или докапиталистические правительства.

В сущности, исследования, представленные в книге Барнета *Intervention and Revolution* («Интервенция и революция»), касаются бизнеса, а не национальных бюрократий безопасности как первичного стимула интервенции США. Антикоммунизм и советская угроза кажутся в меньшей степени причиной проведения жесткой политики, чем уловка, использующая пропаганду для запугивания американской общественности. Те самые стимулы, которые отвергает Барнет, кажутся важными в анализе Греции, Ирана, Ливана и Доминиканской Республики, в особенности желание обеспечить доступ к рынкам и сырьевым запасам, а также потребность защитить свободное предпринимательство по всему миру, как недвусмысленно утверждает различными политиками.

Кто-то может пожаловаться на то, что вышепредставленный анализ является «упрощенным», так как он классифицирует все международные события с точки зрения чисто экономических и классовых стимулов и игнорирует другие переменные величины, такие, как геополитика, культура, этническая и расовая принадлежность, национализм, идеология и мораль. Но я не утверждаю, что борьба в поддержку глобальной гегемонии капитализма объясняет все в мировой политике, и даже не все во внешней политике США. Однако это многое объясняет; так не настало ли время осознать это? Если творцы общественного мнения действительно хотят описать политическую жизнь во всем многообразии ее сложностей, так почему они так старательно сдержанны по поводу огромной реальной сущности империализма?

Существование других переменных величин, таких, как национализм, милитаризм, поиск национальной безопасности и погоня за властью и гегемонией, не заставляет нас ни отвергать экономической реальности, ни рассматривать эти переменные как обособленные от классовых интересов. Таким образом, желание расширить стратегическую мощь США в каком-либо регионе вызвано, по крайней мере частично, желанием обеспечить стабильность в зоне вдоль границ, которая благоприятна для интересов политико-экономической элиты, вот почему регион становится центром внимания.

Другими словами, различные рассуждения совершают круговое движение одно за другим. Рост зарубежных инвестиций вызывает потребность в военной защите. Это, в свою очередь, создает необходимость охранять базы и создавать альянсы с другими странами. В настоящее время альянсы расширяют периметр «защиты», который нуждается в поддержке. Таким образом, отдельно взятая страна становится не только «важнейшим» ценным капиталом для нашей защиты, но и должна защищаться, как любой капитал.

Вымышленные враги

Как указывалось в предыдущей главе, империя США — это неоимпериализм в своем операционном режиме. За исключением нескольких территориальных владений зарубежные экспансии США предполагали установление непрямого контроля, а не прямое владение, что вовсе не означает, что лидеры США не знают, что такое аннексии и завоевания. Большая часть того, что в наше время является континентальной территорией Соединенных Штатов, было насильственным путем отвоено у коренного населения Америки. Калифорния и весь юго-запад США был завоеван у Мексики посредством войны. Флорида и Пуэрто-Рико были захвачены у Испании.

Лидеры США могут убеждать американский народ в том, что огромные расходы на поддержание империи необходимы для обеспечения их безопасности и выживания. На протяжении многих лет нам говорили, что большая опасность, которой мы подвергаемся, это «мировая коммунистическая угроза со штаб-квартирой в Москве». Общественность принимала тяжелое налоговое бремя, чтобы выиграть в гонке вооружений сверхдержав и «сдержать советскую агрессию в случае ее возникновения». С распадом СССР наши политические лидеры предупреждают нас, что мир полон других опасных врагов, на которых прежде не обращали внимания.

Кто эти злосчастные враги, которые только и ждут момента, чтобы наброситься на США, как только мы ослабим оборону или действительно сократим бюджет на нашу огромную армию, достойную Гаргантюа? Почему они преследуют нас, а, например, не Данию или Бразилию? Этот сценарий полного врагов мира использовался правителями Римской империи и в XIX веке британскими империалистами. Необходимо всегда давать отпор врагам, что требует больше интервенций и больше экспансий. И если враги не найдены, они будут придуманы.

Когда Вашингтон говорит, что мы должны защищать свои интересы за границей, следует задавать себе вопрос, а все ли мы имеем там свои интересы. Дальние страны, о существовании которых

большинство американцев раньше и не подозревало, внезапно становятся жизненно важными для «наших» интересов. Чтобы защитить «нашу» нефть на Ближнем Востоке и «наши» ресурсы и «наши» рынки, наши дочери и сыновья должны участвовать в рискованных военных операциях за рубежом, а наши налоги нужны для финансирования этих операций.

Когда в следующий раз наша нефть окажется в опасности на Ближнем Востоке, мы должны не забывать о том, что мало кто из нас владеет нефтяными акциями. Кроме того, даже лишенные портфеля американцы делают вид, что имеют общий интерес с нефтяным концерном Exxon и корпорацией Mobil, потому что живут в экономике, зависящей от нефти. Предполагается, что, если народ других стран лишит крупные американские компании контроля над нефтью, они откажутся продавать ее нам. Предположительно они предпочли бы лучше отдать нас в руки конкурирующих производителей, а себя довести до разорения, отказываясь от миллиардов долларов, которые они могли бы заработать на североамериканском рынке.

В действительности страны, получающие контроль над своими природными ресурсами, не ведут себя таким странным образом. Куба, Вьетнам, Северная Корея, Ливия и другие страны были бы рады получить доступ к рынкам этой страны, продавая по ценам равным или по более низким ценам, чем те, которые устанавливаются гигантскими многонациональными корпорациями. Таким образом, когда страны «третьего мира» путем национализации, революции или и тем и другим путем возвращают себе нефть на своей земле или медь, олово, сахар или другие природные богатства, это вовсе не причиняет ущерб интересам простого народа США. Но это, конечно, причиняет ущерб многонациональным конгломератам, которые когда-то извлекали большую прибыль из этих предприятий.

Кто платит? Кто получает прибыль?

Нас заставляют думать, что народ Соединенных Штатов имеет общие интересы с гигантскими многонациональными корпорациями, с теми самыми компаниями, которые оставили наши общины в погоне за более дешевой рабочей силой за границей. В действительности практически по любому вопросу народ — далеко не в одной лодке с большими компаниями. Расходы на политику распределяются не равным образом; прибыль используется не на равных условиях. «Национальная» политика империалистической страны отражает интересы господствующего в этой стране социально-экономического класса. Класс, а не страна-государство, является ключевым элементом анализа при изучении империализма.

Тенденция отрицать существование противоречивых классовых интересов, когда имеешь дело с империализмом, приводит к неверному толкованию. Например, либеральные писатели, такие, как Кеннет Болдинг и Ричард Барнет, указывали на то, что империи стоят гораздо дороже, чем доход, который они получают, особенно в период войн, которые ведутся для поддержания империй. Так, с 1950 по 1970 год правительством США было израсходовано несколько миллиардов долларов на поддержку коррумпированной диктатуры на Филиппинах, в надежде, что оно тем самым защищает инвестиции США размером в 1 млрд долл. в этой стране. На первый взгляд нет смысла тратить 3 млрд долл., чтобы защищать 1 миллиард. Сол Ландо обращал внимание на тот же факт в отношении расходов США на интервенции в Центральной Америке: расходы превышали все текущие инвестиции США. Барнет отмечает, что «расходы на поддержание имперской привилегии превышают всегда доходы». Из этого был сделан вывод о том, что империи просто не стоят всех этих расходов и неприятностей. Задолго до Барнета «Круглый стол» империалистических политиков Великобритании хотел заставить нас поверить в то, что империя поддерживается не из-за прибыли; «с чисто материальной точки зрения империя — это скорее бремя, чем источник дохода» (Round Table, vol. 1, p. 232—239, 411).

Конечно, империи дешево не обходятся. Обременительные расходы необходимы для проведения военной репрессии и длительной оккупации, на колониальное управление, взятки и оружие для местных коллаборационистов, а также на развитие коммерческой инфраструктуры с целью содействия добывающей промышленности и проникновению капитала. Но империи не упускают выгодных предложений. Правительства имперских стран могут тратить больше, чем получают, но народ, который зарабатывает прибыль, не платит по счетам. Как указывал Торстейн Веблен в *The Theory of Business Enterprise* («Теории предпринимательства», 1904), доходы империи текут в руки привилегированного класса предпринимателей, в то время как издержки извлекаются из «усилий остальной части народа». Транснациональные корпорации монополизировали частную прибыль империи, в то время как сами несут малую часть, если таковая есть, государственных затрат. Расходы на вооруженные силы и помощь для того, чтобы обезопасить мир для General Motors, General Dynamics, General Electric и всех других генеральных компаний, оплачиваются правительством США, то есть налогоплательщиками.

Так было с Британской империей в Индии, расходы которой, как заметил К. Маркс за полвека до Веблена, «оплачивались из кармана народа Англии», и намного превосходили те денежные средства, которые поступали в британскую казну. Он сделал вывод о том, что польза для Великобритании от ее империи в Индии была ограничена «очень значительной» прибылью, получаемой избранными лицами, в основном группой акционеров и чиновников Ост-Индской компании и Банка Англии.

Начавшееся в конце XIX века и перешедшее в XX век завоевание Германией юго-западной Африки «оставалось инициативой, причиняющий ущерб налогоплательщикам Германии», по словам историка Хорста Дрешслера, однако «ряду монополистов все еще удавалось выжимать огромные прибыли из колонии в последние годы германского колониального господства». И сегодня империализм остается на службе немногих монополистов, а не большого числа налогоплательщиков.

В целом нет ничего иррационального в том, что тратятся три доллара из правительственных денежных средств для защиты одного доллара частных инвестиций — по крайней мере, не из будущих

средств инвесторов. Для защиты одного доллара своих денег они потратят три, четыре и даже пять долларов наших денег. По сути, когда дело доходит до того, что необходимо защищать свои деньги, наши деньги не имеют никакого значения.

Более того, расходы на какую-либо интервенцию США должны оцениваться не с точки зрения важности инвестиций США в конкретную страну, а с точки зрения мировой системы инвестиций. Было замечено, что расходы по задержанию грабителя банка могут иногда превышать украденную сумму денег. Но если бы грабителям позволяли уходить с места преступления безнаказанно, это поощрило бы других следовать их примеру и поставило бы под угрозу всю банковскую систему.

В этих различных войнах, направленных на подавление, ставка делается не на инвестиции в какую-либо отдельную страну, а на обеспечение безопасности всей международной системы финансового капитала. Ни одна из стран не может следовать независимому курсу развития. Никто не может уйти безнаказанно и беспрепятственно. Ни одна страна не может служить примером для вдохновения или быть источником материальной поддержки для других стран, которые хотели бы следовать политико-экономическому курсу, отличному от курса «неправильного» развития, навязанного глобальным капитализмом.

Миф о народном империализме

Тот, кто думает, что империя выражает только национальные интересы, а не, прежде всего, классовые, неверно истолковывает природу империализма. В своей книге *American Diplomacy* («Американская дипломатия 1900—1950») Джордж Кеннан представляет империалистическую экспансию США в конце XIX века как продукт народного стремления: американскому народу «просто нравился запах империи»; он хотел «купаться в лучах признания одной из самых великих имперских держав мира».

В журнале *Progressive* (October 1984) либеральные писатели Джон Бьюэлл и Мэтью Ротшильд высказывают мнение о том, что «американский дух утверждает, что американская нация — самая большая, самая лучшая, самая богатая и самая сильная. Только послушайте риторику наших политиков». Но действительно ли риторика политиков отражает чувства большинства американцев, которые в многочисленных опросах общественного мнения предстают определенно не сторонниками интервенций? Бьюэлл и Ротшильд утверждают, что, «когда какая-либо страна "третьего мира", какой бы она ни была — Кубой, Вьетнамом, Ираном или Никарагуа, с презрением отвергает наш образ действий, наше эго страдает...». В действительности эти страны отвергают образ действий глобального корпоративного капитализма — и это то, что политико-экономические лидеры США не потерпят. Рассуждения по поводу страдающего коллективного эго позволяют переложить вину империализма на простых граждан США, которые не являются ни создателями империи, ни лицами, пользующимися ее благами.

Аналогичным образом историк Уильям Эпплмен Уильяме в своей книге *Empire as a Way of Life* («Империя как образ жизни») ругает американский народ за то, что он стал приверженцем империи. Кажется, что «мы» становится синонимом «империи». «Мы» живем не по средствам, и империя необходима нам как часть нашего образа жизни. «Мы» эксплуатируем остальную часть мира и не знаем, как вернуться назад к более простой жизни. Подтекст заключается в том, что «мы» получаем выгоду от громадных фирм, которые экспортируют

наши рабочие места и эксплуатируют народы стран «третьего мира». «Мы» приняли решение отправить войска в Центральную Америку, во Вьетнам и на Ближний Восток и придумали свергнуть демократические правительства в десятке или более стран мира. И «мы» настояли на создании глобальной системы подавления восстаний, полицейских палачей и отрядов смерти во множестве стран.

Для Уильямса империалистическая политика — продукт массового сознания. Действительно, обычно простые американцы выступали против интервенции или проявляли к ней равнодушное отношение. Опросы общественного мнения в период войны во Вьетнаме показали, что общественность выступала за урегулирование конфликта путем переговоров и вывод войск США. Американский народ поддерживал идею создания во Вьетнаме коалиционного правительства, в которое вошли бы коммунисты, и проведение выборов, даже если бы коммунисты одержали на них победу.

Полстер Луис Харрис в своем отчете указывал, что в период с 1982 по 1984 год американцы отклонили предложение увеличить военную помощь Сальвадору и его автократической военной машине в соотношении более чем 3 к 1. Информационные обзоры установили, что 80% американцев было против отправки войск в эту страну; 67% было против минирования входов в гавань Никарагуа; и 2 к 1 было против помощи никарагуанским контраст (правое крыло ЦРУ поддерживало армию наемников, которая вела жестокую изнурительную войну против гражданских лиц Никарагуа). Опрос 1983 года, проведенный совместно Washington Post с ABC News, показал, что при соотношении 6 к 1 наши граждане были против попыток Соединенных Штатов свергнуть никарагуанское правительство. В соотношении более чем 2 к 1 общественность высказала свое мнение о том, что основная причина беспорядков в Центральной Америке была не в том, что в свержении были замешаны Куба, Никарагуа или Советский Союз, а в «бедности и отсутствии прав человека в этом регионе».

Даже ликование сверхпатриотичных желтых ленточек в период войны в Персидском заливе в 1991 году не было причиной самой войны. Это было не чем иным, как одним из отвратительных и обескураживающих побочных результатов происходящего. До начала

конфликта опросы общественного мнения показывали, что американцы поддерживали вывод иракских войск путем переговоров, а не прямое военное участие США. Но как только вооруженные силы США были приведены в действие, настроение «поддержи наши войска» и «иди за победой» завладело общественностью, которое подогревалось, как всегда, машиной шовинистической пропаганды средств массовой информации.

Как только приходит война, в особенности если обещают легкую и быструю победу, некоторые люди забывают о своих критических суждениях и отвечают на призыв как безрассудные патриоты. Кто-либо может указать на маленького бизнесмена из штата Массачусетс, который заявлял, что он был «решительным сторонником» военного участия США в войне в Заливе, однако признавался, что он не был уверен в том, ради чего велась война. «Это то, что я хотел бы знать, — говорил он. — За что мы сражались?» (New York Times, 15 November 1990)

Под влиянием воспоминаний о триумфе в Заливе Джордж Буш получил рейтинг 93% и был признан непобедимым на следующих выборах 1992 года. Однако буквально через год американцы, перестав испытывать воздействие ажиотажа «желтых ленточек», подверглись депрессии послевоенного периода, полного забот о работе, деньгах, налогах и других реалий действительности. От популярности Буша ничего не осталось, он был разбит скандальным, относительно неизвестным губернатором из Арканзаса.

Американский народ не может рассматриваться в качестве движущей силы военной политики, — оказывает ли он поддержку или выступает против какой-либо интервенции. Он не вынуждает своих лидеров вступать в войну на волне народной истерии. Дело обстоит иначе. Американские лидеры обманывают его и используют самых худших из его рядов. Даже в этом случае сотни тысяч граждан оказывают активное сопротивление и миллионы граждан правильно подозревают, что такие рискованные предприятия проводятся не в их интересах.

Культурный империализм

Империализм осуществляет контроль над миром средств коммуникации. Американские кино, телевизионные шоу, музыка, мода и продукты потребления наводняют Латинскую Америку, Азию и Африку, а также Западную и Восточную Европу. Американские рок-звезды и другие музыканты выступают перед аудиториями восторженной публики от Мадрида до Москвы, от Рио-де-Жанейро до Бангкока. Рекламные агентства США доминируют в рекламной индустрии мира.

Каждый год миллионы репортажей, фотоснимков, комментариев, редакционных статей, заказных тематических колонок и документальных очерков средств массовой информации США наводняют другие страны. Миллионы книг комиксов и журналов, осуждающих коммунизм и рекламирующих чудеса свободного рынка, переводятся на десятки языков и распространяются (дезинформирующими) информационными агентствами США. Только одно ЦРУ владеет 200 газетами, журналами, телеграфными агентствами и издательствами в разных странах мира.

Агентства, созданные правительством США, такие, как «Национальный вклад в демократию» (National Endowment for Democracy) и Агентство международного развития (Agency for International Development) вместе с Фондом Форда (Ford Foundation) и другими подобными организациями; они оказывают помощь университетам стран «третьего мира», предоставляя деньги на академические программы, институтам общественных наук, исследовательским, платят студенческие стипендии и покупают учебники, которые поддерживают идеологическую перспективу свободного рынка. Американский институт свободного развития труда (AIFLD) Американской федерации труда — Конгресса производственных профсоюзов (АФТ-КПП) при значительной финансовой поддержке Государственного департамента активно проникает в профсоюзы стран «третьего мира» или создает уступчивые профсоюзы, которые являются скорее антикоммунистическими, чем защищающими интересы рабочих.

Выпускники AIFLD участвуют в военных переворотах и операциях по подавлению восстаний в разных странах мира. Организации, подобные АФТ-КПП, действуют в Африке и Азии.

ЦРУ проникает в важные политические организации и имеет агентов на самых высоких правительственных уровнях разных стран мира, включая глав государств, военных лидеров и основные политические партии. Вашингтон финансирует консервативные политические партии в Латинской Америке, Азии, Африке и Западной и Восточной Европе. Их основное качество — они сочувствуют проникновению западного капитала. В то время как федеральные законы запрещают иностранцам делать взносы на проведение избирательных кампаний кандидатов США, политики Вашингтона оставляют за собой право вмешиваться в выборы таких стран, как Италия, Доминиканская Республика, Панама, Никарагуа и Сальвадор. И это — далеко не полный список. Лидеры США не стесняются широкомасштабно вмешиваться в экономическую, военную, политическую и культурную сферы деятельности и организации той страны, которую они выбрали. Вот что означает иметь империю.

Глава 4

Сильная империя, слабая республика

Успех империи зависит от ее способности экспроприировать ресурсы республики. В предыдущей главе мы отмечали, как финансовое бремя империализма поддерживается обычными налогоплательщиками, в то время как прибыль накапливается для привилегированного меньшинства. Существуют дополнительные способы заставить американцев оплачивать тайные расходы империи.

Экспорт рабочих мест

Еще в 1916 году В. И. Ленин указывал на то, что развитый капитализм будет экспортировать не только свои товары, но и сам капитал, не только свою продукцию, но и весь процесс производства. Сегодня большая часть фирм-гигантов США делают именно это — экспортируют свои технологии, заводы и сети продаж и даже наши рабочие места. Общеизвестно, что General Motors закрывает заводы в США. Менее известно, что на протяжении многих лет General Motors инвестирует миллионы долларов за рубежом на строительство новых автомобильных заводов в странах, где оплата труда гораздо ниже, чем оплата труда рабочих на американских автомобильных заводах. Это означает более высокую прибыль для General Motors и более высокую безработицу для Детройта.

За последние 20 лет американские фирмы утроили свои общие затраты за рубежом, причем их наибольший рост наблюдается в странах «третьего мира». Маловероятно, что эта тенденция изменится. В настоящее время американский капитализм производит за рубежом в 8 раз больше, чем экспортирует. Многие компании перевели свою производственную деятельность в другие страны. Все фото- и кинокамеры, продаваемые в США, производятся за границей, как и почти все велосипеды, магнитофоны, радиоприемники, телевизоры, видеоманитофоны и компьютеры. В настоящее время каждый третий сотрудник многонациональной компании работает за границей. Американские компании продолжают экспортировать десятки тысяч рабочих мест в год. Угрозы руководства перевести завод в другую страну часто оказывается достаточно для того, чтобы заставить американских рабочих принять условия сокращения заработной платы и льгот и согласиться с увеличением продолжительности рабочего дня.

Мы становимся жертвами экономического империализма не только как рабочие, но и как налогоплательщики и потребители. В США многонациональные компании не платят налог на прибыль, полученную в других странах, до тех пор, пока эта прибыль не возвращается в США, если она когда-либо вообще возвращается. Налоги, выплачиваемые стране-хозяину, в США рассматриваются как

налоговый кредит, а не как простые налоговые вычеты. Другими словами, 1 млн долл., выплачиваемый зарубежной стране в виде налогов или даже оплаты за разработку нефтяных месторождений, не рассматривается Налоговым управлением США как вычет из налогооблагаемого дохода (в этом случае экономия для компании может составить до 100 000 долл. или такую же сумму по налогам США), но он вычитается из окончательных налогов компании, таким образом принося компании экономию по платежам в размере 1 млн долл.

Кроме того, многонациональные компании могут жонглировать бухгалтерскими книгами своих различных зарубежных филиалов, показывая низкую прибыль в стране с высокими налогами и высокую прибыль в стране с низкими налогами и, таким образом, уходя от налогов, по крайней мере, на сумму в 20 млрд долл.

Миллиарды долларов, от уплаты которых уходят корпорации благодаря своим зарубежным «налоговым укрытиям», должны быть заработаны нами. Дополнительные миллиарды наших налоговых долларов идут на программы помощи правительствам, которые поддерживают рынки дешевой рабочей силы и переносят к себе американские рабочие места. Однако внешняя помощь США редко доходит до бедного народа получающей ее страны. Действительно, большая ее часть идет на военную помощь, которая, вероятнее всего, будет использована на подавление недовольства этого бедного народа. Деньги, поступающие от налоговых выплат, используются также на финансирование строительства дорог, офисных комплексов, заводов и портов, необходимых для поддержания добывающей промышленности стран «третьего мира».

Аналогичным образом прибыль империи не доходит и до американского потребителя. Как правило, товары, произведенные ценой сверхэксплуатации зарубежных рабочих, продаются по максимально высоким ценам на рынке США. Корпорации переезжают в Азию и Африку не для того, чтобы производить дешевые товары, которые сэкономят деньги американскому потребителю, а для того, чтобы максимально увеличить свою прибыль. Обувь, которая обходится Nike в 7 долл. за пару, если она производится в Индонезии, где компания или ее подрядчики платят женщинам-работницам около 18 центов в час, затем продается в этой стране по цене 130 долл. за

пару или больше. Бейсбольные мячи, производимые на Гаити при стоимости рабочей силы два цента за мяч, продаются в США по цене 10 долл. и выше. Бытовая техника General Electric, которую производят женщины Южной Кореи и которые работают за минимальный прожиточный минимум, и цветные телевизоры Admiral International, сборка которых производится низкооплачиваемыми рабочими Тайваня, стоят нам не дешевле, чем те, которые были произведены в Северной Америке. Как заметил президент компании Admiral, перемещение производства в Тайвань «не затронет ценовой политики в США, но это будет способствовать улучшению структуры прибыли компании, иначе мы не переехали бы».

Эти зарубежные инвестиции также не приносят большой пользы народам стран «третьего мира». Иностранные инвестиции создали «бразильское чудо» — они стали причиной значительного роста национального валового продукта страны в 1960-е годы. Одновременно это привело к дефициту продуктов питания и росту бедности, так как земли и рабочая сила Бразилии стали все больше использоваться для производства экспортных зерновых культур и все меньше — для нужд бразильского народа. В Центральной Америке земли, которые когда-то приносили богатые урожаи зерна и бобов для нужд населения, были превращены в ранчо крупного рогатого скота, где производят говядину, которая потребляется в Северной Америке и Европе.

Мы много слышали о «беженцах коммунизма». Следует на минуту задуматься и о беженцах капитализма. Большое число доведенных до нищеты выходцев из стран Латинской Америки и из других согнанных со своих земель жителей стран «третьего мира» были вынуждены искать убежище в экономическом изгнании, приезжать в Соединенные Штаты в большинстве своем нелегально, чтобы состязаться с рабочими США в получении неквалифицированной работы. Из-за своего нелегального статуса под угрозой депортации рабочие без документов, вероятно, менее всего будут объединяться в союзы и менее всего будут способны бороться за улучшение своих рабочих условий.

Империя против окружающей среды

На протяжении многих лет гербициды, пестициды и вредные для здоровья фармацевтические средства, запрещенные в США, продавались их производителями странам «третьего мира», в которых санитарные нормы слабы либо их вообще не существует. (В 1981 году президент Рейган отменил исполнительный приказ, подписанный президентом Картером, который обязывал бы экспортеров такой продукции сообщать стране-реципиенту о том, что данный товар запрещен в США.) При гарантированном рынке экспорта этот яд продолжает наносить вред здоровью рабочих химических заводов США, где он производится, а затем вновь появляется на наших столах в виде фруктов, овощей, мяса и кофе, которые мы импортируем. Эти продукты отравляют также народы стран «третьего мира», оставляя за собой болезни и смерть.

При переходе к ГАТТ будет проще, чем когда-либо, обходить законы о защите прав потребителя и окружающей среды. Химические и другие промышленные отходы, которые сливаются в подземные воды и океаны и выбрасываются в атмосферу многонациональными корпорациями, которые получают «быструю» прибыль, не ограничены рамками закона и осуществляют свою операционную деятельность в Азии, Африке и Латинской Америке, а также которые опустошают земли стран «третьего мира» горнодобывающими компаниями и компаниями, занимающимися заготовкой лесоматериалов, а также агробизнесом, — наносят серьезный ущерб воздуху, которым мы дышим, воде, которую мы пьем, и пище, которую мы едим. Экология не знает национальных границ.

В поисках дешевой земли, пригодной для разведения крупного рогатого скота, компании вырубали тропические леса по всей Центральной, Южной Америке и Юго-Восточной Азии. Истощение глобальной экологической базы представляет угрозу для всех жителей Земли. В ближайшие 20 лет тропические леса Центральной Америки и огромные леса бассейна реки Амазонка и могут быть полностью уничтожены. Более 25% всех выписываемых лекарственных препаратов производится из растений этих тропических лесов. Эти

леса являются местом зимовки для миллионов птиц, мигрирующих из Северной Америки, все меньшее число которых возвращается из Центральной Америки и многие из которых необходимы для сдерживания паразитов и грызунов.

Более половины лесов мира перестало существовать, если сравнивать с прошедшими столетиями. Леса являются основным природным источником очистки атмосферы от диоксида углерода. Сегодня избыток диоксида углерода изменяет химический состав земной атмосферы, ускоряя «тепличный эффект», таяние полярных льдов земли и вызывая ряд других климатических изменений. Сброс промышленных и радиоактивных отходов также губителен для наших океанов. Если океаны умрут, умрем и мы, так как они вырабатывают большую часть земного кислорода. В то время как империалисты свободно путешествуют по всему миру и наносят ему вред, мы страдаем от потенциально непреодолимых последствий.

Ущерб окружающей среде и живой природе также наносят Вооруженные силы США, которые используют миллионы акров земли как у себя дома, так и за границей в качестве полигонов для бомбардировок и учений войск. На протяжении десятилетий более сотни заводов по производству ядерного оружия выбрасывают радиоактивные отходы в воздух и сливают их в почву, подземные воды и реки. Войска являются самым большим потребителем топлива в этой стране и самым большим источником загрязнения окружающей среды. Для их нужд выбрасываются сотни тысяч тонн тяжелых металлов, растворителей и смазочных материалов, полихлорированных бифенилов, плутония, трития, сливаются топливо и другие токсичные отходы.

Вооруженные силы производят более 90% всех радиоактивных отходов США и сосредотачивают стратегические запасы тысяч тонн смертельных биохимических веществ. Существует 21 000 очагов заражения на военных базах и заводах ядерного оружия. Каждый год вооруженные силы используют миллионы тонн химикатов, которые исчерпывают запасы озона.

Итак, Вооруженные силы США представляют собой одну из самых больших угроз безопасности и существования американского народа и самой планеты Земля.

Потери США

Вооруженные силы также представляют собой угрозу для жизни рядового и сержантского состава армии. Военнослужащие рядового и сержантского состава регулярно погибают в автокатастрофах, при учебной стрельбе, крушении самолетов, корабельной стрельбе и прыжках с парашютом — в результате чего произошло 20 269 небоевых несчастных случаев со смертельным исходом с 1979 по 1988 год, или в среднем 2 027 в год. Кроме того, несколько сотен самоубийств происходит в войсках ежегодно.

Тысячи ветеранов армии, подвергшихся воздействию ядерного оружия, испытания которого проводились после Второй мировой войны, преждевременно умерли от рака. Вернувшиеся домой ветераны Вьетнама, инфицированные тоннами гербицидов, которыми обрызгивали Индокитай, сталкиваются с неизлечимыми заболеваниями, в то время как среди их детей наблюдается чрезвычайно высокий процент врожденных дефектов (как и среди детей Вьетнама, у которых гораздо больший процент отклонений). Также десятки тысяч ветеранов войны в Заливе 1991 года стали жертвами различных заболеваний в результате воздействия на них смертоносных веществ. В течение многих лет рабочие ядерных заводов и «облученные с наветренной стороны» жители штата Юта, которые подверглись облучению в связи с испытаниями ядерного оружия в Неваде, умирали преждевременной смертью. Многие из них дали жизнь генетически неполноценным детям.

Вооруженные силы проводили химические и бактериологические опыты над самими американцами. В 1950 году военно-морские силы распыляли бактерии в Сан-Франциско, что привело к серьезным заболеваниям некоторых жителей и смерти, по крайней мере, одного человека. В 1955 году ЦРУ провело испытание биологического оружия в бухте города Тампа, вскоре после которого двенадцать человек умерли от эпидемии коклюша. В период с 1950 по 1960 год проводились целенаправленные выбросы радиации с завода, производившего ядерное оружие, в городе Ханфорде, а затем

проводилось медицинское наблюдение за местным населением, проживавшим с наветренной стороны предприятия.

В 1994 году было обнаружено, что в конце 1940-х годов ученые, работавшие на правительство, вводили плутоний, возможно, сотням американцев без их ведома, и в течение следующих 20 лет распыляли заразные бактерии и химические препараты почти в 270 населенных зонах, включая Сент-Луис, Нью-Йорк и Миннеаполис.

Империя наносит удар по своему дому посредством наркотиков, которые направляются в США через секретные международные картели, связанные с ЦРУ. Широкомасштабная торговля наркотиками была связана с тайными войнами, которые велись при поддержке ЦРУ в Юго-Восточной Азии и Центральной Америке. В 1988 году были собраны доказательства связи никарагуанских контрабандистов, поддерживаемых США, с сетью контрабанды наркотиков, которая простиралась от плантаций кокаина в Колумбии до взлетно-посадочных полос Коста-Рики и подставных фирм в Майами — и, как неизбежность, — до улиц наших городов, полных наркотиками. Комиссия сената графства Керри представила документы, подтверждающие, что эпидемия наркотиков 1980-х годов была прямым результатом поддержки ЦРУ торговли наркотиками.

Империя несет огромные накладные расходы, в особенности военные, которые тяжелым бременем ложатся на наш народ. Общие расходы, связанные с войной во Вьетнаме (включая пенсии ветеранов и лечение в госпиталях, процент по национальному долгу и подобное), составили действительно более 518 млрд долл. по оценке экономиста Виктора Перло. Он обратил внимание на то, что к концу войны инфляция выросла с 1 до 10% в год; национальный долг удвоился по сравнению с уровнем 1964 года; федеральный бюджет показал рекордный дефицит; безработица увеличилась в 2 раза; реальная заработная плата начала свое самое длительное в современной истории США падение; процентные ставки увеличились до 10% и выше; превышение стоимости экспорта отступило перед превышением стоимости импорта; золотые и валютные резервы США истощились.

Были также и серьезные людские потери: 2,5 миллиона американцев, прервав свою мирную жизнь, отправились служить в Индокитай. Из них — 58 156 человек было убито и 303 616 ранено (13 167 со 100%-й инвалидностью). Более 70 000 умерло после

возвращения домой в результате самоубийств, убийств, пристрастия к наркотикам или алкоголизма. Кроме того, десятки тысяч совершали попытки самоубийства. Этнические меньшинства также заплатили несоизмеримую цену. Этнические меньшинства составляют около 12% населения страны, число афроамериканцев, погибших в бою, достигло 22% всех боевых потерь во Вьетнаме. Законодательный орган штата Нью-Мексико отмечал, что американцы мексиканского происхождения составляли 29% всего населения этого штата, но среди призывников — 69%. А их потери составили 43% всех потерь во Вьетнаме за первые годы войны.

Обнищание республики

Империя все больше истощает республику. Расходы глобального милитаризма могут стать настолько обременительными, что подорвут общество, которое поддерживает его, как это и происходило с империями в прошлом. Американцы дорого заплатили за «наш» глобальный военный аппарат. Растрата средств Пентагоном, которая продолжалась десятилетиями, в особенности в последние 14 лет, создала рекордный дефицит и громадный национальный долг, что сделало Соединенные Штаты самым большим должником в мире. Правительство вынуждено все больше брать в долг для оплаты растущих процентов по долговым обязательствам, которые принадлежат богатым кредиторам внутри страны и за границей.

С 1948 по 1994 год федеральное правительство израсходовало почти 11 трлн долл. на вооруженные силы — больше, чем совокупная стоимость всех материальных ценностей, созданных в Соединенных Штатах. Настоящий бюджет Пентагона плюс военные проекты Министерства энергетики США и НАСА, зарубежная военная помощь, пособия для ветеранов войны и процент, выплаченный по прошлому военному долгу, приближается к почти 500 млрд долл. в год. Годовой бюджет Пентагона — больше, чем национальный валовой продукт практически любой страны мира. За последнее десятилетие вклад американской семьи в военные расходы в среднем составил 35 000 долл.

Военные затраты США не сравнимы по величине с затратами любой другой державы. В 1993 году, по сведениям Центра защиты информации, Соединенные Штаты израсходовали 291 млрд долл. на вооруженные силы, в то время как Япония, находящаяся по военным расходам на втором месте, израсходовала 40 млрд долл., Франция — 36 млрд долл., Великобритания — 35 млрд долл., Германия — 31 млрд долл., Россия — 29 млрд долл. и Китай — 22 млрд долл. За один год Соединенные Штаты тратят больше на вооруженные силы, чем пятнадцать следующих далее в списке стран, вместе взятых.

Большая часть наших национальных финансовых бед может быть приписана огромным военным расходам. Огромный масштаб этих

затрат подчас трудно понять. На деньги, затраченные на производство одного авианосца, можно было бы кормить несколько миллионов самых бедных, самых голодных детей Америки в течение десяти лет. В бюджете больше средств выделяется на разработку транспортного средства оказания помощи подводным лодкам ВМФ, чем на охрану безопасности труда, общественные библиотеки и центры дневной медицинской помощи, вместе взятые. Затраты на комплектующие для военных самолетов и боеприпасы, хранящиеся на складах Пентагона, больше, чем общие федеральные расходы на меры по охране окружающей среды, на защиту и развитие общин, жилищное строительство, охрану безопасности труда и развитие средств общественного транспорта. Общие затраты на законодательную и юридическую власть и все регулятивные комиссии, вместе взятые, составляют менее 1% годового бюджета Пентагона.

В субсидировании научных и технических разработок США существует перекося, так как 70% федеральных средств, выделяемых на проведение научно-исследовательских работ, поступает в Вооруженные силы. Вопреки заявлениям Пентагона о том, что то, что Вооруженные силы создают в научно-исследовательских и опытно-конструкторских бюро, малоприменимо на гражданском рынке. Около одной трети всех американских ученых и инженеров вовлечено в военные проекты, что создает серьезный отток мозгов из гражданского сектора. Соединенные Штаты уступают иностранным конкурентам именно в тех отраслях промышленности, в которые направляется больше военных, чем гражданских субсидий. Например, в станкостроении США, которое когда-то доминировало на мировом рынке, наблюдается шестикратное увеличение иностранного импорта. Та же модель очевидна в авиакосмической и электронной отраслях промышленности, а также в других областях с концентрированными военными субсидиями.

В связи с диспропорциональными расходами на вооруженные силы американцы испытывают на себе последствия пренебрежительного отношения к защите окружающей среды, финансовой несостоятельности и разрушению наших городов, ухудшению состояния транспортных магистралей, образованию, системе здравоохранения и разорительного эффекта неполного рабочего дня на миллионы семей и сотни общин. Кроме того,

существуют ужасающие социальные и психологические издержки, разочарование и упадок морального состояния в обществе, гнев и страдания бедных и не очень бедных, милитаризация и жестокость поп-культуры и применение все более и более авторитарных решений по отношению к злу в нашем обществе.

Так же как и в странах «третьего мира», бедность может существовать и в богатых промышленных странах. В самой богатой из них, в Соединенных Штатах, по данным правительства, которые можно считать заниженными, число людей, живущих ниже уровня бедности, увеличилось за последние 12 лет с 24 до почти 35 миллионов человек. Это делает малоимущих — самой быстро растущей социальной группой в США, с ростом которой может соперничать только резкий и значительный рост числа миллионеров и миллиардеров.

За последнее время в общество возвратился туберкулез, болезнь бедных. Специальный комитет помощи голодающим от Палаты представителей обнаружил, что квашиоркор и маразматические заболевания, вызываемые серьезным дефицитом белка и калорий, которые обычно наблюдаются в странах «третьего мира», можно обнаружить сегодня и в Соединенных Штатах, так же как и увеличение детской смертности в бедных регионах.

Эти регионы внутри Соединенных Штатов имеют избыток рабочей силы и являются «внутренними колониями», — это регион Аппалачей, регионы, где живут бедные общины латино- и афроамериканцев, эскимосская Аляска. Общины коренного индейского населения Америки проявляют симптомы колонизации, сходные со странами «третьего мира», включая хронический неполный рабочий день, голод, неадекватный доход, низкий уровень образования, худшую по качеству или несуществующую сферу услуг, отсутствие собственников земельных владений и извлечение прибыли из местных общин. Кроме того, потеря квалифицированной, хорошо оплачиваемой работы, традиционно предоставляемой белым населением, также приносит в жертву белые общины рабочего класса. Итак, когда мы говорим о «богатых» и «бедных» странах, мы не должны забывать о том, что существуют миллионы бедных в богатых странах и тысячи богатых в бедных странах. Как в стихах Бертольда Брехта:

Были победители и побежденные.
Среди побежденных от голода умирал простой народ.
Среди победителей простой народ также умирал от голода.

Так было в Римской империи и в любой другой. Центр проливает кровь, чтобы укрепиться на периферии. Жизнь и богатства народа безрассудно расточаются, чтобы патриции могли воплотить свои цели грабежа в далеких странах.

Меньшинство против большинства

Империя концентрирует власть в руках меньшинства и грабит простой народ эффективных автономий. Как Джеймс Мэдисон писал Томасу Джефферсону в 1798 году: «Возможно, универсальная истина состоит в том, что потеря свободы дома должна объясняться необходимостью предпринимать меры против опасности реальной или мнимой, идущей извне».

Кто-либо мог бы возразить, что нам не следует слишком волноваться на этот счет, в связи с тем, что государственная политика определяется не народом, не теми массами, которых так любят и идеализируют левые. Если оценивать объективно, то простые люди мало информированы. Они редко знают, что происходит в действительности. Как внутренняя, так и внешняя политика, проводимая правительством, почти всегда имеет свои истоки в высших кругах правительства и в таких органах, как Совет по международным отношениям, Трехсторонняя комиссия, и в других государственных и частных элитарных кругах, куда входят ведущие специалисты в области политики, банкиры, исполнительные директора, инвесторы, ведущие публицисты и небольшое число научных исследователей. Эти люди высших кругов власти становятся государственными секретарями США, министрами обороны, министрами финансов, министрами торговли, главами ЦРУ и Совета национальной безопасности. Они создают и монополизируют политику. Самое большее, что мы можем ожидать от общественности, — и дискуссии по этому поводу продолжаются, — это то, что во время выборов она поддержит один или другой элитарный круг высокопоставленных политиков.

В ответ я мог бы согласиться с тем, что элитарные круги пытаются сделать все от себя зависящее, чтобы монополизировать политику и ввести в заблуждение народ. И часто им это удается. Кроме того, следует отметить, что почти вся стоящая жизнеутверждающая и демократичная в своем реальном итоге политика пришла от народа. Рассмотрим борьбу женщин за свои права, которая продолжается на протяжении последних 100 лет. Какова была роль президентов, членов

кабинета министров или влиятельных политиков в этой борьбе? В лучшем случае некоторые лидеры с опозданием обсуждали причины предоставления права голоса женщинам, предоставление преимущественных прав и разрешение аборт только после того, как женщины вели долгую кампанию за получение таких прав. То же относится к борьбе за гражданские права. В конце 1940-х годов политические элитарные круги с неохотой выступили в поддержку Комиссии по найму на работу без дискриминации, отмены расовой дискриминации на Юге и законов «Джима Кроу», предоставления права голоса гражданам, которым в этом праве было ранее отказано, по Закону о гражданских правах в 1960-х годах и другим подобным законам после десятилетий борьбы простого народа, большей частью которого были афроамериканцы.

Трудно было бы назвать имена политических лидеров и промышленных магнатов, которые боролись за, а не против десятичасового, а позднее — и восьмичасового рабочего дня. И кто из них влиял на борьбу за заключение коллективного договора между предпринимателями и профсоюзами, за государственное образование, соблюдение норм в здравоохранении, отмену труда детей? Конечно, были отдельные индивидуумы из привилегированных кругов, которые выступали в защиту этих требований, но как частные лица, а не как представители интересов каких-либо корпораций или элитарных политических групп. Если бы эти требования были тем, чего хотели богатые и могущественные слои, не было бы необходимости вести такую длительную борьбу за их достижение.

Кто угодно оказался бы в затруднительном положении, если бы его попросили назвать имена основных политических лидеров, которые дали начало движению в защиту окружающей среды. Только под натиском общественности наши политические лидеры создали Агентство по охране окружающей среды, на которое сегодня отдельные граждане вынуждены оказывать давление, чтобы проводились те мероприятия, которые необходимо проводить в любом случае. Лидеры корпораций все еще относятся к законам об охране окружающей среды как к ненужному бюрократическому вторжению в их погоню за прибылью. Вице-президент Ал Гор написал экологическую книгу о судьбе планеты до того, как вступил в должность вице-президента, а затем стал выступать за НАФТА и ГАТТ,

— меры, разработанные для того, чтобы лишить правительства возможности проводить мероприятия по охране окружающей среды.

Движение в защиту прав потребителя было начато потребителями и такими независимыми исследователями, как Ральф Нейдер. Защита рынка от опасных продуктов — то, что капиталистическое правительство не предпринимает как нечто само собой разумеющееся. Как раз наоборот, естественная функция капиталистического правительства состоит в том, чтобы вводить товары на рынок (включая смертельно вредный табак), используя филиалы, поддержку экспорта, дотации, выплачиваемые в натуральной форме, налоговые льготы, свободные исследования и разработки и разные другие формы корпоративного обеспечения.

То же самое касается движения против ядерной угрозы. Отнюдь не стремясь защитить нас от опасности радиоактивных осадков и отходов, все эти годы правительство было занято тем, что скрывало от нас и отрицало опасность проводимых испытаний ядерного оружия, которые привели к смерти сотен солдат и гражданских лиц США.

Каждый день правительство выпускает в свет поток публикаций, пресс-релизов и намеренно допускает утечки информации, предназначенные для того, чтобы заставить нас смотреть на мир таким образом, как того хотят политики. Пентагон владеет невероятной по своим размерам машиной пропаганды, которая производит огромное количество дезинформации, которая отражает его собственные интересы и которая распространяется главным образом через основной поток средств массовой информации, находящихся в собственности корпораций. Но что касается той информации, о которой правительство не хочет, чтобы мы знали, то секретность является нормой. У какого политического лидера родилась идея Закона о свободе информации? Этот закон был введен только после многих организованных усилий со стороны неправительственной критики.

Каждый год правительство архивирует миллионы документов, часто на срок 50 лет и более, регистрирует большую часть из них, уничтожает многие другие и таким образом искажает историю, убирая критику независимых исследователей из изложений событий. Складывается четкое впечатление о том, чтобы работа политических чиновников состоит в том, чтобы подрывать Закон о свободе информации, в то время как работа общественности — бороться за

информацию, что было бы ненужным, если бы политико-экономическим элитам было нечего скрывать и если бы они были действительно заинтересованы в служении государственным интересам.

Но это вовсе не означает, что политика не создается теми, кто обладает властью. Именно они породили Манхэттенский проект, чтобы создать атомную бомбу. Они развернули ядерную промышленность, а затем продали ее частному бизнесу долями по ее начальной стоимости, ежегодно субсидировали и выделяли большие суммы денежных средств через Министерство финансов. Они создали ФБР, ЦРУ, государственный аппарат национальной безопасности и глобальную военную сеть США. Они дали нам маккартизм, политическую «охоту за ведьмами», программу лояльности и программу безопасности, чтобы очистить правительство от инакомыслящих, они вели тайное наблюдение за нашей личной жизнью и раскручивали идеологическую ортодоксию.

Есть и другие творения элитарной политики: программы оказания помощи военным диктаторам, организация и подготовка сил безопасности, отрядов смерти, палачей с предоставлением необходимого финансирования и технологий. Мы не должны забывать о бомбардировщиках и ракетах, о дорогостоящих интервенциях во множество стран. Вообще говоря, политические элиты служат интересам господства и махинациям государства и оказывают сопротивление жизнеутверждающей политике, за которую мы должны бороться долго и настойчиво.

Личный нравственный интерес

Если мы должны организовать противодействие империи, мы должны обращаться не только к нравственным ценностям народа, но и к его собственному личному интересу (я не имею в виду эгоизм). Народ может объединяться под знаменами империи, когда он убежден в том, что ставка делается на его безопасность и выживание. Он не будет выбирать нравственные принципы, если будет считать, что это подвергнет опасности его и близких ему людей. Он также не выберет разоружение и мирную конверсию, если будет считать, что это будет являться проявлением слабости и повлечет агрессию против него самого.

Таким образом, народу надо показать, что республика истекает кровью ради прибыли империи, а не его собственного благосостояния, что подлинная национальная безопасность означает гарантированные рабочие места, безопасные дома и чистую окружающую среду. Народ должен быть информирован о том, что эта империя, за содержание которой он расплачивается своей кровью, потом и налогами, не имеет ничего общего с защитой его или народа за границей, но имеет много общего с обманом народа в целях поддержания власти и получения прибыли для меньшинства. Глобальный военный аппарат, который он так старательно поддерживает при таких огромных затратах, не служит его интересам. Его значительное сокращение не сделает нас легкой добычей зарубежных врагов. Наоборот, отказ от меча и использование труда и национального богатства в целях мирной реконструкции, так отчаянно необходимой дома и за границей, вовсе не означает стать слабой нацией, но наоборот — подлинно великой.

Эксперты, выражающие общепринятые взгляды, и пропагандисты ставят клеймо на нашем желании отойти от корпоративного империализма и имперского господства, характеризуя его как слабость, недалекость, изоляционизм или обреченный на провал пацифизм. Но существует другое название образу действия, которое направлено на то, чтобы вырвать богатство и власть из рук военно-промышленного комплекса и класса многонациональных инвесторов и вернуть их народу, чтобы он сам стал движущей силой своей жизни и

социальных условий. Он называется демократией, победой республики над империей.

Те же пропагандисты отвергают критику империализма США как проявление синдрома «на почве ненависти к Америке» и синдрома «порицания Америки». Но, когда мы говорим о нашем неодобрении милитаризма, жестоких интервенции и других политических курсов, мы не выступаем против нашей нации и ее народа; мы скорее выступаем в поддержку идеи о том, что мы заслуживаем лучшего, чем политика, которая в настоящее время нарушает интересы народа дома и за рубежом. Разоблачать злоупотребление классовой властью вовсе не означает порочить народ, который является жертвой такого злоупотребления.

С большими оговорками мы могли бы сделать вывод о том, что консерваторам не хватает патриотизма, когда они осуждают расходы на сферу услуг, защиту окружающей среды и введение более справедливых налогов. Обвинение в антиамериканизме применяется избирательно и в собственных интересах против тех, кто на стороне «левых», кто борется за интересы большинства, а не против тех, кто на стороне «правых» и кто служит интересам меньшинства. Тех, кто выступает против империи, обвиняют в том, что они против республики, тогда как на самом деле они являются ее последней надеждой.

Глава 5

Устрашающий успех

Существуют те, кто критикует зарубежную политику США за ее просчеты и недостаток слаженности. Конечно, политики могут ошибаться. Иногда они застигнуты врасплох, разочарованы непредвиденными последствиями или их планы нарушаются выходящими из-под контроля силами. Они не непогрешимы и не всемогущи, но они — не действующие «вслепую» глупцы, как думают некоторые люди. Повсеместно внешняя политика США в высшей степени преуспевала, занимаясь подрывом народных революций и оказанием поддержки консервативным капиталистическим режимам, в каком бы регионе мира она ни проводилась. Но не такими успешными были события в Латинской Америке, на Карибских островах, в Азии, Африке, на Ближнем Востоке и в послевоенной Европе, которые развивались в совершенно другом направлении.

Многие американцы признают, что политики лгут, что они способны говорить одно, а делать другое, что они громогласно заявляют о своей преданности народу, тогда как сами тайно служат интересам влиятельных кругов. Но когда речь заходит о внешней политике США, многие из нас отходят от этого утверждения. Внезапно нам становится трудно поверить в то, что лидеры США могут обманывать нас по поводу своих истинных намерений в мире и что они преследуют цели проведения неоимпериалистической политики, которая имеет мало общего с демократией.

Нерассмотренные предположения

Нам говорят, что внешняя политика этой страны является результатом наилучших побуждений и твердо придерживается правовых норм международного поведения. В редких случаях внешняя политика обсуждается в представляющих интересы политического большинства и основных средствах массовой информации, в которых критика ограничивается операционными вопросами: «Не слишком ли много (или слишком мало) наши лидеры полагаются на Вооруженные силы? Пытаются ли они навязать западный стиль демократии народу, который не готов к этому? Им не удастся действовать решительно? Не слишком ли долго они ждали или действовали слишком поспешно? Будет ли политика успешной? Подтвердит ли она то, что это слишком дорого?»

В редких случаях, если такое происходит, рассматриваются основные предпосылки политики. Признается как нечто само собой разумеющееся, что Соединенные Штаты имеют право вмешиваться в дела других стран для того, чтобы восстанавливать порядок, воспрепятствовать агрессии, бороться с терроризмом, спасти жизнь находящимся в опасности американцам и прочее. Принимается как данное, что несправедливая агрессия — это то, чему данная страна противостоит, но она сама никогда не осуществляет агрессию на практике, что конфликты, возникающие в других странах, — это вина самих стран, что левые опасны, а правые обычно нет, что нет необходимости давать определение тому, что представляет собой «левый» или «правый», и что то, что называется «стабильностью», предпочтительнее революции и народных беспорядков.

Основное обвинение, которое выдвигается в этой книге, в том, что политика США служит главным образом интересам привилегированного меньшинства, а не интересам простого народа в этой стране и за границей. Это мнение не признается в основных политических дискуссиях и комментариях средств массовой информации^[5]. От Аргентины до Заира, от Восточного Тимора до Западной Сахары изнурительные контрреволюционные кампании, спонсируемые США, унесли миллионы жизней, оставили десятки

миллионов раненых, искалеченных, морально разбитых, вывезенных или согнанных со своих мест. Однако в политических речах в этой стране едва ли услышишь хоть одно слово о том, что происходит на самом деле.

Нам говорят, что американский народ обязан проявлять решимость, что он должен постоянно демонстрировать свою силу, играть мускулами и действовать как великая сверхдержава, чтобы какой-либо маленький народ не мог шантажировать его (аргумент, который используется для того, чтобы оправдать уничтожение Вьетнама и войну в Ираке). Любая неудача при использовании нашей силы, мы слышим, подрывает веру в нашу непоколебимость и привлекает агрессию. Может быть, кому-то было бы интересно, почему лидеры США чувствуют такую потребность убеждать каждого в том, что Соединенные Штаты — самая сильная военная держава мира, тогда как уже каждый очень хорошо знает об этом факте.

Поза мачо

Как некоторые утверждают, потребность возникает из психологического чувства небезопасности, это чувство было общим для поколений лидеров США. Конечно, президенты имеют склонность часто вставать в позу мачо для того, чтобы создать впечатление, что они решительные и влиятельные. Основным инструментом принуждения государственной власти, Вооруженные силы, построен на принципе мужского начала со всем присущим ему выражением грубости, доминирования и жестокости. Чувства и представления мачо поощряются и используются в определенных целях, но они как таковые не объясняют политику империи.

Несомненно, президент Буш хотел продемонстрировать свою жесткость, когда атаковал Панаму и Ирак, но он был движим не импульсом мачо, а политическими интересами. Он также вынашивал всепоглощающее желание повысить свой рейтинг и быть переизбранным на второй срок. Подобно этому, воздушный удар президента Клинтона по Ираку в начале его президентства был игрой имиджа, его президентским кровопролитием, предназначенным для демонстрации того, что он не безответный обыватель, а человек, способный использовать смертоносную силу, когда это «необходимо». В двух словах, цель — не в демонстрации своего свойства мачо, а в том, чтобы быть переизбранным. Если бы ношение одежды противоположного пола, юбки и каблучков могло гарантировать переизбрание, Клинтон и любой другой политик мужского пола отбросил бы свое мужское начало и оделся бы соответственно.

Демонстрация силы сплачивает общественность вокруг ее лидеров, так как народ должен верить в то, что эта сила необходима для выживания нации и их собственной безопасности. Большая часть простых граждан не хотят вступать в бой. Их тогда надо призвать в армию. Даже большая часть добровольцев поступают на военную службу не из желания мачо убивать и быть убитыми, но ради получения экономических возможностей или средств существования. Принуждаемые вступать в бой далеко не тестостероном, большинство

солдат ждет приказ атаковать и выполняет его под угрозой суровых наказаний.

Те, кто считает, что империя появляется из потребности мачо доминировать, не объясняют, почему лидеры США хотят доминировать над определенными странами, а не другими. Теория мужского начала не объясняет, почему Вашингтон встает на сторону предпринимателей транснациональных корпораций, землевладельцев и военных автократов, а не на сторону рабочих, крестьян, студентов и тех, кто борется за уравниательные реформы.

Не обращая слишком большого внимания на свой мужественный имидж, политики были очень услужливы по отношению к государствам-клиентам, правым диктатурам. Если это был не совсем легкодоступный противник, они, безусловно, наклонялись назад в весьма не мужественной позе, направляли щедрую финансовую помощь, не задавали вопросов по поводу того, как она расходовалась, и старались оставаться в хороших отношениях с отвратительным сбродом хунт, автократий и коррумпированных политиков.

Нас часто убеждают в том, что вмешательство в дела зарубежных стран является не только правом Соединенных Штатов, но и их долгом. Утверждается, что «мы должны взять на себя ответственность за вооруженное нападение». Без всякого намека на то, кто проводит нападение и почему страна должна вмешиваться в дела других стран в каждом уголке мира. В 1992 году президент Буш объявил, что Соединенные Штаты «мировой лидер» и другие страны ждут от нас, что мы будем действовать соответственно. Последующие обитатели Белого дома, неспособные к тому, чтобы привести в порядок наши водные пути, развивать рациональные энергетические системы, предоставить рабочие места и достойное жилье для миллионов у себя дома, провозгласили себя лидерами всего мира.

На практике быть «мировым лидером» означает, что поддержание глобальной системы инвестирования и накопления капитала является первоочередным обязательством. Задача состоит в том, чтобы заставить противодействующие силы повиноваться, используя все формы контроля и изматывания сил для удержания различных народов в рамках обнищавших зависимых государств. Они должны кричать «дядюшка», как сказал президент Рейган. Он хотел, чтобы революционная Никарагуа закричала «дядюшка», и так действительно

было с Эфиопией и Мозамбиком после многих лет массированных ударов.

Во имя демократии

Мы неоднократно слышим о том, что лидеры США выступают против коммунистических стран, потому что в этих странах отсутствует политическая демократия. Но, как отмечалось ранее, следующие одна за другой администрации Вашингтона поддерживали самые репрессивные режимы в мире, которые регулярно проводили массовые аресты, убийства, пытки и запугивали население. Кроме того, Вашингтон оказывал поддержку некоторым самым отвратительным правым контрреволюционным повстанческим группировкам головорезов: «УНИТА» Савимби в Анголе, «РЕНАМО» в Мозамбике, моджахедам в Афганистане, а в 1980-х годах — даже фанатичным приверженцам Пол Пота, которые вели войну против социалистической Камбоджи.

Рассмотрим пример Кубы. Нас убеждают в том, что десятилетия враждебности США по отношению к Кубе, включая эмбарго, саботаж и вторжение, были вызваны неприязнью к автократической природе правительства Кастро и заботой о свободе кубинского народа. Откуда это неожиданное желание «восстановить» свободу Кубы? В течение десятилетий до кубинской революции 1959 года следующие одна за другой администрации США оказывали поддержку безжалостной репрессивной автократии, главой которой являлся генерал Фульгенцио Батиста. Значительная, но невысказанная разница состояла в том, что Батиста был лидером-компрадором, который открыл Кубу для широкого проникновения капитала США. В отличие от него Фидель Кастро положил конец контролю частных корпораций над экономикой страны, провел национализацию холдингов США и обновил классовую структуру путем коллективизации и введения равных прав для всех. Вот что сделало его столь невыносимым.

После Второй мировой войны государство национальной безопасности США отнюдь не поддерживало демократию, а играло активную роль в уничтожении прогрессивных демократических правительств во многих странах мира^[6]. В оправдание свержения демократически избранного президента Чили Сальвадора Альенде в 1973 году Генри Киссинджер заметил, что, когда нам приходится

выбирать между экономикой и демократией, мы должны спасти экономику. Киссинджер говорил правду только наполовину. Это было бы правдой, если бы он сказал, что хотел спасти капиталистическую экономику.

Экономику Чили разрушил не Альенде. Привилегии высшего класса, широко распространенная коррупция и массовая бедность существовали в безопасности на протяжении поколений до того, как он вступил в должность. Скорее наоборот, всего лишь за два года его правительство Народного единства осуществило заметное перемещение валового национального дохода от зажиточной элиты, которая жила за счет процентов, дивидендов и ренты, к тем, кто жил на заработок и жалованье. В Чили Альенде происходило небольшое, но реальное изменение разделения власти между классами. Богатым выдавались установленные нормы продуктов, и предполагалось, что они будут платить налоги. Некоторые из принадлежавших им холдингов и предприятий были национализированы. Тем временем малоимущие пользовались преимуществами занятости в органах местного самоуправления, программ обучения грамоте, создания рабочих кооперативов и получения бесплатного полулитра молока, которое выдавалось каждый день каждому ребенку из бедной семьи.

Кроме того, несколько радио- и телевизионных станций Чили начали передавать новости о событиях в стране, которые освободились от идеологической монополии национальных средств массовой информации, находившихся в частной собственности. Расширяя демократию, левое правительство Народного единства подвергало опасности не демократию, а привилегированных олигархов.

Лидеров, таких как Киссинджер, пугало не то, что социально-демократические реформы Альенде потерпят неудачу, а то, что они будут успешными. Тенденция установления политико-экономического равенства должна была быть остановлена. Так что Киссинджер, ЦРУ, Белый дом и средства массовой информации США энергично принялись за правительство Народного единства. Во имя спасения чилийской демократии они разрушили ее, установив фашистскую диктатуру генерала Августо Пиночета, — генерала, который замучил и казнил тысячи людей, заставил исчезнуть еще тысячи и запретил все оппозиционные средства массовой информации, политические партии, профсоюзы и крестьянские организации.

Сразу после военного переворота компания General Motors, которая закрыла свои заводы после избрания Альенде, возобновила свою деятельность, тем самым демонстрируя, что капитализму гораздо комфортнее с фашизмом, чем с социал-демократией. Переворот, направленный далеко не на спасение экономики, финансируемый ЦРУ, возвестил о начале эры стремительного роста инфляции и национального долга, интенсивного увеличении безработицы, бедности и голода.

Охота на «красную» угрозу

Официальный Вашингтон не мог сказать американскому народу о том, что действительная цель огромных военных расходов и интервенций состоит в том, чтобы сделать мир безопасным для General Motors, General Electric, General Dynamics и всех прочих General. Вместо этого нам говорят, что на карту поставлена безопасность нашей нации. Но не так просто убедить общественность в том, что такие мини-державы, как Куба, Панама или Никарагуа, или такая микродержава, как Гренада, представляют угрозу нашему выживанию. Поэтому во времена «холодной войны» нам говорили, что эти страны были инструментом расширения просоветского блока.

Сразу после свержения кубинским народом диктатуры Батисты президент Эйзенхауэр заявил, что Вашингтон не может допустить в Западном полушарии существование режима, в котором «доминирует международный коммунизм». Куба была представлена как часть мирового заговора со штаб-квартирой в Москве. На протяжении десятилетий «экспансионизм Советов» служил в качестве пугала, который оправдывал политику интервенций США.

Конечно, Советский, Союз и другие коммунистические правительства Восточной Европы представляли угрозу глобальному капитализму. Они развили крупномасштабную экономику государственного сектора и оказывали помощь антиимпериалистическим странам и движениям по всему миру, включая Африканский национальный конгресс Нельсона Манделы в Южной Африке. Кроме того, ядерный потенциал Советского Союза временно ограничил масштабы и уровень военных интервенций США. Так, президент Буш, может быть, действовал бы с большей осторожностью против Ирака в 1991 году, если бы советский блок продолжал существовать и решительно выступать против подобных действий.

Если глобальная военная машина США была вынужденным ответом советской агрессии, как нас постоянно уверяли, почему она продолжает существовать после распада СССР и военного альянса Варшавского договора, а также прекращения «холодной войны»?

Директор ЦРУ Роберт Гейтс признался: «Угроза преднамеренного нападения на Соединенные Штаты, исходящая из этой части света, почти исчезла в обозримом будущем» (New York Times, 23 January 1992).

Официальные лица начинают убеждать нас в том, что внезапно появились новые враги. Министр обороны Дик Чейни заявил, что Советский Союз был не единственной угрозой; мир полон других опасных врагов, на которых он раньше, видимо, не обращал внимания. Сейчас нам говорят, что неприятности могут исходить от стран «третьего мира», даже без всякого подстрекательства со стороны Москвы. Политики США и их послушные глашатаи из корпоративных средств массовой информации предупреждают нас о смертельной опасности, которая исходит от международных террористов, исламистских фанатиков, наркокартелей, киллеров, фанатиков ядерного оружия и «гитлеров» стран «третьего мира». Немногие оставшиеся коммунистические правительства, такие, как Северная Корея и Куба, более не изображаются как орудие в руках Москвы, а в большей степени как самостоятельное зло.

На протяжении десятилетий нам говорили, что нам нужны мощные военно-морские силы, чтобы защитить страну от СССР. При более не существующем Советском Союзе адмирал Трост, начальник штаба ВМС США, заявил, что нам все еще нужны мощные военно-морские силы, так как они защищают нас не только от Советского Союза. ВМС, сказал он, должны идти в очаги напряженности и «показывать флаг» — классическая империалистическая терминология, употребляемая для обозначения практики отправки кораблей в зарубежные порты для устрашения своего населения с демонстрацией силы. Корабли «показывают свой флаг» не так часто, как свои пушки и ракеты дальнего действия, которые способны нести смерть и разрушения территориям, удаленным на многие мили от моря. Такие демонстрации также называют «дипломатией канонерок». Сегодня это далеко не канонерские лодки и корабли, а специальные военно-морские силы с авианосцами, самолетами-бомбардировщиками, ракетами и тяжело вооруженными вертолетами.

Трост добавил, что могущественные военно-морские силы необходимы при «местных и региональных конфликтах». Соединенные Штаты по собственной инициативе взяли на себя задачу

поддерживать порядок в беспокойном мире. Но *cui bono*? Для чьего блага и за чей счет осуществлялась охрана порядка? Официальные должностные лица обычно не говорят, что их работа — защищать глобальный капитализм от эгалитарных социальных движений. Они предпочитают использовать такие кодированные термины, как «местные и региональные конфликты». При очередной неудаче они говорят о защите «наших интересов» за границей — популярный афоризм, который оправдывает почти любое действие.

В чем «наши интересы»?

Когда я участвовал в конференции в Нью-Йорке, я слышал, как Майкл Харрингтон, бывший лидер Демократических социалистов Америки, говорил о внешней политике США. Когда он отвечал на вопросы, кто-то спросил его, почему политика США «такая глупая». Харрингтон ответил, что «мы — хорошие немцы» и что «мы — люди, сующие нос в чужие дела» и «у нас есть такая вещь, как сила». Я ответил, что политика США скорее не глупая, а в большей части замечательно успешная и жестокая в обслуживании экономических интересов элиты. Она может казаться глупой, потому что основные причины, которые выдвигаются в ее поддержку, часто звучат неубедительно, создавая у нас впечатление, что политики озадачены или не имеют об этом никакого представления. Но если общественность не понимает, что они делают, это вовсе не означает, что лидеры национальной безопасности сбиты с толку. То, что они все время что-нибудь замышляют, вовсе не означает, что они глупцы. Будучи дорогостоящей с точки зрения денежных затрат, потерь и людских страданий, политика США — в высшей степени рациональное и согласованное предприятие. Конечно, модель, кого поддерживать, а кому противостоять, кто — друг, а кто — недруг, многое значит.

Я добавил, что мы должны прекратить говорить «"мы" делаем это, "мы" делаем то», если мы действительно подразумеваем политиков системы национальной безопасности, которые представляют определенные классовые интересы. Слишком многие аналитики, видимо успешные в других областях анализа, имеют привычку ссылаться на «мы». «Мы» — это сокращенный способ говорить «лидеры национальной безопасности США», поэтому использование этого местоимения вводит в заблуждение. Но этот вопрос имеет более чем просто семантическое значение. Те, кто продолжают говорить «мы», вероятнее всего, рассматривают страны в качестве основной единицы анализа международных отношений и не учитывают классовые интересы. Вероятнее всего, они допускают, что существует общность интересов между лидерами и простым народом, тогда как

обычно ее нет. Создается впечатление, что мы несем ответственность за «нашу» политику. Такая позиция снимает накал политических страстей и приводит к неуместному самокритичному анализу своих действий со стороны лиц, действующих из благих побуждений, которые в заключение делают вывод, что нам всем должно быть стыдно и очень грустно за то, что «мы» делаем в мире.

Любая экономическая политика, а не только аспекты ее внешней политики, определяется с точки зрения интересов одного или другого класса. Экономика как таковая не является чем-то нейтральным. Строго говоря, «экономика» — это не реально существующая вещь. Никто никогда не видел или не дотрагивался до экономики. То, что мы видим, это — люди, вовлеченные в обмен ценностями, в производительный и не очень производительный труд. И мы даем общее название всем этим видам деятельности, называя их «экономикой», что является гипотетическим построением, продиктованным обозримой реальностью. Мы часто трактуем наши абстрактные обобщения как материализованные, реально существующие вещи, как самогенерирующиеся силы. Таким образом, мы говорим о проблемах экономики в общих чертах, а не о проблемах капиталистической экономики с ее специфическим набором социальных отношений и заметным распределением власти между классами. Экономика материализуется в нечто реально существующее, как, например, в следующих утверждениях: «экономика резко падает» и «экономика оживает».

Таким же образом мы рассматриваем сначала отвлеченно, а затем «материализуем» понятие «нация». Так, мы говорим о Соединенных Штатах как о чем-то единообразном и реально существующем и о том, что «мы как нация» делаем. Такой подход игнорирует классовые аспекты политики США. Рассмотрим, например, вопрос зарубежной помощи. Было бы неправильно говорить, что Соединенные Штаты как нация оказывают помощь различным странам. Нация как таковая не предоставляет помощь другой нации как таковой. Точнее говоря, обычные граждане нашей страны посредством налогов делают пожертвования в пользу привилегированных элит другой страны. Как кто-то сказал: «зарубежная помощь — это когда бедный народ богатой страны дает деньги богатому народу бедной страны». Перемещение осуществляется через классовые границы, так же как и национальные,

оно представляет собой перераспределение дохода от низшего класса к высшему.

Мы слышим, как говорят о «наших» интересах за границей и «интересах США» в мире. Но не так легко обнаружить, что «наши» лидеры подразумевают под «интересами США». В 1967 году во время войны во Вьетнаме я впервые осознал, как часто наши официальные лица ссылаются на «интересы США» как на способ оправдать свою политику, никогда не говоря нам, в чем могут состоять эти интересы. Я тщетно искал в томах Department of State Bulletin (Бюллетеня Государственного департамента США) какое-либо определение или пример «интересов США». Самым близким из того, что я нашел, были комментарии чиновника Государственного департамента Уильяма Банди, который ссылаясь на «наши жизненно важные военные базы» на Филиппинах как на основной интерес США. Как часто происходит, зарубежное военное присутствие, которое предположительно было создано, чтобы защищать «наши интересы» (какими бы они ни были), само становится интересом, который необходимо защищать. То, что должно служить средством, становится конечной ценностью.

Банди продолжил, указав на «более важный» интерес, чем военные базы. В своей речи перед элитной американской и филиппинской аудиторией в Маниле он сказал: «Филиппины так много значат для Соединенных Штатов, потому что... это страна, в которой для американцев всегда, как часто говорят сами филиппинцы, делали все, чтобы они чувствовали себя как дома». Если я понимаю Банди, наш интерес на Филиппинах состоял в сохранении гостеприимности филиппинцев.

Утверждение Банди не учитывает большую часть империалистической истории. С 1899 по 1902 год погибло почти 200 тысяч филиппинцев и десятки тысяч было ранено или замучено Вооруженными силами США во время успешной попытки уничтожить независимость филиппинцев. Банди также не учитывает некоторые жестокие реалии сегодняшнего дня, включая массовую бедность на Филиппинах и широко распространенную индустрию проституции, которая поддерживается ради военнослужащих США, размещенных там, что придает новое значение мысли «делать все, чтобы чувствовать себя как дома».

Суть в том, что «наши интересы» четко не определяются, потому что хотя термин используется, но он не имеет ничего общего с нашими подлинными интересами. Изменения, происходящие в администрации, не дают никакого прояснения. Во время своей президентской кампании 1992 года Билл Клинтон дал клятву выработать новый курс будущего нации, напоминая нам о том, что мы должны иметь «смелость изменяться». Возвышенные, высокопарные заявления. Но как только он был избран, Клинтон стал следовать строгому порядку своих консервативных предшественников, поддерживая идею о том, что Соединенные Штаты должны оставаться глобальной сверхдержавой, что зарубежные операции США всегда исполнены благих намерений и что «интересы США» должны поддерживаться военной силой. Как и его предшественники, он не допускал критического рассмотрения того, какими эти интересы могут быть.

Несмотря на существенные изменения, происходящие во всем мире, Клинтон не приветствовал дискуссий по вопросу о внешней политике. Как член Совета по международным отношениям, член Бильдербергской конференции и Трехсторонней комиссии, а также всех элитарных политических организаций, в которых доминировали корпорации, Клинтон являлся как с идеологической точки зрения, так и с точки зрения своих личных взглядов частью узкого круга власти, а не человеком, который вел бы лодку и сам менял ее курс.

Непротиворечивые противоречия

Обычно внешнюю политику США критикуют за то, что она часто «противоречит сама себе». Тем не менее она строго согласуется с классовыми интересами, которым она содействует. Для иллюстрации лежащей в основе внешне противоречивых стратегий последовательности рассмотрим стратегии, которые применялись по отношению к Кубе и Китаю. В 1994 году правительство США продолжало прибегать к любым уловкам, кроме военных действий, чтобы нанести ущерб экономике Кубы, включая запрет на передвижение, торговое эмбарго, репрессии против других стран или компаний, которые пытались торговать с Гаваной. Многие контракты, которые Куба заключила с компаниями других стран, были аннулированы в связи с давлением США. Нам говорили, что причиной враждебности Вашингтона было желание «восстановить» демократию и права человека на Кубе.

Критики быстро отметили «противоречие» в политике США по отношению к Кубе и Китаю. Они указывали на то, что Китай неоднократно нарушал права человека, однако получил торговый статус «наиболее благоприятствуемой нации». Более того, официальные лица призывали к «скрытой дипломатии», убеждая нас в том, что применение силы будет неэффективным и что мы не можем проводить политику лакмусовой реакции против Китая. Эта стратегия заметно отличалась от той, которая проводилась по отношению к Кубе.

Но за явными двойными стандартами кроется все та же преданность силам, управляющим накоплением капитала и глобальным положением вещей. Китай открыл границы для частного капитала и «реформ» свободного рынка, включая зоны предпринимательства, в которых корпорации-инвесторы могли эксплуатировать огромные и дешевые трудовые ресурсы страны, не беспокоясь об ограничительных нормах. Кроме того, в связи с тем, что он всегда выступал против любого политического движения в мире, находившегося в дружественных отношениях с Советами, Китай поддерживал те же контрреволюционные и даже фашистские силы за рубежом, что и Соединенные Штаты: Пиночета в Чили, моджахедов в

Афганистане, «УНИТА» Савимби в Анголе, и Красных кхмеров в Камбодже. В отличие от Китая, Куба всегда была на стороне сил, которые выступали за социальные преобразования. Таким образом, нет никакого противоречия в политике США, проводимой по отношению к Кубе и Китаю, — противоречия в объяснениях, предоставляемых с целью оправдать эту политику.

Всякого рода эксперты из-за отсутствия классового подхода приходят к выводам, которые основываются только на внешних явлениях. Когда я присутствовал на совещании Совета по делам мира в Сан-Франциско, я слышал, как некоторые участники иронизировали по поводу того, что Куба «завершила цикл» у исходной точки дореволюционного периода. До революции на Кубе, как они указывали, наилучшие отели и магазины предназначались для иностранцев и относительно небольшого числа кубинцев, у которых были доллары янки. Сегодня ситуация остается прежней.

Это суждение не учитывает некоторых важных различий. В погоне за твердой валютой революционное правительство решило использовать красивые пляжи и солнечный климат страны для развития туристической индустрии. К 1993 году туризм становится вторым самым важным источником твердой валюты на Кубе (после сахара). Конечно, туристы получали такие условия проживания, которые могли позволить себе лишь немногие кубинцы, в особенности после того, как у них больше не было долларов. Но в дореволюционной Кубе прибыль, поступающая от туризма, присваивалась крупными корпорациями, генералами, картежниками и гангстерами. Сегодня прибыль распределяется между иностранными инвесторами, построившими отели, и кубинским правительством. Часть прибыли, поступающая правительству, направляется на содержание клиник, образование, государственный аппарат, сухое молоко, импорт топлива и т. п. Другими словами, народ пользуется преимуществами туризма — это касается доходов от экспорта кубинского сахара, кофе, табака, рома, морепродуктов, меда и мрамора.

Если бы Куба находилась точно в такой же ситуации, как до революции, и была открытой для рабства зависимого государства, Вашингтон отменил бы эмбарго. Если бы кубинское правительство больше не использовало государственный сектор для

перераспределения основной части прибавочной стоимости в пользу простого народа и если бы оно позволяло нескольким богатым частным собственникам присваивать прибавочную стоимость от производства и возвратило бы фабрики и земли богатому имущему классу, как это сделали бывшие коммунистические страны Восточной Европы, то тогда оно бы завершило цикл у исходной точки. Тогда оно подпало бы в рабскую зависимость, в положение государства-клиента и было бы принято в теплые объятия Вашингтона, как другие бывшие коммунистические страны.

Политика США в отношении беженцев — это еще одна область, которая определяется как «противоречивая». Беженцы с Кубы регулярно получали разрешение на въезд в эту страну, в то время как беженцев из Гаити в страну не впускали. Из 30 тысяч гаитян, подавших просьбу предоставить политическое убежище в 1993 году, было принято только 783. С тех пор многие кубинцы — белые, и почти все гаитяне — черные. Некоторые люди пришли к выводу, что разница в обращении может быть приписана только расизму.

Конечно, этническая дискриминация вошла в историю иммиграционной политики США большей части XX столетия, она была направлена против азиатов и африканцев и в меньшей степени — против восточных и южных, а также северных европейцев. Но если анализировать, каким было отношение к беженцам с Кубы и Гаити, не следует обращать внимание на цвет кожи. Беженцами из правых стран, таких, как Сальвадор и Гватемала, являются представители европеоидной расы, тем не менее им очень трудно получить политическое убежище. Беженцы из Никарагуа — выходцы из того же латиноамериканского племени, что и сальвадорцы и гватемальцы, однако у них практически не возникало проблем с въездом в США, потому что считалось, что они бегут от «коммунистического» правительства сандинистов. Беженцы из Вьетнама — азиаты, но им предоставлялся неограниченный въезд в страну, только 35 тысяч вьетнамцев въехало в страну в 1993 году, потому что они также спасались бегством от антикапиталистического правительства.

Во времена «холодной войны» эмигранты из СССР и Восточной Европы получали въездные визы как нечто само собой разумеющееся. На смену тому коммунизму пришли консервативные правительства свободного рынка, теперь Государственный департамент

«пересматривает» программу. В 1994 году российским гражданам выдавалось мало виз, визы почти вообще не выдавались украинцам и даже евреям, которые, казалось бы, претерпевали большее антисемитское притеснение, чем когда-либо при коммунизме.

В вышеприведенных примерах решающим при принятии решений был не цвет кожи иммигрантов, а политический облик рассматриваемых правительств. Как правило, беженцы из антикапиталистических стран автоматически относятся к категории жертв политических репрессий, и им охотно предоставляется разрешение на въезд в страну, в то время как беженцев из политически репрессивных прокапиталистических стран высылают обратно в свою страну, где они могут быть подвергнуты тюремному заключению вплоть до смертной казни. Если беженцы спасаются от правого прокапиталистического правительства, они по определению являются политически нежелательными лицами.

К 1994 году в политике, проводимой по отношению к беженцам с Кубы, возникли некоторые затруднения. Согласно ранее принятому соглашению между Гаваной и Вашингтоном кубинское правительство не препятствовало выезду своего народа в Соединенные Штаты при наличии американской визы. Вашингтон дал согласие предоставлять 20 000 виз в год, но в действительности выдал небольшое количество виз, предпочитая провоцировать нелегальные выезды и пожинать плоды пропаганды. Все кубинцы, бежавшие на маленьких суденышках или угнанных лодках и самолетах, получили убежище в США, и их приветствовали как героев, которые рисковали своими жизнями, спасаясь от тирании Кастро. Когда Гавана заявила, что она больше не будет играть в эти игры и разрешит покинуть страну любому, кто этого захочет, администрация Клинтона вернулась к политике закрытых дверей, боясь иммиграционного потока. Теперь политики боятся, что бегство слишком многих раздраженных беженцев поможет Кастро оставаться у власти, так как это будет способствовать ослаблению напряжения внутри кубинского общества.

Кубу осуждали не за то, что она сначала не разрешала своим гражданам покидать страну, а затем разрешила делать это. Но эта кажущаяся непоследовательность была желанием Вашингтона дискредитировать кубинское правительство — как проводящее политику безжалостного угнетения. Цель, как она была

сформулирована заместителем помощника государственного секретаря Майклом Сколом до созыва постоянного комитета Конгресса (17 марта 1994 года), состояла в том, чтобы «разрушить (кубинское) государство». Политические соображения всегда преобладают, каким бы ни было отношение к реальной ситуации народа другой страны. Чтобы понять это, необходимо рассматривать не ближайшую тактику, а общую стратегию.

Оружие ради прибыли

Некоторые критики заявляют, что огромные вооруженные силы США — это не что иное, как расточительная и бесполезная конструкция. Обычно те же критики говорят, что внешняя политика США — глупая. Еще раз мы хотели бы напомнить им, что то, что может быть расточительным и дорогостоящим для одного класса (обычных граждан и налогоплательщиков), может быть замечательным и полезным для другого класса (корпораций, выполняющих заказы военных ведомств, и высших военных чиновников).

На протяжении ряда лет некоторые из нас приводят доводы о том, что если бы Советский Союз и другие коммунистические страны исчезли, наши лидеры все равно настаивали бы на необходимости в масштабных вооруженных силах. Действительность редко предоставляет возможность проверить политическую гипотезу. В данном случае гипотеза была проверена, когда коммунистические правительства были низвергнуты. Без сомнения, глобальные вооруженные силы США остались нетронутыми при уровне затрат гораздо большем, чем был, когда «холодная война» была в разгаре (даже после пересчета с учетом инфляции).

В чем причина? Во-первых, военные расходы являются одним из самых больших источников накопления капитала страны. Они представляет собой форму общественно-государственных расходов, которая так нравится бизнесу. Когда правительство расходует средства на сектор экономики, не приносящий доходов, такой, как почтовые услуги, железные дороги, находящиеся в государственной собственности, или приюты и муниципальные больницы, это показывает, как общественность может создавать товары, услуги и рабочие места и увеличивать базу налогообложения без прибыли частных инвесторов. Такие затраты конкурируют с частным рынком. В то время как ракеты и авианосцы представляют собой форму общественно-государственных расходов, которые не конкурируют с гражданским рынком. Договор с военным ведомством похож на любой договор в сфере бизнеса, только — он лучше. Деньги налогоплательщиков покрывают все производственные риски. В

отличие от производителя холодильников, который должен беспокоиться о том, как свои холодильники продать, производитель оружия имеет продукт, на поставку которого уже был заключен договор с учетом перерасхода средств. Кроме того, правительство берет на себя большую часть расходов на проведение научных исследований и разработок.

Расходы оборонного ведомства открывают сферу спроса, которая потенциально безгранична. Какой уровень военной безопасности или превосходства является достаточным? Всегда найдется новый вид оружия, который необходимо разрабатывать. Вся индустрия оружия работает по принципу планового устаревания. После того как многомиллиардное оружие произведено, в связи с разработкой новых технологий оружие устаревает, и его необходимо модернизировать или менять.

Кроме того, большинство военных договоров предоставляется без проведения конкурсных торгов, что позволяет производителям оружия в большей степени самим назначать цену. Следовательно, возникает соблазн разрабатывать оружие и оборудование еще более сложное, и еще более дорогостоящее, и, следовательно, еще более прибыльное. Но такая продукция не обязательно самая эффективная или самая целесообразная. Многие производят оружие худшего качества. Но худшее качество имеет свои преимущества в виде дополнительных отчислений, которые направляются для того, чтобы получить оружие, которое будет работать должным образом.

Итак, рентабельность подрядчиков оборонных ведомств значительно выше рентабельности производителей гражданского рынка. Неудивительно, что главы корпораций не спешат сокращать военные расходы. То, что они имеют — это безграничный, с низкой степенью риска, высокоприбыльный, многомиллиардный рог изобилия. Расходы на оружие поддерживают всю капиталистическую систему, даже если это лишает средств не приносящий прибыли государственный сектор. Существуют две основные причины того, почему Соединенные Штаты так старательно остаются вооруженной сверхдержавой даже в отсутствие противостоящей сверхдержавы, а именно: во-первых, огромные вооруженные силы необходимы для поддержания безопасности мира для глобального накопления

капитала. Во-вторых, сами вооруженные силы являются прямым источником огромного накопления капитала.

Глава 6

Наркотики, ложь и видеовойны

Причины, выдвигаемые в оправдание империалистических интервенций, как многочисленны, так и надуманны. Они упоминались в предыдущей главе: «защита демократии», «защита интересов США», «выполнение наших обязательств как мирового лидера» и «сдерживание угрозы советского глобального завоевания». В этой главе мы рассмотрим другие причины.

Изгнание демонов

Один из способов убедить американцев в том, что злой враг угрожает их существованию, — персонализировать зло. На протяжении многих лет главным демоном являлся советский диктатор Иосиф Сталин. В период после Второй мировой войны критики внешней политики США, в основном консерваторы, предупреждали о все более усложняющейся обстановке за рубежом и связанной с этим опасности инфляции, большого правительства и растущего долга. В ответ сторонники «холодной войны» в Вашингтоне всегда выдвигали страшный призрак Сталина. Когда в очередной раз пришло время голосовать в Конгрессе, налоговая политика консерваторов доказала, что она плохо сочетается со сторонниками милитаризма, ратующими за большие расходы и разорительный бюджет, и сторонниками интервенций, подстегиваемыми образом тайных складов Сталина и готовыми атаковать в любой момент в случае, если мы откажем нашим вооруженным силам хоть в одном корабле или самолете.

Кроме коммунистов, другими надуманными демонами были популистско-националистские лидеры стран «третьего мира». Так, например, в 1952 году им был полковник Гамаль Насер в Египте. Он сверг коррумпированную компрадорскую монархию и обеспечил египетскому народу бесплатное государственное образование в первый раз в истории страны. Насер потребовал, чтобы Суэцкий канал находился под управлением Египта, а не Великобритании или Франции, и чтобы Египет получал плату за проходящий через него транспорт. Также он придерживался альтернативного курса в «холодной войне». Такие отклонения от политики зависимого государства-клиента послужили причиной того, что государственный секретарь Джон Фостер Даллес заклеил президента Насера, назвав его «Гитлером Нила» и угрозой стабильности на Ближнем Востоке.

В 1957 году Конгресс США одобрил резолюцию президента, известную под названием «доктрина Эйзенхауэра», которая определяла Ближний Восток зоной, жизненно важной для национальных интересов Соединенных Штатов. Как при доктрине Монро и доктрине Трумэна «правительство США даровало

правительству США замечательное и завидное право на проведение военных вмешательств» в еще один регион мира, как отмечал политический обозреватель Уильям Блум. Вскоре после этого ЦРУ начало проводить операции по свержению демократически избранного правительства Сирии и организовало серию заговоров, чтобы уничтожить Насера и его досаждающий национализм. Если кто-то и действовал на Ближнем Востоке, как гитлеровец-дестабилизатор, то это был не президент Насер.

Если верить лидерам США и медийным экспертам, полковник Муаммар Каддафи в Ливии — еще один демон, «убийца», который, как говорят, страдает манией величия Гитлера. Ведущие передачи Nightline ABC (4 December 1981) называли его «патологическим лгуном» и «безумцем». В действительности грех Каддафи состоял в том, что в 1969 году он сверг коррумпированную, неприлично богатую правящую клику и стал двигаться к более уравнительному обществу, используя большую часть его капитала и рабочей силы на общегосударственные нужды. Он также провел национализацию нефтяной промышленности Ливии. В связи с чем в 1980-е и 1990-е годы Ливия стала объектом провокаций США, ударов с воздуха, эмбарго и длительной кампании пропаганды, предназначенной для того, чтобы убедить американскую общественность в том, что страна с населением в три миллиона человек со скромно оснащенной армией в 55 000 человек стала смертельной угрозой для Соединенных Штатов.

Президент Панамы Мануэль Норьега явился еще одним таким демонизированным лидером. В 1989 году, накануне вторжения США в Панаму, он был назван «коварной змеей джунглей» и «болотной крысой» ведущими телевизионных новостей. По сообщениям информационных агентств, войска США обнаружили атрибуты шаманов, сто фунтов кокаина и портрет Гитлера среди личных вещей Норьеги. Последующее расследование установило, что шаманские принадлежности оказались индейскими фигурками; «кокаин» был запасом муки для лепешек; а фотография Гитлера была в фотохронике Второй мировой войны Time-Life.

В следующем году Саддам Хусейн подвергся подобному процессу демонизации, когда Белый дом и средства массовой информации начали свою пропагандистскую войну против Ирака. Саддама называли «палачом из Багдада», «безумцем», «психическим уродом» и

«зверем». Президент Буш говорил о нем как о человеке, который совершил вещи «худшие, чем Гитлер». Лидер страны, которая становится целью, не только демонизируется, но его считают олицетворением страны. Поставив знак равенства между народом и его лидером, народ страны демонизируется официальными представителями и становится «справедливой игрой» для любой последующей атаки.

Взгляды левых на терроризм

Демонизированных врагов часто обвиняют в терроризме. На протяжении многих лет администрация Рейгана обвиняла Советы в том, что они руководят широкомасштабной террористической системой. Основные информационные агентства, такие, как Washington Post (27 January 1981), сходились во мнениях и обвиняли Советы и их союзников в том, что они являются «главным источником терроризма в мире». Wall Street Journal (23 October 1981) тенденциозно утверждала, что Советы и кубинцы имеют «сильные связи с американским терроризмом». В книгах пресс-агентов, таких, как Клер Стерлинг, говорилось о том, что арабские, ирландские, баскские, японские, западногерманские и итальянские террористические группы были связаны с Москвой. Во всех этих обвинениях не хватало одного, хоть частицы подтверждающих доказательств. (Так же как не появилось никаких дополнительных подтверждающих доказательств после того, как рухнул Советский Союз и были открыты архивы КГБ.)

Официальные лица США постоянно обвиняли ливийцев в терроризме. В начале 1990-х годов правительство США обвинило Ливию в том, что она стояла за падением самолета рейса 103 авиакомпании PanAm, который разбился над Локерби в Шотландии и во время крушения которого погибло 270 человек, хотя не было найдено никаких вещественных доказательств причастности ливийцев к этому. Многие указывало на то, что злоумышленники были связаны с организациями в Иране и Сирии.

В 1981 году Белый дом и его верные лакеи из агентств новостей обвинили Ливию в том, что она направила группу убийц, чтобы убить президента. Новости были переполнены фальшивыми историями по поводу грозящего покушения. В зависимости от источника средств информации утверждалось, что бригад было несколько, они состояли из трех, пяти, десяти, двенадцати или тринадцати убийц из Канады или Мексики, в их составе были ливийцы и иранцы, которым помогали, возможно, восточные немцы, или сирийцы, или ливанцы, или палестинцы. Никогда ни одна бригада убийц не имела такого большого перечня входящих в нее членов. Он был бы достаточен,

чтобы отпугнуть даже самых неистовых среди них негодяев. Несуществующие бригады так и не материализовались.

Тем временем действительные террористические акты правых сил, такие, как обстрел кубинского авиалайнера, который привел к большим человеческим потерям, взрыв бомбы, организованный расистами на антирасистской дискотеке в Восточной Германии, и сотни других террористических актов и преступлений на почве расовой и религиозной ненависти в самих Соединенных Штатах, организованных доморощенными правыми группами, которые были направлены против этнических и религиозных меньшинств, гомосексуалистов, клиник, проводящих аборт, вызвали лишь небольшую волну озабоченности в Вашингтоне.

Изображая себя в качестве борца против террора, государство национальной безопасности США отвлекало внимание от собственной международной террористической сети, в которую входили бывшие нацисты, которые нашли приют в Соединенных Штатах и участвовали в террористических кампаниях в Латинской Америке и в других местах, вооруженные и военизированные силы и отряды смерти десятка стран — обученные, экипированные и созданные ЦРУ и Пентагоном — которые в большом масштабе терроризировали собственные народы. В таких странах, как Гватемала, Мозамбик и Гаити, за одну неделю они убивали больше людей, чем было убито за 10 лет арабскими, баскскими и североирландскими «террористическими» группами.

Защищая американцев за границей

Средства массовой информации регулярно передают репортажи об американцах, находящихся в зарубежных тюрьмах. Неизменно в истории появляется официальное лицо от США, которое предупреждает наших граждан о том, что они должны соблюдать законы страны, которую они посещают, и что вопреки общему мнению, которое они не должны принимать во внимание, их правительство сможет прийти им на помощь. Тогда почему у столь многих американцев такое ошибочное представление об этом?

Может быть, ответ в том, что существует два правительства США: одно правительство беспомощное, которое пожимает плечами и шепчет: «Когда вы путешествуете за границей, вы — сами по себе»; и другое, которое самоуверенно провозглашает: «Мы не можем сидеть сложа руки, когда жизни американцев в опасности; мы посылаем туда морскую пехоту». Слыша на протяжении более века один и тот же рефрен, можно простить американцев за то, что они думают, что, когда они находятся за границей, они защищены силой и величием Соединенных Штатов.

«Защищая жизни американцев» использовалось неоднократно как оправдание при вторжении и оккупации других стран. В 1958 году для оправдания высадки 10 000 морских пехотинцев в Ливане (направленных в эту страну для спасения прокапиталистического, компрадорского правительства от националистического мятежа) президент Эйзенхауэр потребовал, чтобы граждане США были эвакуированы в более безопасные места. На самом деле они были заранее предупреждены о том, что необходимо избегать поездок в Ливан, и многие американцы покинули эту страну задолго до прибытия морских пехотинцев.

В 1962 году в Доминиканской Республике после 30 лет диктатуры Рафаэля Трухильо, которая поддерживалась США, свободные и справедливые выборы привели Хуана Боша на пост президента. Бош призывал к земельной реформе, выступал за жилье с низкой квартирной платой, национализацию некоторых предприятий, осуществление проектов общественных работ, сокращение в импорте

доли предметов роскоши и за гражданские права всем политическим группам. Вашингтон выражал недовольство Бошем, видя в нем поставщика «подкрадывающегося социализма». Бош занимал свой пост только семь месяцев, после чего был свергнут доминиканскими военными силами при поддержке США.

Три года спустя после переворота сторонники принятия Конституции доминиканских вооруженных сил при поддержке вооруженных гражданских лиц поднялись в попытке восстановить президентство Боша. В ходе последовавшей борьбы силы сторонников принятия Конституции предложили полное сотрудничество в эвакуации граждан США, которые хотели покинуть страну. В действительности не пострадал ни один американец, Белый дом, казалось, не выражал озабоченности по поводу того, что чьи-то жизни подвергаются опасности. Но когда стало очевидным, что военная хунта будет свергнута, президент Линдон Джонсон направил силы США «защищать жизни американцев». Кто-то может удивиться, зачем было направлять войска численностью в 23 000 человек, чтобы спасти относительно небольшое число американцев, ни один из которых не попросил о помощи, а некоторые из них на самом деле оказывали помощь конституционным силам.

На самом деле оккупационная сила была вовлечена в операцию спасения не граждан США, а хунты правой партии, которой поставлялось оружие и выделялись средства и которая напрямую участвовала в кровавом подавлении конституционных сил. Войска США оставались на острове в течение почти пяти месяцев, еще долго после того, как уже не было никакой необходимости эвакуировать кого-либо из американцев. Это было уже в пятый раз в этом столетии, когда Соединенные Штаты вторглись в Доминиканскую Республику для того, чтобы предотвратить народные социальные перемены и поддержать существующий класс автократии.

В 1983 году знакомый рефрен «жизни американцев в опасности» был использован еще раз, когда президент Рейган захватил крошечную страну Гренада (с населением в 102 000 человек) посредством неспровоцированного нападения, нарушая международное право и убивая множество защитников острова. Белый дом заявил, что вторжение было операцией спасения американских студентов медицинской школы Святого Георга, над которыми предположительно

нависла угроза со стороны руководящих группировок острова. На самом деле, как утверждал директор школы, студентам ничто не угрожало и никто из них не собирался покидать остров. Только после предупреждения о неминуемом вторжении многие студенты передумали. Их желание эвакуироваться для того, чтобы быть в стороне от военных действий США, сегодня рассматривается как оправдание самой акции.

«Проступок» Гренады состоял в том, что ее революционное [Новое алмазное движение](#) учредило ряд уравнительных реформ, которые включали: бесплатную начальную школу и среднее образование, государственные поликлиники (в большинстве своем при участии кубинских докторов) и бесплатное распределение продуктов питания бедным, а также материалов для ремонта домов. Также правительство сдало в аренду неиспользуемые земли для создания фермерских кооперативов и стремилось преобразовать сельское хозяйство, направленное на экспорт товарных культур, в самостоятельное производство продуктов питания. После вторжения эти программы были уничтожены, а безработица и экономическая нищета резко выросли. Острову помешали следовать альтернативному курсу саморазвития.

Заключительная сноска: в середине 1980-х годов администрация Рейгана намекала на то, что собиралась вторгнуться в Никарагуа. Большая группа граждан США, которая поддерживала правительство сандинистов, сделала заявление, в котором они утверждали, что их жизням ничто не угрожало. Предлог «спасая американцев» был настолько знаком, что они попытались предотвратить его использование Вашингтоном и снять ложный предмет спора.

Поиск предлогов

Когда люди продолжают предоставлять все новые и разные объяснения для оправдания какого-либо действия, они, вероятнее всего, лгут. То же касается политиков. В октябре 1917 года революция в России потрясла весь капиталистический мир. Партия большевиков при сильной поддержке рабочего класса свергла царское самодержавие, провела коллективизацию земель, конфисковала собственность церкви, национализировала банки и частные фирмы и объявила себя государством рабочих. Для имущих классов западного мира кошмар стал реальностью.

Через несколько месяцев Соединенные Штаты и 14 других капиталистических государств вторглись в Советскую Россию. Общественности США говорили, что (1) эта военная акция была направлена на то, чтобы помешать правительству большевиков оказывать поддержку германской армии, с которой западные союзники все еще находились в состоянии войны. Действительно, большевики заключили сепаратный договор с Германией, но они не собирались помогать кайзеру. Как только закончилась война с Германией, потребовался новый повод. Президент Вудро Вильсон теперь заявлял (2), что оккупационные войска необходимы для того, чтобы восстановить порядок и предотвратить жестокость. Он умолчал о том факте, что именно интервенты и их союзники Белой армии несли большой беспорядок и совершали большую часть злодеяний. Затем говорилось, что (3) интервенция была необходима для того, чтобы заставить большевиков вернуть деньги, которые предыдущий царский режим взял в долг у Европы.

В итоге президент Вильсон признал реальную причину: (4) он не мог терпеть большевиков. Но он так никогда и не объяснил, что было такого в них несносного. Истинное намерение союзнической интервенции состояло в свержении возникшего откровенно антикапиталистического порядка. Первая успешная в истории пролетарская революция должна была быть уничтожена, так как она служила опасным примером для простого народа других стран, включая Соединенные Штаты. Лидеры страны — государственный

секретарь Лансинг и сам Вильсон — высказали это опасение в своей частной переписке. Но они так и не сказали, о простом народе этой или какой-либо другой капиталистической страны они действительно беспокоились.

Поиск алиби был в наибольшей степени очевиден во времена войны во Вьетнаме в 1960-х годах. На ранних стадиях конфликта официальные лица Вашингтона говорили, что участие США необходимо (1), чтобы стабилизировать правительство Южного Вьетнама. Затем (2) чтобы предотвратить вторжение из Северного Вьетнама. Так как потери росли, целью политики предположительно становилось (3) спасение всей Юго-Восточной Азии от «азиатского коммунизма со штаб-квартирой в Пекине». В последние годы войны открыто признавалось, что на карту было поставлено не что иное, как (4) безопасность и национальная гордость Соединенных Штатов, а также выживание стран «третьего мира».

Вернемся к Гренаде. Мы указывали выше, как администрация Рейгана использовала (1) спасение американских студентов медицинской школы в качестве оправдания своего вторжения. Затем Рейган заявлял, что (2) Гренада создала огромный арсенал оружия, который угрожал другим странам Карибского бассейна, и (3) стала инструментом власти Советов, так как построила гавань для советских подводных лодок и военный аэропорт для советских самолетов, что было явной ложью. Также нам говорили, что (4) остров находился рядом с уязвимым «узким местом» на пути наших навигационных маршрутов. Другими словами, крошечная Гренада могла поставить на колени Соединенные Штаты, если бы заблокировала морские пути США. Захватив контроль над островом, захватчики учредили правительство «свободного рынка», которое возглавила Новая национальная партия, финансируемая США. Таким образом была достигнута реальная цель вторжения: не допустить выхода любой страны Карибского бассейна из глобальной корпоративной системы.

Официальные заявления по поводу войны, которую контраст, поддерживаемые США, вели против Никарагуа в 1980-х годах, выявили ту же модель постепенного расширения основных причин. Изначально нам говорили, что проведение наступательных боев предназначалось для того, чтобы сдерживать оружие, которое Манагуа отправляла сальвадорским повстанцам. Но никогда не объяснялось,

почему Фронту национального освобождения Сальвадора не оказывалась поддержка в его борьбе против жестокой диктатуры. Затем нам говорили, что эта интервенция против Манагуа была предназначена для того, чтобы (2) заставить никарагуанцев провести демократические выборы — что они уже сделали в 1984 году. Затем было необходимо (3) помешать Никарагуа стать советским государством-сателлитом. В конце концов, надо было (4) удержать Никарагуа от экспорта своей революции в страны Центральной Америки. Кроме того, Никарагуа угрожала безопасности самих Соединенных Штатов. Наблюдается тенденция постепенного расширения основных причин, по мере того как масштабы интервенции растут — разумеется, вместе с расходами.

Война в Заливе в 1991 году является лучшим примером того, когда ложь и война идут рука об руку. В 1989 году после получения от официальных лиц Вашингтона заверений в том, что Вашингтон останется нейтральным, Ирак вторгся в Кувейт. В ответ на это администрация Буша при поддержке других стран-членов ООН предприняла против иракских оккупационных сил в Кувейте и гражданского населения в Ираке, включая город Багдад, интенсивные воздушные атаки, которые продолжались целый месяц.

После переговоров с Советским Союзом Ирак согласился вывести войска из Кувейта в течение трехнедельного срока. Президент Буш дал бы Ираку не более одной недели. Вывод иракских войск превратился в жесткое убийство, США наносили удары с воздуха по отступающим войскам. Более 100 тысяч иракцев, включая гражданских лиц, было уничтожено в одностороннем конфликте. Потери США составили несколько сотен человек.

Война в Персидском заливе (известная под названием «Буря в пустыне») показала, что лидер зарубежного государства не должен быть коммунистом, чтобы почувствовать всю силу натиска империализма США. Несмотря на то что Саддам поднял уровень жизни своего народа до уровня выше среднего и проводил политику национального развития, он проявил мало эгалитарных идеологических порывов, которые защитники капитализма считают неприемлемыми. Он замучил и уничтожил большое число коммунистов и других левых диссидентов. Такая политика обычно вызывает у Вашингтона теплые и нежные чувства к любому диктатору.

Незадолго до войны в Заливе Саддам регулярно получал военную помощь США. Почему же президент Буш так яростно набросился на Ирак?

Ложь о войне в Заливе

Исходным предлогом, выдвинутым администрацией Буша, послужил тот факт, что (1) вооруженные силы США потребовались на Ближнем Востоке для защиты Саудовской Аравии от угрозы иракского нападения. Однако если Ирак действительно намеревался вторгнуться в Саудовскую Аравию, почему тогда он не сделал этого сразу после захвата Кувейта, задолго до появления там американских войск? Несмотря на распространяемую дезинформацию, журналистам не удалось обнаружить на Саудовской границе скопления иракских войск.

Буш заявлял, что его удару предшествовали «месяцы постоянной и фактически непрекращающейся дипломатической деятельности» и что (2) Ирак не проявил никакой заинтересованности в мирном урегулировании вопроса. Это была совершенная ложь. В Женеве на одном из «дипломатических» заседаний с представителями Ирака госсекретарь Бейкер просто велел вывести иракские войска из Кувейта. По его собственному признанию, Бейкер не стремился вникнуть в суть конфликта между Ираком и Кувейтом. И когда в конце 1990 года иракцы попытались навести мосты мира, Белый дом проигнорировал их инициативу.

Администрация Буша стремилась ввязаться в одностороннюю борьбу. Представители Белого дома описывали вывод иракских войск из Кувейта как «ночной кошмар». Почему? Разве избежание войны не было желанием обеих сторон? Политики понимали, что мирное отступление иракцев устранило бы повод для объявления войны и лишило бы Буша «славы миротворца». Президент также утверждал, что (3) был встревожен ущемлением иракцами прав человека в Кувейте, а также повсеместно на Ближнем Востоке. Хотя демократия вообще никогда не была в особой чести ни в одном из местных феодальных государств. В Саудовской Аравии женщин за измену до смерти забивали камнями. В Кувейте демократические организации и прочие политические группировки подвергались регулярному гонению. Какая-нибудь одна разбогатевшая нечистоплотным путем семья могла держать под контролем всю политико-экономическую жизнь страны. Соединенные Штаты также (4) взяли на себя

обязательства перед ООН оказывать военную поддержку государствам-участникам в случае нападения на них. Но почему только в этом случае? Сирия и Израиль вторглись в Ливан и все еще удерживали часть его территории; Турция заняла половину Кипра; Марокко развязала захватническую войну в Восточной Сахаре; Индонезия вторглась и присоединила Восточный Тимор ценой многочисленных жертв местного населения. При этом Вашингтон продолжал поддерживать дружественные отношения со всеми упомянутыми агрессорами. Когда за несколько лет до войны в Персидском заливе Ирак напал на Иран, Белый дом оказывал военную поддержку обеим враждующим сторонам. Лидеры США сами вторглись в Гренаду и Панаму. Так что можно отнестись с крайним недоверием к взявшейся ни с того ни с сего нетерпимости Вашингтона к агрессии.

В августе 1990 года Буш заверял, что пытался предотвратить монополизацию Саддамом Хусейном «мировых нефтяных ресурсов». Подобное заявление, по крайней мере, приближает нас к истине: камнем преткновения оказалось черное золото. Тем не менее само обвинение выглядит нелепо. Один-единственный поставщик не может контролировать мировой рынок нефти, не под силу это даже такому мощному консорциуму, как ОПЕК, а уж о лидере-одиночке вроде Саддама нечего и говорить. Даже после того как в 1990 году на иракскую нефть наложили эмбарго, это мало отразилось на общем положении дел в данной области в мировом масштабе.

Затем Белый дом сослался на то, что (6) Ирак представлял ядерную угрозу. Poleмика по этому вопросу пришла как раз очень кстати. Сразу же после состоявшегося в Соединенных Штатах опроса общественного мнения, показавшего, что американцы настороженно относятся к развитию Ираком ядерного потенциала, Буш не замедлил воспользоваться этим аргументом в качестве очередного оправдания своему вторжению, которое между тем он осуществил за долгие месяцы до этого. В любом случае даже при наличии соответствующих санкций Ирак просто не смог бы найти необходимые для создания ядерной бомбы средства.

В ноябре 1990 года госсекретарь Бейкер утверждал, что (7) интервенция в Ирак поможет Соединенным Штатам сохранить рабочие места. Впервые при Буше, когда приоритетным считался

вопрос национальной безопасности, кто-то из официальных лиц заговорил о трудовых резервах страны. Не уточнялось, правда, каким образом дорогостоящая для государства резня на Ближнем Востоке способствует стабилизации рынка рабочей силы у себя в Америке. Тем не менее действительно, после войны безработица выросла незначительно. Кроме того, для обеспечения занятости американцев открылись и другие более действенные и мирные пути, чем сеяние раздора среди других народов.

Несколько истинных причин

Война с Ираком была нужна по ряду причин, которые администрация Буша предпочитала не афишировать. Во-первых, Саддам Хусейн пытался пресечь использование Кувейтом иракских нефтяных залежей, а также стремился максимально повысить цену на собственную нефть. То, что он поставил экономические выгоды своей страны на первое место в обход интересам международной нефтяной картели, немедленно сделало его непопулярным в Вашингтоне.

Во-вторых, благодаря телевещанию война в Заливе послужила в качестве рекламной кампании военно-промышленного комплекса, оправдывавшей непомерно раздутый оборонный бюджет. В июле 1990 года впервые за долгие годы демократы в Конгрессе всерьез заговорили о необходимости сокращения военных расходов. Война в Заливе быстро и бескомпромиссно положила этому конец.

В-третьих, быстрая и легкая победа оправдала бы интервенционистскую политику Штатов в целом, послужила бы средством против «Вьетнамского синдрома» (то есть общественного неприятия кровопролитных действий США). Казалось, что война в Заливе способна решить проблему, которая уже давно стояла перед американскими милитаристами: как проводить военные действия без серьезных человеческих потерь со стороны Соединенных Штатов. Причем это было продиктовано скорее политическими соображениями, чем подлинной заботой о людях. Большие потери сделали бы военное вмешательство непопулярным среди населения США. Достичь этого можно было, располагая воздушным, сухопутным и морским огнестрельным оружием такой превосходящей противника силы, чтобы разрушить военный потенциал, инфраструктуру и систему жизнеобеспечения врага, не прибегая к широкому вовлечению в непосредственные боевые действия американских войск.

Неверно, что, как утверждали активисты антивоенного движения, бомбардировки отбросили Ирак назад в XIX век. В XIX веке производственная база Ирака едва ли удовлетворяла нужды населения того времени. Разрушение повергло страну в гораздо более серьезный

кризис. В марте 1991 года представители миссии ООН в Ираке сообщили, что конфликт «произвел почти апокалиптический эффект», нанеся существенный урон «основам современного жизнеобеспечения». Конфликт отбросил Ирак «в доиндустриальную эпоху, но со всеми возможными проблемами постиндустриальной зависимости от энергетики и технологии».

Американские милитаристы не беспричинно называли свои атаки «хирургическими». Хотя львиная доля бомбардировок была произвольной, бесцельно поражавшей гражданских людей. Тем не менее тысячи воздушных ударов с предельной точностью уничтожили большую часть систем иракского электроснабжения и нанесли серьезный ущерб сельскому хозяйству. Без электричества невозможным стало поддерживать необходимую систему водоснабжения. В стране свирепствовал голод, процветала холера и прочие болезни.

За войной последовало наложенное ООН мстительное эмбарго, которое еще в течение нескольких лет не позволяло Ираку восстановить пищевое производство, медицинское обслуживание и санитарные условия. Уже в 1993 году агентство CNN сообщало, что 300 тысяч иракских детей страдают от недоедания. Уровень смертности превысил 125 тысяч человек в год, унося в основном «малоимущих, их детей, людей, страдающих хроническими заболеваниями и престарелых» (Los Angeles Times, 22 February 1994). Те граждане Ирака, которые прежде могли себе позволить достойный уровень жизни, оказались теперь в крайней нужде. Так была реализована одна из непреходящих целей империализма: повергнуть всех возможных врагов в бессилие и нищету.

В-четвертых, Персидский кризис позволил установить долгосрочное пребывание американских войск на Ближнем Востоке, в горячей точке, изобилующей нефтяными ресурсами. Теперь Соединенные Штаты могли предоставить более действенную помощь местным автократиям, оберегая их от собственного беспокойного населения.

В-пятых, как указал Александр Гамильтон (Federalist, № 6), многие войны начинаются из-за политических амбиций вождей. Ввязываясь в международные конфликты, они стремятся отвлечь общественное внимание от неблагоприятного положения дел внутри

страны и тем самым обезопасить свою политическую карьеру. Война с Ираком пришлось в самый разгар серьезного экономического спада, который президент скорее предпочитал игнорировать, чем решать. В июле 1990 года скандал по поводу манипуляций с займами и вкладами резко подорвал авторитет Буша. Каждый вечер в теленовостях приводились все новые и новые факты, изобличавшие коррупцию, мошенничество, взяточничество, посягательство на народные сбережения, которые представлялись величайшим в мировой истории финансовым заговором. Но как только телевидение переключилось на продажу войны, подаваемой как высокотехнологичный видеопродукт, скандалы относительно денежных манипуляций немедленно покинули экраны. Победа в Персидском заливе также свела к минимуму дальнейшие разоблачения, обвиняющие Буша в причастности заговору иранских контрабандистов, поскольку теперь авторитет президента казался непререкаемым.

Еще во время войны я писал в *Covert Action Information Bulletin* (Spring 1991): «На следующий после победы день американцы спросят себя: стоила ли она кровопролития и 80 миллиардов долларов. Возможно, они вспомнят, что единственная война, которую стоит поддерживать, это, по словам Бенджамина Франклина, "лучшая война", то есть та, которая никогда не велась». И действительно, бойня, учиненная в Ираке, не помогла Бушу год спустя быть избранным на второй срок.

«Война против наркотиков»: официальная версия

Среди многочисленных крестовых походов, предпринимаемых нашими лидерами, существует «война против наркотиков». На Pacifica Radio (31 October 1990) представитель America Watch описывал, как Соединенные Штаты финансируют военные и военизированные организации в Колумбии для пресечения торговли наркотиками. На деле же эти структуры преследуют членов политических партий левого толка, выступающих за социальные реформы и мирные выборы. Представитель America Watch заключил, что, «к сожалению», политика Соединенных Штатов «ошибочна». Торопясь нанести удар по наркотикам, Вашингтон «дает деньги не тем людям».

В действительности администрация финансирует нужных людей, использующих предоставляемые им средства именно в тех целях, которые нужны Вашингтону. Предполагалось, что правительство США обманывают, на самом деле это оно нас обманывает. Несмотря на то что Колумбия была главным нарушителем прав человека во всем Западном полушарии, именно ей в правление Клинтона Соединенные Штаты в первую очередь предоставляли военную поддержку.

Подобным образом в Перу под предлогом проведения совместных мероприятий, направленных на борьбу с наркотрафиком, Америка оказалась основательно вовлеченной в контрреволюционную кампанию, унесшую жизни тысяч людей. На американские деньги были собраны перуанские войска. Эти силы предназначались для прочесывания районов, население которых подозревалось в сотрудничестве с ведущими партизанскую войну повстанцами.

Белый дом заставлял нас поверить, что вторжение в Панаму в 1989 году было исключительно в целях ареста президента Мануэля Норьеги, который якобы занимался наркоторговлей и потому расценивался как нарушитель американских законов. В этом случае Соединенные Штаты аргументировали интервенцию нелепой идеей, будто бы их законы имеют юрисдикцию над тем, что зарубежные лидеры предпринимают в своих странах. Если бы этот принцип работал также и в обратном направлении, самого президента США

можно было бы отправить в какую-нибудь фундаменталистскую исламскую страну и обвинить в неуважении к местным законам.

Американские власти не ограничились арестом Норьеги. Они бомбардировали и насильно эвакуировали жителей рабочих районов Панама-Сити, которые считались оплотом режима Норьеги. Были задержаны тысячи офицеров, политических активистов и журналистов, а также произведены гонения в профсоюзах и университетах. Во главе нового правительства поставили богатых компрадоров вроде президента Гиллермо Эндара, которые были тесно связаны с компаниями, банками и частными лицами, участвующими непосредственно в наркоторговле и отмывающими наркоденьги.

Количество наркотиков, проходящих через Панаму, представляло лишь малую долю в общем потоке, ввозимом в США. Истинной причиной американского недовольства Панамой было местное популистско-националистское правление. Панамский оборонительный комплекс составляли военные левого толка. Предшественник Норьеги генерал Омар Торрихос, погибший в результате загадочной авиакатастрофы, которую некоторые ставят в вину ЦРУ, ввел ряд эгалитарных социальных программ. Правительство Торрихоса вело переговоры о заключении Панамского соглашения, которое не отвечало интересам американских правых. Панама установила дружественные отношения с Кубой и сандинистской Никарагуа. Норьега сохранил большую часть реформ своего предшественника.

После американской интервенции в Панаме резко выросла безработица, были упразднены пенсионное обеспечение и рабочие дотации. Сегодня эта страна снова представляет собой звено в железной цепи империи Соединенных Штатов.

На чьей вы стороне, парни?

«Государство национальной безопасности» США не предприняло ровным счетом ничего, чтобы пресечь наркоторговлю, однако во многом способствовало ее процветанию. Некоторые шутят, что «ЦРУ» (CIA — Central Intelligence Agency, то есть Центральное разведывательное управление) можно читать как Международная армия капитализма (Capitalism's International Army). Другие уверяют, что знаменитая аббревиатура подразумевает Управление по ввозу кокаина (Cocaine Import Agency). В начале 1960-х годов в Лаосе действия этой организации оправдывали оба названия. Когда для борьбы с антиимпериалистом и антикапиталистом режима Патет-Лао ЦРУ предприняло вербовку новобранцев из народа мео, большим преимуществом в этом мероприятии была возможность вывоза из отдаленных деревень выращиваемого мео опиума и дальнейшая транспортировка его на крупнейшие мировые рынки через Air America, авиалинию, находящуюся под контролем ЦРУ.

Когда эта история была предана гласности, ЦРУ признало, что было в курсе производимой мео транспортировки опиума на борту Air America, и заявило, что пыталось пресечь действия туземцев, но это, конечно же, было нелегко. Впоследствии пилоты ЦРУ сообщали, что им был дан приказ свыше не препятствовать погрузке. Как документально продемонстрировал Альфред Маккой, производство опиума в Юго-Восточной Азии, финансируемое стоящими за разведывательным управлением военными промышленниками, увеличилось в десять раз вскоре после того, как там появилось ЦРУ^[7].

Еще в 1947—1950 годах ЦРУ поддерживало сицилийскую и корсиканскую мафии в разгроме организованных коммунистами забастовок докеров в Италии и Франции и обеспечивало их деньгами и оружием. Взамен мафиозные синдикаты получали карт-бланш для перевозки героина, львиная доля которого оседала в Соединенных Штатах.

В Боливии в 1980 году ЦРУ помогло свергнуть избранное демократическим путем реформистское правительство и допустить к власти военную хунту крайне правого толка. Сопровождаемый

массовыми арестами, пытками и убийствами, этот переворот вошел в историю как «Кокаиновый путч», поскольку новые государственные лидеры открыто сотрудничали с наркомагнатами.

В 1988 году в Подкомитете Сената по терроризму, наркотикам и международным процессам перед сенатором Керри была освидетельствована крупная наркотическая операция, в которую оказались вовлеченными ЦРУ и некоторые члены зарубежных правительств, включая верховных военных и административных должностных лиц ряда стран Латинской Америки. Представители ЦРУ использовали деньги, вырученные от наркоторговли, для финансирования войск, направленных на подавление революционного движения в этом регионе, и нередко набивали собственные карманы.

Бывший помощник Норвеги по разведывательной части Хосе Бландон рассказывал в Комитете Керри, что на коста-риканских самолетах, предназначенных для поставки оружия никарагуанским контраст, также осуществляли перевозку больших партий кокаина в Соединенные Штаты. Официальный следственный комитет в Коста-Рике выдвинул обвинение против Джона Халла, американского фермера, подозреваемого в наркоторговле и связях с ЦРУ. Коста-риканские власти требовали (безуспешно) экстрадиции Халла, обвиняя его в совершении убийств и ввозе в их страну оружия и наркотиков. Среди его соучастников назывались подполковник Оливер Норт и Роб Оуэн, бывший сподвижник действующего в то время сенатора от Индианы Джона Куэйла. Дж. Халла также вменялось в вину мошенничество в крупных масштабах, неповиновение правосудию и незаконная торговля на территории США, тем не менее Министерство юстиции ничего не предприняло против него. Он также не был экстрадирован в Коста-Рику.

В 1989 году представитель Управления по борьбе с наркотиками в Сальвадоре Селерино Кастилло III дал отчет о раскрытой им крупнейшей контрабандной операции, проводимой Оливером Нортом и ЦРУ в военном аэропорту Сальвадора. На пресс-конференции, состоявшейся в Вашингтоне 2 августа 1994 года, Кастилло повторил, что Норт был в курсе проводившейся на воздушной базе в Илопанго погрузке наркотиков: «Все его летчики были наркоперевозчиками. Он знал, что именно они собирались делать, но отказывался предпринимать какие-либо меры». Эдвин Корр, действующий в то

время американский посол в Сальвадоре, заявил Кастилло, что это была «тайная операция Белого дома, проводимая под руководством полковника Норта, в которую не следовало вмешиваться» (San Francisco Weekly, 18 May 1994). И доклад Керри, и заключительный доклад Независимого совета Лоуренса Уолша относительно повстанческого движения в Иране свидетельствовали против Норта, который, вместо того чтобы отправиться в тюрьму, продолжал баллотироваться в Сенат США.

Коста-риканские обвинения против Дж. Халла и Норта не привлекли широкого внимания средств массовой информации, только New York Times кратко упомянула о них на одной из внутренних страниц. Если бы поборник реформ вроде Джесса Джексона был связан с сандинистами торговлей наркотиками и оружием, это бы не сходило с первых страниц в течение многих недель. И если мы все еще проигрываем в войне против наркотиков, то это только потому, что «государство национальной безопасности» само поддерживает наркодельцов.

Наркотики — орудие социального контроля

Кроме финансирования войн и способа обогащения, наркотики — еще и инструмент социального контроля. Когда наркотики наводнили Соединенные Штаты, их употребление увеличилось с огромной скоростью. Спрос формирует предложение, но и предложение, в свою очередь, может формировать спрос. Чтобы популяризировать наркотики, нужно было сначала обеспечить их доступность, а затем обрушить их на людей в огромном количестве. Сорок лет назад жители городских общин также нуждались, как и сейчас, но уровень употребления наркотиков был гораздо ниже, потому что этот товар не попадал к ним в таких масштабах и по таким доступным ценам, как сегодня.

Тем, кому нужно легализовать марихуану, следует уточнить, что, собственно, стоит за словом «марихуана» вместо того, чтобы использовать общий термин «наркотики», обозначающий для многих людей крэк, айс, РСВ, героин и многие другие подобные препараты, пользующиеся большой популярностью в их общинах.

Успешная международная борьба с наркотиками была бы возможна только в том случае, если бы Соединенные Штаты поддержали согласованные меры и позволили странам вроде Пакистана, Афганистана, Таиланда, Колумбии, Перу и Боливии не держаться так упорно за своих наркодельцов, как они сами держатся за своих крестьян, студентов, рабочих и социальные преобразования.

Политика Соединенных Штатов меньше озабочена войной против наркотиков, чем их использованием в извечной борьбе империи за социальный контроль, как в своей стране, так и за границей. Подобно бывшим нацистам, которые оказались полезными в борьбе с коммунизмом, наркодельцы (некоторые из которых напрямую и косвенно связаны с фашистскими организациями) играют на руку ЦРУ. «Для тотального поражения сети международного наркоторговли, — пишут в своей книге «Cocaine Politics» («Политика кокаина», 1991) Питер Дэйл Скотт и Джонатан Маршалл, — от ЦРУ потребовалось бы отказаться от основных источников разведки, привычных политических рычагов и косвенного финансирования операций в

странах "третьего мира"». Это было бы ни больше ни меньше, чем «фундаментальное изменение установленных директив».

Неоднократно заявляя о необходимости действий, направленных против наркобизнеса, президент Рейган тем не менее урезал на треть федеральные средства на борьбу с организованной преступностью. Администрация по контролю за соблюдением законов о наркотиках была сокращена на 12%, вызвав отставку 434 служащих, включая 211 работников агентства. Сокращение не миновало и Береговую охрану США, в результате чего резко ухудшился надзор за морскими перевозками. Был основательно уменьшен федеральный штат адвокатов, создав в стране нехватку юристов и вынудивший Министерство юстиции оставить 60% следственных дел. Все эти перемены заставили следователя Дэна Молдеа назвать наркополитику Рейгана «фикцией». Конгрессмен Том Льюис сетовал: «Мы всего лишь пешки в этой игре, маленькие люди».

Администрация Буша не аннулировала ни одно из рейгановских сокращений и не разработала новых стратегий, чтобы сделать войну против наркотиков более действенной. Вдобавок Буш сократил и без того уже немногочисленный Пограничный патруль США, после чего *New York Times* (27 August 1989) писала: «Администрация Буша вознамерилась составить бюджет на 1990 финансовый год таким образом, чтобы на границе можно было оставить еще меньше служащих (ответственных за пресечение наркотрафика)». Администрация Клинтона никак не проявила себя в войне с наркотиками, впрочем, как и во многих других областях общественной политики.

Когда в середине XIX века британцы ввезли в Китай большое количество опиума, это было сделано вовсе не в целях удовлетворить запросы китайцев. Для Британии это был весьма удобный способ создать новый рынок сбыта и заполучить хорошие прибыли с чего-то, производящегося в одной из их колоний (Индии), одновременно с этим распространяя «дурманную» безмятежность среди потенциально вспыльчивого населения другой своей колонии (Китая). Опиумные войны были попыткой оказать сопротивление спонсируемой Британией наркоторговле. Китайцы прекрасно понимали, что просто сказать «нет» было недостаточно. Они также понимали, что не смогут

найти правовую поддержку, проблема была в том, что британцы легализовали торговлю наркотиками.

Не нужно быть знатоком теории заговора, чтобы задаться вопросом: не затеяли ли политики правого толка в своей стране ту же самую игру с наркотиками. Организации протеста, которые проходили в афро-американских и латинских общинах в течение 1960-х годов, регулярно разгонялись полицией и федеральными службами, а их лидеров убивали и сажали в тюрьму по сфабрикованным обвинениям. Вскоре после этого наркодельцы завершили деморализацию общин. Их поддерживали федеральные власти, позволившие наводнить страну своим товаром. Поэтому вместо того, чтобы бороться за лучшие условия жизни, сегодняшние горожане ведут борьбу за жизнь без наркотической зависимости.

Те, кто пытаются доказать, что мы можем справиться с этой проблемой, просто легализуя ее, упускают из виду факт, что на практике наркотики уже давно легализованы и в этом вся проблема. Наркотический поток плывет в городские общины не только не встречая особого сопротивления со стороны представителей закона, но и регулярно заручаясь их активной поддержкой. Полиция часто находится на содержании у наркобаронов и потому готова действовать скорее против граждан, тем или иным образом оказывающих сопротивление наркоторговле, чем самим контрабандистам.

Некоторые консервативные обозреватели, такие, как Уильям Бакли-младший, пропагандируют легализацию наркотиков, противоречиво заявляя, будто проблема не столь серьезна и в то же время вследствие широкого распространения совершенно не поддается контролю. Подобные консерваторы, чьи идеи никак не согласуются с основными американскими ценностями, умалчивают о разрушительном действии наркотиков. Понятное дело, они больше склонны иметь дело с малообеспеченной молодежью, деморализованной наркотической зависимостью, чем стремящейся вступить в борьбу за перераспределение общественных благ. Они предпочитают, чтобы современные юноши и девушки не думали о революции, подобно их сверстникам более раннего поколения, которые примыкали к молодежным организациям вроде «Янг Лордс» (Young Lords), «Блэкстоун Рейнджерс» (Blackstone Rangers) и «Черные

Пантеры» (Black Panthers), а убивали самих себя при помощи игл и друг друга — при помощи оружия.

Когда уличные главари пытались установить мир между своими группировками и направить совместные усилия на политические цели, они подвергались серьезным гонениям со стороны блюстителей закона, чем когда предавались своей обычной криминальной деятельности^[8]. Наркотики — важное орудие репрессий и социального контроля. Это понимали когда-то британские империалисты, так же как понимают сейчас некоторые, консервативные мыслители, полиция и Белый дом. От Гарлема до Гондураса империя использует любые доступные средства для деморализации и дезорганизации беспокойного народа.

Глава 7

Достойные цели

Поборники мейнстрима утверждают, что «наше» вторжение в столь большое число стран оправдывает ряд достойных целей: ограничение распространения оружия, оказание гуманитарной помощи и учреждение демократических выборов. Проанализируем эти аргументы.

Ограничение распространения оружия

Нам говорили, что США используют свою военную силу для дела мира и ограничения распространения оружия. В действительности же американский военно-промышленный комплекс и Пентагон снабдили нас ракетами со встроенными для точного наведения на цель компьютерами стоимостью в миллионы долларов; «чудовищными» ядерными бомбами, каждая из которых способна уничтожить целые районы; тяжеловооруженные вертолеты, с огнестрельной силой которых едва может сравниться батальон соответственно снаряженных войск; противотанковыми ракетами, заряды которых сделаны из радиоактивных ядерных отходов (которые, тысячами использованные во время войны в Заливе, заражали почву и подземные воды, вызывая раковые заболевания у местного населения).

В странах «третьего мира» вряд ли бы нашлось хоть одно государство, вооруженное до зубов последними разработками американской военной промышленности, сотрудничающей напрямую с Пентагоном и стремящейся таким образом выручить от экспорта около 20 млн долл. в год. К тому же теперь военные магнаты продают не только оружие, но и технологии его производства. При поддержке американских компаний такие страны, как Турция, Южная Корея, Индонезия, Тайвань, Израиль, Египет, Аргентина и Сингапур, производят существенную долю современных систем вооружения. Некоторые из этих стран сами стали военными экспортерами.

Что касается ядерного оружия, Соединенные Штаты были первой страной, которая начала разработку ядерной бомбы, и пока что единственной страной, которая использовала ее — в 1945 году в Хиросиме и Нагасаки. Администрация Эйзенхауэра предложила ядерное вооружение Франции как раз накануне поражения при Дьенбьенфу в Индокитае в 1954 году; Париж отклонил предложение. Когда в 1955 году Пекин начал военные действия против Квеноя и Мацзю, двух крошечных прибрежных островков, использовавшихся китайскими националистами в качестве плацдарма для нападения на континент, администрация Эйзенхауэра направила на Китай ядерную угрозу. Американские стратеги намеревались использовать атомные

бомбы во вьетнамской войне в 1960-е годы и против Советского Союза во время Кубинского ракетного кризиса в 1962 году.

Начиная с 1945 года «государство национальной безопасности» США сбросило, по крайней мере, 950 ядерных бомб, иными словами, каждые восемнадцать дней производился новый взрыв, это превосходит все остальные государства, вместе взятые. Соединенные Штаты располагают самой большой базой ядерных бомбардировщиков дальнего действия, среди которых B-52, FB-111 и B-1В. Но и этого оказалось недостаточно, в 1990 году Конгресс ассигновал 31 млрд долл. на покупку 15 бомбардировщиков B-2 Stealth. Американские военные обладают тысячами стратегических и тактических ракет, оснащенных приблизительно 17 тысячами ядерных боеголовок. Около 4 тысяч единиц ядерного вооружения Соединенные Штаты разместили за рубежом. Предположительно этот арсенал должен был быть использован для предупреждения советского нападения. Однако и по сей день он остается в целостности.

По отношению к ряду стран США выступают в роли поборника ядерного разоружения. Довольствуясь самыми шаткими свидетельствами, они обвинили Иран и Ирак в развертывании «ядерного потенциала», расценивая его как неминуемую угрозу «миру и стабильности всего региона». Когда Куба объявила о намерении построить гражданский ядерный завод, Вашингтон тут же распустил слух о «возможном развитии ядерного вооружения» в этой стране.

В 1993 году ЦРУ и Пентагон выдвинули обвинение против Корейской Народно-Демократической Республики (КНДР), более известной как коммунистическая Северная Корея, в участии в секретной программе разработки ядерного вооружения. В качестве аргумента они указали на постоянное излучение плутония от ядерных установок. Не упомянутым американскими официальными лицами и средствами массовой информации остался тот факт, что в период с мая 1992 года и по январь 1993 года КНДР позволила Международному агентству по атомной энергии (МАГАТЭ) провести шесть инспекций военно-промышленных баз в своей стране. В интервью CNN (16 April 1994) президент КНДР Ким Ир Чен заявил о том, что его страна не располагает ни возможностью, ни намерением разрабатывать ядерное оружие: «Мировое сообщество сегодня пытается отыскать в нашей стране ядерное вооружение, которым мы не располагаем.... Мы

многое создали и не хотим все это разрушить. Те, кто жаждет войны, сошли с ума». В последующей беседе с представителем организации «Фонд международного мира Карнеги» Ким добавил: «Чего бы мы добились, построив одну или две ядерные бомбы, когда у вас их десять тысяч плюс системы доставки, которыми мы не обладаем».

Вашингтон предпринял экономические санкции против Пхеньяна и добился принятия МАГАТЭ резолюции потребовать инспекции всех военных объектов Северной Кореи. За этим последовали совместные военные учения 200 тысяч американских и южнокорейских войск, причем среди испытываемого вооружения было и ядерное. В ответ на это Северная Корея мобилизовала свои силы и констатировала:

«Некоторые официальные лица МАГАТЭ с подачи Соединенных Штатов упрямо настаивают на проведении "инспекции" наших военных баз, игнорируя наш запрос инспектировать ядерное вооружение и ядерные базы США в Южной Корее. Если мы покорно согласимся на неправомерную инспекцию агентства, это можно будет расценить как узаконивание шпионских действий Соединенных Штатов... и приведет к полнейшему раскрытию нашего военного потенциала».

В интервью NBC (3 April 1994) министр обороны Уильям Перри прохладно заметил: «Совершенно ясно, каким образом действия (Соединенных Штатов) могли бы спровоцировать Северную Корею развязать войну, и мы не боимся рискнуть». До этого предшественник Перри, Лес Эспин, говорил: «Наша основная задача — в необходимости направить усилия в стратегически важные для нас регионы и сокрушить потенциально враждебные нам региональные силы, такие как Северная Корея и Ирак». В мае 1994 года сенатор Джон Маккейн, имеющий вес в международной политике, предложил нанести воздушные удары на атомный реактор КНДР в Йонгбане. и, хотя он допустил, что эти меры вызовут ядерную реакцию, Пхеньяну не стоит ставить в вину убеждение в том, что он подвергался угрозе. В этой полемике осталось совершенно неупомянутым то обстоятельство, что Соединенные Штаты, согласно оценке, сделанной Brooking Institution в 1986 году, сосредоточили на территории Южной Кореи —

в пределах досягаемости для воздушных ударов от Северной Кореи — тысячу единиц ядерного оружия.

Политика Вашингтона, направленная на ограничение распространения ядерного оружия, направляется крайне выборочно — только по отношению к тем странам, которые США желали дестабилизировать: Ираку, Ирану, Кубе, Советскому Союзу, Ливии и Северной Корее. Ядерный арсенал таких государств, чья политика не противоречила имперским амбициям Соединенных Штатов, как Великобритания, Франция, Пакистан и до 1994 года Южная Африка, не вызывал тревоги у Вашингтона.

Выставляя Северную Корею как носительницу ядерной угрозы, администрация Клинтона в то же самое время совершенно игнорировала японские запасы плутония, которые не отвечали международным соглашениям. Не было выпадов и в сторону Израиля и Китая, хотя каждая страна обладала примерно двумя тысячами ядерных бомб. А когда Израиль и Южная Африка начали разработку термоядерного вооружения, Соединенные Штаты даже оказали им материальную поддержку.

Короче говоря, американская политика «разоружения» двулична и лицемерна. Если бы Соединенные Штаты действительно ратовали за всемирное ядерное разоружение, они бы существенно сократили свой собственный военный арсенал и поддерживали бы политику ограничения распространения оружия для всех стран одинаково.

Миф о химической войне

В 1975 году после пятнадцатилетнего сопротивления Соединенные Штаты согласились подписать Женевский протокол, запрещающий ведение химической и биологической войны (ХБВ). Вскоре после этого официальные лица США заявили, что располагают непрекаемыми свидетельствами того, что Советский Союз (который подписал Протокол еще в 1928 году) вел химическую войну в Афганистане, Камбодже и Лаосе. Если бы обвинение, выдвинутое против СССР, было справедливым, оно бы оправдало возобновление Вашингтоном его собственной программы ХБВ. Ведущие американские эксперты по микотоксину и методам ХБВ ставили под сомнение данные обвинения, замечая среди прочего, что:

Химическая война, продолжавшаяся более девяти лет и унесшая жизни тысяч людей, вызвала бы видоизменение большей части растительности, а не того малого количества покрывшихся мхом веток и листьев, которые приводил в качестве аргумента Вашингтон. Сотни образчиков листвы, зараженные трупы, фрагменты рогового слоя, газовые миазмы — все содержало бы сильный след микотоксина;

Описанные правительством средства доставки, использовавшиеся Советским Союзом (воздушные шары и снаряды, распространяющие газы; цистерны, разбрызгивающие жидкие вещества), не соответствовали ни одному известному типу ведения химических и биологических атак;

Недостовверными представлялись и описанные случаи страдающих обильной кровавой рвотой жертв отравления, так как за десятки лет лабораторных опытов над животными прецедентов извержения кровавой рвоты ни разу не наблюдалось.

В 1984 году двое американских ученых заявили, что «желтый дождь», выпавший в Юго-Восточной Азии, был не следствием химико-биологической атаки, а большим количеством пчелиных экскрементов. Они пришли к выводу, что правительству США нельзя поставить в вину ничего, кроме «неряшливо проведенных исследований» и «непреднамеренного заблуждения». Это не слишком достоверное заключение получило широкое распространение в медиа

и удовлетворило даже левых. В который уже раз общественность допустила, что американские государственные деятели скорее глупы, чем лицемерны. Нас просили поверить в то, что в течение десятилетий дезинформационной кампании они продолжали принимать пчелиные испражнения за химические атаки, что, когда они сфабриковали «свидетельские» показания о советских ракетах, распространяющих не только желтые, но и красные и зеленые клубы ядовитого газа, и когда они приводили ничем не подкрепленные свидетельства «жертв», заявлявших, будто были отравлены в результате химико-биологических атак, — что все это было лишь результатом «непреднамеренного заблуждения». На самом деле это было тем, чем это было, а именно: целенаправленной дезинформационной кампанией, в которой регулярно использовались ложные предположения, сфабрикованные аргументы, вымышленные истории и любые другие возможные уловки.

В 1988 году Вашингтон обратил свое внимание на Ливию, заявив, будто снимки с воздуха выявили, что полковник Каддафи построил химический завод с намерением производить на нем химико-биологическое оружие. Каддафи доказывал, что его завод не оснащен для производства ХБВ, и предложил провести международную инспекцию. Соединенные Штаты отклонили это предложение, сказав, что одна-единственная инспекция не сможет подтвердить, что когда-нибудь в дальнейшем завод не будет производить химическое оружие, в действительности же признав, что сделанные ими снимки недостаточны для предъявленного обвинения.

В 1991 году во время войны в Заливе официальные лица США оправдали воздушный удар по заводу в Ираке, заявив, что на нем производится секретная разработка химического оружия. Последовавшее расследование, включавшее свидетельство европейской фирмы, принимавшей участие в строительстве этого завода, доказало, что, как и настаивал официальный Ирак, там производили детские молочные смеси.

Гуманитарная отговорка

Вопреки распространенному убеждению, Соединенные Штаты не превосходят большинство других стран по масштабу предоставляемой ими гуманитарной помощи. Действительно, многие государства, включая США, в определенных ситуациях оказывают посильную поддержку за границей. Однако эти действия не представляют собой неотъемлемую часть международной политики страны. Они спонтанны, ограничены и в ряде случаев, в зависимости от санкций правительства, вообще не предпринимаются.

Большая часть американских миссий служат предлогом для скрытых политических целей, а именно: поддержания консервативных режимов, создание инфраструктур, которые играют на руку крупным инвесторам, придания ауры законности контрреволюционным программам и подрыва местной сельскохозяйственной самодостаточности, способствуя при этом развитию агробизнеса Соединенных Штатов.

Невозможно забыть о тех случаях, когда действия США были совершенно антигуманными. Вспомните холокост. Администрация Рузвельта не сделала абсолютно ничего, чтобы предоставить политическое убежище десяткам тысяч евреев, пытавшихся избежать фашистских репрессий. Вашингтон отказался смягчить ограничительные иммиграционные квоты и даже не позволил евреям воспользоваться теми немногими каналами, которые уже были им отведены. Более того, официальные лица США добились того, чтобы правительство Латинской Америки закрыло свои двери для европейских иммигрантов.

Вспомните Южную Африку. Десятилетиями Вашингтон ничего не предпринимал, чтобы пресечь жестокую дискриминацию коренных африканцев в стране, где преобладало белое население. Американские лидеры предпочитали поддерживать с апартеидским режимом торговые и инвестиционные отношения. Они не сдвинулись с места, чтобы остановить резню, учиненную Западным Пакистаном в Восточном (позднее переименованном в Бангладеш). Но были крайне обеспокоены расширением влияния в этом регионе Индии и

Советского Союза. В 1980-е годы «государство национальной безопасности» США тайно поддерживало кровавую кампанию Красных кхмеров, используя их в качестве дестабилизирующей силы в борьбе против коммунистического правления Камбоджи.

Если бы в помощи нуждались какие-нибудь местные народы дождевых лесов Южной Америки или Южной Азии, курды, палестинцы, заокеанские китайцы в Индонезии, восточные тиморцы, народы Анголы, Мозамбика, Гватемалы, Сальвадора и десятков других стран, Соединенные Штаты не только не потрудились бы облегчить их бедственное положение, но и в большинстве случаев оказали бы поддержку их обидчикам.

Во имя свободы, стиль моджахедов

Иногда, приводя пример необходимого военного вмешательства, ссылаются на кампанию в Афганистане, оказание помощи против советской агрессии. На самом деле зачинщиком войны в Афганистане была не Москва, а США. Задолго до того, как советские войска вошли в страну, администрация Картера начала оказывать поддержку афганским мятежникам, восставшим против политики Кабула. Афганистан имел договор о ненападении с Москвой и получил военную и экономическую помощь от Советского Союза. В конце 1970-х годов афганские военные начали социальную революцию, среди основных программ которой были земельная, образовательная, жилищная реформы и реформа здравоохранения.

Получив миллиард долларов от Соединенных Штатов и Саудовской Аравии, зажиточные землевладельцы и вожди моджахедов, базировавшиеся главным образом в Иране и Пакистане, усилили сопротивление. Для феодальных землевладельцев неприемлемой в революционной политике оказалась земельная реформа, направленная в пользу фермеров-откупщиков. Для моджахедов — решение революционного правительства об установлении равенства, образовании женщин и детей и противоопиумная кампания. Советы начали войну после неоднократно повторявшейся просьбы со стороны осажденного правительства в Кабуле. К 1988 году Москва попыталась вывести свои войска и признать многопартийное коалиционное правление, что было крайне выгодно повстанцам.

Соединенные Штаты вошли в Афганистан, чтобы поддержать недовольных феодальных земледельцев, реакционно-настроенных племенных вождей и торговцев опиумом. Если это можно назвать необходимым справедливым вмешательством, то каким же тогда должно быть несправедливое? Одним из наиболее активных представителей моджахедов был Гульбаддин Хекматъяр, который в 1975 году вторгся в Афганистан с силами, собранными в основном пакистанскими военными структурами и ЦРУ. Пользуясь солидной военной поддержкой со стороны Штатов, он являлся самым крупным наркодельцом в Афганистане. К середине 1980-х годов афганские

моджахеды поставляли половину потребляемого в США героина и являлись мировыми лидерами по экспорту опиума. Независимые расследователи Стивен Гольстер и Джон Фулэртон в своих книгах, касавшихся войны в Заливе, сообщают, что моджахеды широко применяли пытки и казни заключенных, убийства гражданских лиц, грабеж и насилие. Все эти зверства тем не менее не упоминались в американской прессе.

Советские войска вышли из Афганистана в 1988 году. Кабульское правительство продержалось до 1992 года, когда было свергнуто повстанцами. Торжествующие моджахеды немедленно начали междоусобную войну, сея раздор в городах, наводя ужас на гражданское население и проводя массовые казни. Сотни фундаменталистов из других стран, Алжира обучались в ЦРУ и направлялись на войну в Афганистан. После войны они возвращались домой, учиня там организованные террористические акты против поборников женских прав и других «прозападных» идей.

Американская интервенция в Афганистан ничем не отличалась от интервенций в Камбоджу, Анголу, Мозамбик, Эфиопию, Никарагуа и многие другие страны. В основе ее лежало то же намерение — не допустить эгалитарные социальные преобразования и то же действие — свергнуть реформаторское правительство. Во всех упомянутых примерах вмешательство Соединенных Штатов приносило реакционный элемент в структуры власти, разрушало экономику и безжалостно приносило в жертву сотни тысяч жизней.

Гуманитарная помощь «Коноко»

Буквально за несколько дней до того, как оставить свой пост в январе 1993 года, президент Буш отправил в Сомали войска предположительно для сопровождения продовольственной помощи голодающему населению. Это представлялось очередным гуманитарным предприятием. Но с чего вдруг Буш, за всю свою политическую деятельность на общественном посту ни разу не выказавший интереса к проблемам бедности и голода ни в своей стране, ни за рубежом, решил бороться с голодом в Сомали? Почему именно в этой, а не в любой другой африканской стране? И почему для доставки гуманитарной помощи понадобилось привлечь военные силы такого масштаба?

Истина вышла наружу, когда Los Angeles Times (18 January 1993) сообщила, что «четыре крупнейшие нефтяные компании США добиваются получения эксклюзивного патента на разработку 10 миллионов акров сомалийской земли». В статье говорилось о том, что «около двух третей Сомали» было предоставлено «американским нефтяным гигантам Conoco, Amoco, Chevron и Phillips в последние годы до свержения сомалийского президента проамериканской ориентации Мохаммеда Сиада Барре». Эти компании «намерены продолжать разработку нефтяных залежей в Сомали, как только там воцарится мир». Также сообщалось, что «привлеченные эксперты, аналитики, специализирующиеся по восточноафриканскому региону, а также некоторые заслуженные деятели Сомали» полагали, что «бывший техасский нефтяник, президент Буш, стремился к участию в действиях в Сомали», чтобы гарантировать охрану корпоративных инвестиций.

Официальные представители американского правительства и нефтяной промышленности утверждали, что во всем этом не было связи. Тем не менее «Коноко» (находившееся в собственности Du Pont) принимало активное участие в военной операции, разместив в своих офисах в Могадишо американское посольство и военный штаб. На самом деле правительство США арендовало офисы Conoco, таким образом, американские налогоплательщики оплачивали пребывание

защищавших интересы Сопосо войск в Сомали, причем платили корпорациям за предоставленное право осуществлять эту защиту. Times сделала следующий вывод:

«Ввод американских войск и их тесное сотрудничество с Сопосо дали повод многим сомалийским и зарубежным экспертам заподозрить связь между правительством США и этой крупной нефтяной компанией. "Конечно, дело касается вовсе не гуманитарной помощи, а нефти: будет ли передан предоставленный Сиадом Барре патент, когда и если восстановится мир, — сказал один из экспертов. — События развиваются таким образом, что, я убежден, на карту поставлены миллиарды долларов"».

Сообщалось, что геологи, нефтяные эксперты и сам Буш, будучи действующим президентом, публично заявляли о богатых ресурсах Сомали. «Но как только началась американская интервенция, и администрация Буша и представители нефтяных компаний... отказались делать какие-либо комментарии по поводу возможной добычи в Сомали газа и нефти». Быть может, они настолько озаботились гуманитарными аспектами своей африканской миссии, что просто-напросто забыли о сулившем миллиарды долларов нефтяном патенте. Нет, скорее всего, они предпочли умолчать о том факте, что в который уже раз американские войска были призваны для защиты больших денег.

Остальные газеты (впрочем, и Los Angeles Times ограничилась этой одной статьей) также были немногословны по поводу сомалийского патента, как администрации Буша и Клинтона и нефтяные компании. Ввод американских войск в африканскую страну рассматривался как гуманитарное и потому укрепляющее национальный дух предприятие. Решительно преследуя, по мнению военачальника, чересчур непокорных сомалийцев, армия США и ООН убила несколько тысяч человек. Не нужно быть марксистом, чтобы заподозрить Вашингтон в намерении установить в этой стране привлекательный для западных инвесторов компрадорский режим, не слишком отличный от того, что был при сверженном Сиаде Барре.

Когда во время военных действий в Сомали было убито 18 американских солдат, общественность Соединенных Штатов задалась вопросом: зачем нужна была эта интервенция? Стоит ли удивляться, что администрация Клинтона не ответила прямо: «Мы там для того, чтобы построить государство, служащее интересам таких американских инвесторов, как Сопосо». И снова комментаторы сделали вывод, что это было всего лишь очередным неудачным предприятием международной политики США; еще одним случаем, когда «хотелось как лучше, а получилось — как всегда».

Основная масса американского контингента покинула Сомали, а 19 тысяч войск ООН остались, чтобы продолжать создание государственной структуры, отвечающей транснациональным интересам. В ряде районов Сомали, оставленных ООН, утихала межплеменная вражда, местные предприниматели, лидеры общин, студенты и представители разнообразных группировок приходили к мирному соглашению, которое поддерживается и поныне. В районах, где все еще находились войска, продолжались междоусобицы — там враждовали кланы, стремясь получить работу, контракты на миллионы долларов за всевозможные услуги, оказываемые ими ООН (Oped, New York Times, 6 July 1994).

Неоднократно войска ООН подвергались нападениям и несли потери. В конце концов миссия ООН в Сомали была признана бесполезной и отозвана, предоставив сомалийскому народу самому разбираться со своими делами.

Выборам — «да»! (Смотря кто победит)

Создатели американской империи не гнушаются никаких методов, от убийства до выборов, независимо от того, что требуют обстоятельства. Они могут организовать выборы за границей, следить за ними, способствовать их успеху или провалу. ЦРУ финансировало избирательные кампании прокапиталистических кандидатов в странах Европы, Африки, Латинской Америки, Южной Азии и на Ближнем Востоке. В 1955 году ЦРУ потратило один миллион долларов, чтобы поддержать консервативную мусульманскую партию в Индонезии, тем не менее эта партия проиграла коммунистам. Тогда ЦРУ попыталось свести на нет результаты выборов, поддерживав несколькими годами позже вооруженный переворот, который провалился, а в 1965 году — еще один, оказавшийся «удачным», но стоивший, по приблизительным расчетам, от 500 тысяч до одного миллиона человеческих жизней, что можно сравнить только с кровопролитием холокоста.

В 1958 году администрация Эйзенхауэра вложила деньги в выборы Национальной ассамблеи в Лаосе, чтобы обеспечить победу консервативных кандидатов и провал антикапиталистической и антиимпериалистической партии Патет-Лао. Но консерваторы проиграли избирательную борьбу Патет-Лао. И снова ЦРУ вознамерилось опровергнуть результаты голосования, обратившись к военным действиям. Используя деньги и принуждение, агентство образовало из людей племени мео (известных также как хмонг) частную армию. Как отмечалось в предыдущей главе, ЦРУ содействовало мео в сбыте опиума на мировых рынках, что, в свою очередь, сделало это сотрудничество выгодным для мео.

Когда этой армии оказалось недостаточно для борьбы с Патет-Лао, стратеги Соединенных Штатов в 1969 году развязали негласную воздушную войну против Лаоса, которая продолжалась в течение долгих лет. «Ковровые» бомбардировки, производимые в том числе и с В-52, разрушали одну деревню за другой, уничтожая любое строение на равнине Яра. Выжившее сельское население пряталось в окопах, ямах и пещерах и решалось обрабатывать землю только по ночам. Рисовые поля были испещрены кратерами, исключая возможность

вести земледелие. Десятки тысяч человек погибли, массы людей голодали. Американские атаки практически обезлюдили целые регионы Лаоса.

В не менее разрушительную войну был ввергнут Вьетнам. Соединенные Штаты обрушили на Индокитай в несколько раз больше тонн бомб, чем было использовано за годы Второй мировой войны всеми участвующими сторонами. В своей книге «The Ruses of War» («Уловки войны») Джон Квигли сообщает: «На одном только юге бомбы, сброшенные B-52, оставили, по расчетам, 23 миллиона кратеров, обратив землю в болото и уничтожив около половины лесного покрова. Тысячи мин оставались в сельских угодьях и продолжали убивать и калечить вьетнамских крестьян». В середине июня 1994 года вьетнамское правительство объявило, что во время войны было убито 3 миллиона солдат и гражданских лиц, 4 миллиона ранено и 2 миллиона стало инвалидами.

В Никарагуа военные действия предшествовали выборам. После кровопролитной десятилетней борьбы с контраст «государство национальной безопасности» США обещало никарагуанскому народу помощь и прекращение военных действий при условии, что они отдадут свои голоса прокапиталистической антисандинистской коалиции UNO, что и было исполнено в 1990 году. Вашингтон вложил в эти выборы, призванные на борьбу с сандинистской революцией, не один миллион долларов.

В 1988 году в Мексике популярному в народе кандидату от левых Куаутемоку Карденас, имевшему очевидный перевес голосов, не позволили выиграть на выборах. Правительство конфисковало все избирательные бюллетени и несколько дней отказывалось оглашать результаты выборов. Оппозиционеров не допускали к дубликатам. Когда же в конце концов результаты были преданы гласности, к всеобщему удивлению, объявленным победителем оказался кандидат от правительства Карлос Салинас. Сотни тысяч мексиканцев пришли к зданию правительства в Мехико National Palace, выступая против узурпации власти. Американские лидеры отнеслись к факту подделки результатов голосования с негласным одобрением, не желая проводить новые выборы.

Выборы в Сальвадоре в 1984 и 1989 годах состоялись в атмосфере террора и политических убийств, здесь не было места ни для тайного

голосования, ни для честной обработки бюллетеней, ни для участия левых партий. Они были, как писал Майк Зеленски (CovertAction Quarterly, Summer 1994), «затянуты для международных интересов и использовались в качестве фигового листа для установления поддерживаемой США военной диктатуры». В январе 1992 года освободительное партизанское движение FMLN (ФРЕЛИМО) подписало с правительством мирное соглашение, и на прошедших двумя годами позже выборах в первый раз приняли участие левые. Однако в кампании, сопровождаемой манипуляциями, мошенничеством, шантажом и насилием, одержала верх поддерживаемая Соединенными Штатами правительственная партия крайне правого толка «Арена».

Используя в 50 раз превосходящие средства, потраченные FMLN, «Арена» организовала широкую медиакампанию, которая играла на страхах психологически травмированных за двенадцать лет войны людей, запугивая их тем, что FMLN намеревалось упразднить религию и избавиться от стариков. По меньшей мере 32 члена FMLN, в основном непосредственно кандидатов и людей, занятых в предстоящих выборах, были убиты в ходе избирательной кампании. Около 300 тысяч человек отказали в выдаче избирательных бюллетеней. А других 320 тысяч просто не допустили к выборам, несмотря на предъявленные ими бюллетени; их имена загадочным образом исчезли из регистрационных списков. Между тем среди проголосовавших оказались тысячи «мертвых душ», включая покойного лидера «Арены» Роберто Д'Обюисона и покойного президента Хосе Наполеона Дуарте, имена которых почему-то все еще оставались в списке.

В день выборов автобусное сообщение осуществлялось в районах, где преобладали сторонники «Арены», в то время как избиратели FMLN не имели транспортных средств, чтобы добраться до избирательных участков. В период голосования многие районы FMLN подвергались агрессии и запугиванию со стороны военных. Официальные представители «Арены» контролировали избирательные трибуналы и постоянно объявляли о правилах, которые благоприятствовали их партии, устранив, таким образом, около 74 000 избирателей, которые не смогли предъявить необходимых документов. Напоминающий Мексику компьютерный подсчет голосов затянулся на

несколько дней и не совпал с голосами, подсчитанными вручную. В ночь выборов технический персонал оппозиционных партий был удален из помещений, где находилась центральная вычислительная машина.

Даже при всех этих нарушениях FMLN получила 25% мест. Интересно, какой процент получили бы левые при честном голосовании. Несмотря на все мошенничество и запугивание, Сальвадор был объявлен «демократией» политическими лидерами США и средствами массовой информации. Подобное избирательное шоу проводилось в Доминиканской Республике после вторжения США, на Филиппинах при Маркосе, Гренаде после вторжения США и в ряде других стран.

Все вышесказанное не означает, что контролируемые выборы проходят только в странах «третьего мира». Избирательные кампании в самих Соединенных Штатах характеризуются запретительными ограничениями доступа к избирательным бюллетеням для партий меньшинства, высоким регистрационным сбором, коротким временем для подачи документов, ограничением избирательного ценза, ограничением доступа средств массовой информации, огромными затратами на проведение кампании и избирательной системой непропорционального представительства — все это делает практически невозможным достичь массовой аудитории для альтернативных партий, у которых нет богатых финансовых доноров.

Иногда показная демократия отбрасывается, как в Канаде, где был принят закон, требующий, чтобы партии выдвигали по крайней мере 50 кандидатов на выборах в федеральные органы при регистрационном сборе в 50 000 долл. (по 1000 долл. на одного кандидата). Партии, которые не выполняют этого требования, лишаются регистрации. Им не разрешается ни собирать денежные средства во время избирательной кампании, ни расходовать деньги на политическую деятельность, даже в поддержку выдвинутых ими кандидатов. И они должны ликвидировать все свое имущество и передать оставшиеся денежные средства правительству. При таком недемократическом законе Коммунистическая партия Канады вместе с тремя другими партиями была лишена регистрации.

Операция подтяжки

В редких случаях запугивание и мошенничество оказываются недостаточными мерами, и реформатор побеждает на выборах. Так произошло на Гаити в 1990 году, когда священник-популист отец Жан-Бертран Аристид, на которого повесили ярлык «сторонника левых», потому что он стоял на стороне бедных против богатых, победил на выборах с подавляющим большинством голосов в 70% и стал первым в истории Гаити свободно избранным президентом. Во время своего короткого пребывания в должности Аристид боролся с коррупцией в правительстве и за большую эффективность социальных услуг. Он попытался удвоить минимальный уровень заработной платы с 2 до 4 долларов в день, а не в час. Он проводил программу социального обеспечения и проекты земельной реформы, против которых выступили банки и посольство США. Кооперативное фермерское хозяйство, организованное крестьянами в сельской местности, оказалось успешным до тех пор, пока военные не подавили его и не уничтожили его организаторов.

Девять месяцев демократических усилий были слишком долгими для главы военных Гаити, прошедшего подготовку в США генерала Рауля Цедраса, и его армии, который захватил власть и уничтожил несколько тысяч сторонников Аристида и подверг избиениям и пыткам многих других. Военный переворот пользовался поддержкой богатых гаитян, иностранных инвесторов и римско-католической иерархии. Под давлением Ватикана Салезианский орден исключил отца Аристида из своих рядов за «побуждение к насилию, экзальтацию классовой борьбой» и в связи с тем, что он «дестабилизировал верующих» (San Francisco Guardian, 21 September 1994).

В последовавшей кампании террора военных поддерживала Национальная разведывательная служба Гаити (SIN), действия которой так описывал проводивший расследование журналист Дэнис Бернстайн: «созданная, подготовленная, контролируемая и финансируемая» ЦРУ. «С самого начала SIN была "глазами и ушами" ЦРУ, в то время как создавался узкий круг гаитянского миллиардного картеля плюс наркоторговая сеть».

В течение более трех лет Вашингтон почти ничего не делал для того, чтобы вернуть Аристида к власти. ЦРУ представило отчет, в котором утверждалось, что Аристид — психически неуравновешенный человек. Но в конце концов президент Клинтон отдал приказ о вводе экономических санкций против Гаити, и в сентябре 1994 года американские войска вторглись на Гаити и оккупировали эту страну под предлогом восстановления демократии и возвращения Аристида к власти.

Однако в первый день оккупации было распространено сообщение, что американские войска находятся в стране, чтобы сотрудничать с военными Гаити; что генерал Цедрас останется исполнять свои обязанности в течение еще одного месяца и что ни его, ни его войска не попросят покинуть страну. Была объявлена всеобщая амнистия всех военных, несмотря на совершенные ими ужасающие преступления. Также США заявили, что денежные средства хунты, находящиеся в банках США и составляющие миллионы долларов награбленных у гаитянского народа, будут разморожены и переданы генералам.

Аристиду было разрешено доработать последние месяцы на своем посту, но ценой существенных уступок. Его принудили принять договор Мирового банка, который включал передачу некоторых президентских полномочий консервативному парламенту Гаити, массовую приватизацию государственного сектора и сокращение наполовину занятости в органах местного самоуправления, отмену ряда действующих правил и нормативов и снижение налогов на корпоративные инвестиции США на Гаити, увеличение субсидий на производство экспортных товаров частным корпорациям, снижение налогов на импорт. Представители Мирового банка признавали, что эти меры нанесут вред малоимущим слоям населения Гаити, но принесут прибыль «свободным от предрассудков инвесторам».

В то же время сторонникам Аристида запрещалось проводить демонстрации. Военная разведка США в тесном сотрудничестве с разведкой Гаити привела в состояние готовности свои службы для того, чтобы в случае необходимости окружить силы народного движения и провести массовые аресты. Бывший консультант по вопросам национальной безопасности Джеймс Шлезингер (телекомпания ABC, 16 September 1994) отмечал, что вооруженные

силы США должны были «помешать народу Аристида предпринять ответные меры». Многие из них — бедны, сказал он, и могут захотеть разграбить дома богатых. «Нам будет трудно, так же как и Аристиду, контролировать народ. Мы рискуем столкнуться с мародерством и массовыми беспорядками и большим числом смертей, которые будут ассоциироваться с нами». Было ясно, что присутствие США на Гаити было направлено на защиту богатых от бедных и военных от народа, а не иначе. Можно было подумать, что народ экономически угнетал богатых и являлся вооруженным убийцей, а не жертвой.

Во время оккупации фирмы США на Гаити продолжали увольнять тех, кто пытался объединяться в профессиональные союзы, и продолжали платить рабочим десять центов в час за десятичасовой рабочий день. Очень мало прибыли этих компаний, если это имело место, оставалось на Гаити, чтобы способствовать развитию этой страны. Тем временем условия жизни на Гаити ухудшались. Согласно данным Мирового банка, число гаитян, находившихся в абсолютной бедности, возросло с 48% в 1976-м до 81% в 1985 году при серьезном распространении недоедания, болезней и безграмотности.

Несмотря на шумиху Белого дома и средств массовой информации по поводу операции спасения демократии, цель вторжения США на Гаити ничем не отличалась от целей вторжения в другие многочисленные страны: оказать содействие существующей классовой системе, подавить или изолировать народные организации, лишит полномочий их лидеров и вовлечь в менее важные операции местные войска и полицию, таким образом избавившись от пользующихся дурной славой элементов, в то время как сама система подавления оставалась целой и невредимой. Силы интервентов или их ооновские двойники еще долго останутся на Гаити, чтобы проводить то, что другой бывший консультант по вопросам национальной безопасности, Брент Скаукрофт, назвал «сложным примирением» и «рискованным строительством нации». В 1915 году, в последний раз, когда войска США вторглись на Гаити, предлогом было «восстановление стабильности». Войска проводили программу «примирения», в которой было убито 15 000 гаитян, и не уходили из страны вплоть до 1934 года, покинув ее только после создания автократического военного аппарата, который существует и по сей день.

«Скелет в шкафу» капитализма

Обобщим основные моменты, на которые я указывал при анализе империи. Империализм — система, при которой финансовые элиты насильственным путем экспроприируют земли, труд, ресурсы и рынки зарубежных народов. Конечным результатом является обогащение меньшинства и обнищание большинства. Империализм использует принудительные и часто жестокие методы для того, чтобы предотвратить появление конкурирующих экономических систем. Правительства, которые оказывают сопротивление, подвергаются «наказанию», а уступчивые правительства или зависимые «вознаграждаются» военной помощью.

Не имеющий предпочтений ни к одной стране, международный финансовый капитал заинтересован в том, чтобы сделать мир безопасным для своих инвестиций и всей системы накопления капитала. После завершения Второй мировой войны Соединенные Штаты, неоспоримо превосходя другие страны, взяли на себя ответственность за такой образ действий при огромных расходах для американского народа.

Если эти утверждения неверны, на основании чего придерживаться альтернативной точки зрения? Почему Соединенные Штаты никогда не поддерживали революционные силы, выступающие против правых правительств? Почему они так надоедливо твердят об отсутствии западных демократических реформ в некоторых антикапиталистических странах и наряду с этим грубо игнорируют широко распространенное нарушение прав человека в прокапиталистических странах? Почему они оказывали помощь прокапиталистическим военным автократиям всего мира и поддерживали их кампании по подавлению народных организаций в их собственных странах? Почему Соединенные Штаты свергли более десятка избранных демократическим путем правительств, реформистских правительств и почти такое же число левых популистских режимов, которые предпринимали скромные шаги в интересах бедных и против прерогатив корпоративных инвесторов? Почему они делали все это до того, как появился пресловутый

Советский Союз? И почему они продолжают делать это, когда Советского Союза больше не существует? Почему они поддерживали и сотрудничали с торговцами наркотиков от Азии до Центральной Америки, в то время как сами выражали возмущение воображаемыми наркоделками на Кубе? Почему они демонстрировали свою враждебность по отношению к любой антикапиталистической партии или правительству, включая те, которые играли по демократическим правилам и упорно стремились к дружественным дипломатическим и экономическим отношениям с Соединенными Штатами? Ни «безрассудство», ни «не туда направленное усердие», ни потребность защищать нас от «иностранных оккупантов» не объясняют такое порочное упорство.

На совещании Национальной гильдии юристов в Вашингтоне 24 мая 1987 года я слышал, как Эдгар Чаморро рассказывал, что когда он был завербован для того, чтобы сформировать политический фронт для никарагуанских контраст, поддерживаемых ЦРУ, консультанты ЦРУ говорили ему, что в своих публичных заявлениях он не должен упоминать о своем желании восстановить частную собственность на землю для имущего класса Никарагуа, которая была конфискована революционным правительством сандинистов и отдана бедным фермерам. Вместо этого он должен был говорить, что он просто хотел поставить революцию на правильный путь демократии. Его консультанты ЦРУ не видели ничего страшного в его желании восстановить привилегии имущего класса. На самом деле это было то, чем всегда занималась контрреволюция. Они просто не хотели, чтобы Чаморро говорил об этом публично, — предостерегающий подход, который разоблачал не недостаток их классового сознания, а их острое его восприятие.

Нам следует обращать меньше внимания на то, что политики США официально признают мотивом своих действий — кто-либо может заверять в преданности благородному делу, — и уделять больше внимания тому, что они действительно делают. В большинстве случаев они заботятся о том, чтобы не сообщать американскому народу о своих реальных намерениях. Если это то, что некоторые называют «теорией заговора», пусть будет так. На самом деле политики сами признаются в своей скрытности. Они регулярно подчеркивают необходимость

действовать секретно, предпочитают держать как общественность, так и Конгресс в неведении.

Однако иногда политики говорят почти правду. В 1947 году помощник президента Кларк Клиффорд оправдывал интервенцию в Грецию и Турцию, отметив, что «исчезновение свободного предпринимательства в других странах будет угрожать нашей экономике и нашей демократии». В 1953 году в своем Послании о положении в стране президент Эйзенхауэр заметил: «Серьезная и прямая цель нашей внешней политики состоит в поощрении гостеприимного климата для инвестиций в зарубежных странах». В 1982 году президент Буш сказал: «Мы хотим поддерживать благоприятный климат для зарубежных инвестиций в Карибском регионе. Не просто защищать существующие там инвестиции США, а поощрять возможности для новых инвестиций в стабильных, демократических, ориентированных на свободный рынок странах, находящихся у наших берегов».

Даже некоторые чиновники Вооруженных сил США знают, на кого они работают. По приказу своего командира Джон Квигли (который позже стал критиком политики США) сообщал о событиях в мире своему подразделению морских пехотинцев:

«Когда я читал лекцию о Вьетнаме, немногие морские пехотинцы знали, где он находится или какое отношение Соединенные Штаты имеют к нему... Один матрос (сказал): "Я не думаю, что нам надо туда идти; нет никаких причин вступать в войну". Я терпеливо объяснял, что под континентальным шельфом Вьетнама находится нефть, что большое население Вьетнама является важным рынком для нашей продукции и что Вьетнам держал под контролем морской путь, идущий от Ближнего Востока к Дальнему».

Матрос Квигли упустил самую важную деталь. Кроме нефти, рынков и воображаемой угрозы морским путям, нельзя было допустить, чтобы Вьетнам проводил антикапиталистическую революцию, которая создала бы экономическую систему, отличную от той, сохранению которой посвятили себя политики США. Если бы Вьетнаму разрешили покинуть глобальную орбиту свободного рынка,

что было бы тогда с Лаосом, Камбоджей, всей Юго-Восточной Азией и другими странами мира?

В 1992 году во время телевизионных президентских дебатов Росс Перо заметил, что наши усилия за границей должны быть посвящены «защите демократии и капитализма». В дебатах участвовал также кандидат Билл Клинтон, который явно вздрогнул при словах Перо. Очевидно, слишком прямолинейный тexasский миллиардер не понимал, что не следует так открыто выступать в поддержку капитализма. Это был редкий случай, когда национальный лидер, как ни удивительно, сказал что-то содержательное. Десятилетиями официальные лица и медиакомментаторы соблюдали крайнюю осторожность в этом вопросе, говоря нам, что «холодная война» — это противоборство между свободой и коммунизмом, редко упоминая интересы глобального капитализма.

Однако времена изменились. После свержения коммунизма в странах Восточной Европы лидеры США и информационные агентства начали заявлять о том, что в намерениях бывших «порабощенных наций» было что-то большее, чем просто свободные выборы. Какой смысл в политической демократии, казалось, говорили они, если она сохраняет социалистическую или даже социал-демократическую экономику? Продолжая дальше, они говорили, что какая-либо страна не может быть подлинно демократической, если она продолжает оставаться социалистической. Они начали публично признавать, что цель политики США — установить капитализм в бывших коммунистических странах, даже если эти страны уже приняли западную демократическую политическую систему.

Задача пропаганды лидеров США и лиц, формирующих общественное мнение, состояла в том, чтобы соединить капитализм с демократией, иногда даже рассматривать их как одно и то же. Конечно, они с презрением отнеслись бы ко многим антидемократическим капиталистическим режимам от Гватемалы до Индонезии и Заира. Предпочтение отдавалось такой терминологии, как «свободный рынок», «рыночная экономика» и «реформы рынка», — понятиям, которые, казалось, включали больше, чем просто Fortune-500.

После своего избрания Клинтон сам стал связывать демократию со свободными рынками. В своей речи перед Организацией Объединенных Наций (27 сентября 1993) он сказал: «Наша главная

цель — расширять и укреплять мировое сообщество рыночных демократий». В том же духе New York Times (5 October 1993) назвала президента России Бориса Ельцина «надеждой демократии и рыночной экономики России». Эта похвала была высказана в то время, когда Ельцин использовал армию для уничтожения Конституции и парламента, убивая и сажая в тюрьмы большое число протестующих и противников. Было ясно, что преданность Ельцина частной собственности преобладала над его приверженностью демократии, вот почему лидеры США и средства массовой информации поддерживали его с таким энтузиазмом. Как было продемонстрировано в России и в других многочисленных странах, западные элиты, когда они стоят перед выбором между демократией без капитализма или капитализма без демократии, без колебаний выбирают последнее.

Другой пример того, как сторонники капитализма вытаскивают «скелет из шкафа» капитализма. В 1994 году я написал письмо Ли Гамильтону, председателю Комитета по иностранным делам Палаты представителей, который настаивал на нормализации отношений с Кубой. Он написал мне в ответ, что политика США по отношению к Кубе должна быть «приведена в соответствие», чтобы быть более эффективной, и что «мы должны сделать так, чтобы Куба соприкоснулась с идеями и демократической практикой... экономическими преимуществами системы свободного рынка». Вместо этого было введено эмбарго, чтобы «способствовать демократическим изменениям на Кубе и отплатить за широкомасштабный захват американского имущества режимом Кастро».

Излишне говорить, что Гамильтон не объяснил, почему его правительство, которое поддерживало дореволюционную правую диктатуру на Кубе на протяжении поколений, теперь так настаивало на установлении демократии на острове. Разоблачающим в его письме было признание в том, что политика США была направлена на то, чтобы способствовать развитию «системы свободного рынка» и отплатить за «широкомасштабный захват американского имущества». Так многословно он сообщил нам о том, что основным обязательством политики США была цель сделать мир безопасным для корпоративных инвестиций за рубежом.

Тем, кто скептически относится к тому, что политики США сознательно преданы распространению капитализма, следует обратить внимание на то, что они недвусмысленно требуют проведения «реформ свободного рынка» то в одной, то в другой стране. Нам больше не надо говорить о том, что политики отвечают за такие намерения. Почти все их действия с растущей частотой, их собственные слова являются доказательством того, что они делают.

Глава 8

Демократическое управление против государства

Следует рассматривать американскую политику как двойственную систему. С одной стороны, существуют выборы, политические деятели, публичные заявления, имидж и небольшое число вопросов, которые побуждают должностных лиц действовать и завоевывать мимолетное внимание средств массовой информации. Об этой системе говорят в школах, она анализируется преподавателями высших заведений и обсуждается политическими обозревателями.

С другой стороны, существует система принудительной государственной власти, которая используется для защиты господствующей структуры политической экономики, а именно — национальных и международных интересов финансового капитала. Этому не учат в школах, эта система не обсуждается в прессе. Официозные комментаторы, кажется, вообще никогда об этом не слышали. Принадлежащий к правому крылу обозреватель Уильям Бакли слышал об этом, и он является частью этого, но он предпочитает, в отличие от нас, не думать об этом. То, что он не упоминает об этой системе государственной власти, скорее свидетельствует о его сильном классовом сознании, чем об отсутствии сознания. Консерваторы, такие, как Бакли, затрагивают классовые вопросы только тогда, когда выражают недовольство по поводу чрезмерных привилегий и прав, которыми обладают матери, получающие пособия на детей, безработные и защитники предоставления преимущественных прав.

Эта двойственная система приблизительно отражает различия между правительством и государством. *Правительство* имеет дело с государственными чиновниками, влиятельными политическими группами, различными кругами и потребностями народа. Оно маскируется под личиной представительного управления, какими бы ни были демократические правила, установленные в результате победы поколений борющихся народных масс.

Государство имеет мало общего, если вообще имеет, с народным управлением или созданием социальной политики. Это основной инструмент принуждения классовой власти. Фридрих Энгельс отмечал, что в позднем садоводческом обществе, когда были накоплены значительные излишки, владельцы земельных участков нанимали вооруженные группы слуг для их защиты, которые представляли собой государство в своем начальном, эмбриональном состоянии. Макс Вебер отмечал, что основная характерная особенность государства, его неотъемлемое свойство, состоит в его монополии на легитимное использование силы («легитимное» в том смысле, что ее применение разрешено юридически законной властью).

Государство против демократии

Для того чтобы выполнять свою роль защитника существующего порядка, государство часто идет на обман, какими бы ни были демократические ограничения, налагаемые правительством. Бывший глава ФБР Дж. Эдгар Гувер отмечал в своем интервью в 1970 году, что «справедливость является второстепенной по отношению к закону и порядку. Она является частью закона и порядка, а не их единым целым». Действительно, это единое целое, являющееся обязательной целью правоприменяющих органов государства, — что Гувер неоднократно подтверждал своими действиями, — состояло в сохранении существующих классовых отношений, защите социально-экономической структуры от фундаментальных реформ и революционных изменений. Сохранение общественной безопасности и справедливости является второстепенным для государства. Государство нарушит их, когда посчитает необходимым, чтобы защитить господствующий общественный строй.

Эту точку зрения не следует считать «марксистской». Вспомним, что писал английский политический деятель Джон Локк в 1689 году: «Самый большой и главный итог объединения Людей в Государстве и их подчинения Государству — защита их Собственности». Адам Смит писал в 1776 году: «Необходимость в гражданском правительстве растет с приобретением ценной собственности». И «до тех пор, пока не возникает собственность, правительство не существует. Подлинная цель любого правительства — обезопасить богатство и защитить богатых от бедных». Следует помнить о том, что начиная с эпохи античного искусства в Афинах и по настоящий день историческая цель демократического правительства была как раз противоположной — защитить бедных от богатых.

Проще говоря, отличие правительства от государства можно сравнить с отличием муниципального совета от полиции, Конгресса от ЦРУ. Правительство является посредником в общественной политике. Государство сочетает применение силы с контролем как в открытой, так и в завуалированной формах. Однако это — концептуальное отличие между эмпирически частично совпадающими явлениями.

Совпадение особенно очевидно в отношении исполнительной власти, которая является ключевым моментом как политики правительства, так и поставщиком государственной власти. Граница между государством и правительством стирается, когда речь заходит о судах и некоторых административных органах, а также тех членах Конгресса, которые служат в комитетах, которые имеют дело с разведкой и рассматривают военные вопросы и которые действуют в основном как коллаборационисты национальной безопасности, а не как независимые члены законодательного органа, осуществляющие парламентский контроль.

Концептуальное отличие между государством и правительством позволяет нам понять взаимоотношения между политико-экономической стороной власти и народным управлением. Мы лучше осознаем, что вступление в должность в правительстве редко гарантирует полный доступ к инструментам государственной власти. Когда Сальвадор Альенде, кандидат от партии Народного единства, посвятивший себя реформам в интересах рабочего класса, был избран президентом Чили в 1971 году, он взял на себя бразды правления в правительстве и был способен приступить к проведению таких политических изменений, как получение полулитра молока ежедневно для каждого бедного ребенка в Чили. Но он так и не смог получить контроль над государственным аппаратом, военными, полицией, силами безопасности, службами разведки, судами и фундаментальным основным законом, который обманывал всю систему в пользу зажиточного имущего класса. Когда Альенде стал содействовать политике перераспределения и выступать против классовых привилегий, военные захватили власть, убили его и тысячи его сторонников. Прокапиталистическое государство, поддерживаемое ЦРУ, уничтожило не правительство Альенде, а демократию, которая его породила.

В Никарагуа после того, как левые революционные сандинисты проиграли на выборах 1990 года в пользу правоцентристской коалиции, армия и полиция остались в их руках. Однако в отличие от вооруженных сил Чили, которым оказывалась поддержка огромной силой Соединенных Штатов, никарагуанские вооруженные силы были целью этой силы и оказались не способны поддерживать правительство в его революционном курсе. В то же время

непоследовательность левого крыла военных в достаточной мере распылила государственную власть, что затруднило для нового правительства Чаморро проведение прокапиталистических реформ со скоростью, которая понравилась бы Вашингтону.

Страны с якобы демократическими правительствами часто демонстрируют явно не демократическую государственную власть. В Соединенных Штатах не только консерваторы, но и либералы использовали ФБР для защиты интересов безопасности государства. Они, таким образом, помогли создать независимую, неподотчетную политическую полицию, которая все больше и больше участвовала в различных неконституционных действиях, включая наблюдение за диссидентами и протестующими. В 1947 году президент Гарри Трумэн создал Центральное разведывательное управление для того, чтобы собирать информацию и координировать действия с иностранной разведкой. Как бывший сенатор Джордж Макгаверн заметил (9 августа 1987 года):

«Почти с самого начала ЦРУ участвовало не только в сборе разведывательной информации, но также и в секретных операциях, которые приводили к фальсификации результатов выборов и манипулированию профсоюзами за границей, проведению военизированных операций, свержению правительств, убийствам иностранных официальных лиц, защите бывших нацистов и обману Конгресса».

В книге, посвященной Дж. Эдгару Гуверу, Энтони Саммерс заметил, что ФБР поддерживало тесные связи с организованной преступностью. Бывший тайный агент ЦРУ Роберт Морроу в своей книге *Firsthand Knowledge* («Информация из первых рук») показывает, как было неприятно обнаруживать, что ЦРУ оказывалось в сговоре с мафией. В течение ряда лет комитетские расследования в Конгрессе обнаруживали связи ЦРУ с торговлей наркотиками. При всех строго секретных операциях, отмывании денег, торговле наркотиками и часто незаконном использовании жестокости «государство национальной безопасности» недалеко ушло от организованной преступности. При всех своих преступлениях, при всем запугивании рабочего класса,

присвоении материальных ценностей и влиянии в высших кругах организованная преступность недалеко ушла от государства.

Возможно, нет ничего удивительного в том, что самый знаменитый мафиози США, Аль Калоне, размышляя о расширяющемся политическом мире (Liberty Magazine, 1929), говорил, как и Дж. Эдгар Гувер:

«Наша американская система, как ее ни называй, "американизмом" или капитализмом, дает каждому и любому из нас огромную возможность, если мы только ухватимся за нее обеими руками и используем ее оптимальным способом... Большевик стучится в наши ворота. Мы не можем позволить себе впустить его. Мы должны сплотиться против нее, встать плечом к плечу и твердо держаться своих убеждений. Америка должна остаться целой и невредимой и неиспорченной. Мы должны держать рабочих подальше от "красной" литературы и ухищрений "красных"; мы должны следить за тем, чтобы их разум оставался незамутненным».

В других «западных демократиях» секретные военизированные силы неофашистского толка (широко рекламируемые как операция Гладио в Италии) создавались НАТО, чтобы действовать в качестве сил сопротивления в случае, если антикапиталистические революционные силы захватят власть в этих странах. В связи с тем, что этого не происходило, эти секретные подразделения вовлекались в террористические нападения против левых. Они оказывали поддержку фашистскому режиму в Португалии, участвовали в военных переворотах в Турции в 1971 и в 1980 годах, а также в перевороте в Греции в 1967 году. Они подготовили планы проведения террористических актов против социал-демократических лидеров Германии и организовали «превентивные» нападения на социалистические и коммунистические организации Греции и Италии. Они организовали секретные сети связи и разрабатывали списки политических соперников, подлежащих задержанию в разных странах.

Бен Лау отмечал (Guardian, 5 December 1990), что «операции нахлынули из-за нежелания НАТО проводить различие между нападением Советов и победой местных коммунистических партий на

избирательных участках». Что касается НАТО, для Североатлантического союза не существовало серьезного различия между перспективой уступить Европу советским танкам или мирным избирательным бюллетеням. Хотя последняя перспектива казалась более вероятной. Советские танки не могли войти, не рискуя спровоцировать ядерный конфликт, тогда как антикапиталистические силы могли захватить целые страны без единого выстрела — посредством выборов.

Необходимо напомнить о замечании государственного секретаря США Генри Киссинджера, который поддерживал свержение чилийской демократии: «Я не понимаю, почему мы должны наблюдать, ничего не предпринимая по этому поводу, как какая-то страна идет к коммунизму из-за безответности собственного народа». Цель этих секретных операций состояла в том, чтобы убедиться, что западные демократии движутся не в «безответственном» антикапиталистическом направлении.

В Соединенных Штатах различные правые группировки, имеющие хорошо вооруженные военизированные лагеря и секретные армии, процветают, оставленные без внимания Министерства юстиции США, которое не считает, что они нарушают какой-либо закон. Если бы это были антикапиталистические вооруженные группы, они, вероятно, подверглись бы атакам федеральной или местной полиции и их члены были бы убиты, как это происходило с партией «Черные пантеры» в различных частях страны в конце 1960-х — начале 1970-х годов.

Логичность действий консерваторов

Отцы-создатели Конституции США неоднократно подтверждали в своих частных беседах и письмах друг к другу, что основная цель правительства состоит в том, чтобы противостоять уравнилельным тенденциям масс и защищать интересы владельцев богатого имущества от конкурирующих требований мелких фермеров, ремесленников и должников. Они хотели, чтобы государство было сильным и могло защищать имущих от неимущих.

Сегодня консервативные теоретики поддерживают политику невмешательства — чем меньше правительства, тем лучше. На практике, однако, система «свободного рынка» основана на власти государства. Каждая компания США официально получает от государства документ, содержащий разрешение на создание корпорации, юридического лица, в котором также определяются права и привилегии создаваемой организации, которые защищаются государством, судами, полицией и армией. Если бы органа государственной власти не существовало, не было бы учрежденных законным порядком частных корпораций.

По иронии судьбы, эти консервативные круги — так сильно зависящие от решений правительства, налоговых кредитов, отдаваемых по низкой цене земель, поддержания цен и от множества других государственных субсидий — продолжают осуждать пагубное проникновение правительства. Однако во всем этом существует невысказанная последовательность — когда консерваторы говорят, что они хотят «меньше правительства», они имеют в виду социальные службы, правила охраны окружающей среды, защиту прав потребителя и охрану безопасности труда — все то, что может сократить прибыль предприятия. Эти институты включают все формы социальной помощи, которые потенциально откачивают средства из частного рынка и предоставляют альтернативные источники дохода для работающего населения, что делает его менее склонным работать за более низкий заработок.

В то время как консервативные элиты хотят меньше контроля со стороны правительства, они обычно хотят больше власти государства,

чтобы ограничить эгалитарное воздействие демократии. Консерваторы и те, кто называют себя либералами, хотят серьезного вмешательства государства для того, чтобы поддерживать политико-экономический статус-кво. Они предпочитают государство, которое ограничивало бы доступ к информации об их деятельности, прослушивание телефонных разговоров, сажало бы в тюрьму революционеров и реформаторов по сфабрикованным обвинениям, надоедало бы диссидентам и применяло бы наказания не к лицам, злоупотребляющим властью, а к их жертвам. Консерваторы также поддерживают репрессивные обвинительные акты; ограничение прав женщин, меньшинств, гомосексуалистов и лесбиянок; введение цензуры в кино, искусстве, литературе и на телевидении.

Что касается их протестов против «культурных элит» и «либеральных средств массовой информации», консерваторы приложили немало усилий для того, чтобы уничтожить доктрину «справедливости», которая предоставляла возможность выхода в эфир сторонам, излагающим противоположные точки зрения. Консерваторы, включая таких представителей Демократической партии, как президент Клинтон, поддерживали субсидии правительства бизнесу и расширение национальной безопасности.

Пропаганда консерваторов, предназначенная для массового потребления, неявным образом подразумевает различие между правительством и государством. Это приводит к тому, что народ видит в правительстве источник своих самых больших проблем. В то же время такая пропаганда поощряет возникновение у общественности слепого восхищения государством, его флагом и другими атрибутами, а также такими внешними инструментами его власти, как вооруженные силы.

Государство исполнительной власти

Глава исполнительной власти — монарх, премьер-министр или президент — обычно ближе к государственной, чем к законодательной власти. В некоторых европейских странах премьер-министр имеет отношение к мероприятиям законодательного органа и плану бюджетных мероприятий, а также связанных с этим вопросам, в то время как президент является главнокомандующим вооруженными силами и главой государства — эта двойственность олицетворяет различие между правительством и государством. В политической системе США глава исполнительной власти объединяет функции премьер-министра и президента, государства и правительства, народного лидера и конституционного монарха.

К. Маркс понял роль, которую играет исполнительная власть в поддержании классового превосходства. Его часто неправильно цитируют, говоря, что он якобы утверждал, что государство — это исполнительный комитет буржуазии. На самом деле в «Манифесте коммунистической партии» он и Ф. Энгельс говорят о том, что «исполнительная власть современного государства — это всего лишь комитет, управляющий общими делами буржуазии». Таким образом, К. Маркс и Ф. Энгельс признают особую классовую роль исполнительной власти. Они также неявным образом признают, что правительство буржуазии не является чем-то единым целым. Его отдельные части могут становиться ареной борьбы.

Это справедливо в отношении исполнительной ветви власти. Так, интересы Министерства здравоохранения и социальных служб и Министерства жилищного строительства и городского развития иногда могут заметно отличаться от интересов исполнительной власти, которые представляют Пентагон, Министерство обороны или Министерство финансов и Министерство торговли США. Роль президента состоит в том, чтобы разрешить эти плюралистические интересы таким образом, чтобы государство не пострадало.

Различие интересов внутри исполнительной власти является наиболее опасным явлением для государственной власти — для «государства национальной безопасности», неформальной структуры

военных служб и служб разведки, из которых ЦРУ является ее основным элементом^[9]. Президент эффективно выполняет свою роль как глава «государства национальной безопасности» до тех пор, пока он остается в рамках своего основного предназначения, которое выражается в максимизации власти в интересах корпораций и глобальной гегемонии капитализма. Если бы сторонник прогресса Джесси Джексон был бы избран президентом, ему было бы сложно получить контроль над государством, если допустить, что ему «позволили» бы уцелеть на своем посту.

В 1977 году президент Картер попытался назначить Теодора Соренсона на должность директора ЦРУ. Соренсон, выдающийся либерал, отказался от прохождения военной службы по убеждениям и дал показания в суде в защиту Дэниэла Эллсберга и Энтони Руссо, которым предъявлялось обвинение в связи с их ролью в публикации секретных документов Пентагона. Консервативные республиканцы специального Комитета по разведке Сената вместе с демократами, такие, как председатель Дэниэл Инуи, выступили против Соренсона. Они заявили, что его связь с юридической фирмой, которая работала со странами, в которых ЦРУ имело большое влияние, могло вызвать «конфликт интересов». Они задавали ему вопросы по поводу секретных документов, которые он использовал в написании своей книги, и выдвигали другие необоснованные претензии.

Как сообщалось в отчете *New York Times* (18 January 1977), «источники информации Конгресса, близкие к комитету, высказали предположение, что за такими возражениями стояло убеждение части некоторых сенаторов в том, что директор ЦРУ должен был придерживаться более жесткой линии консервативных кругов, чем Соренсон». Официальные лица ЦРУ просто объявили о своей оппозиции, и Соренсон снял свою кандидатуру с рассмотрения.

После того как Джон Кеннеди вступил в должность в 1961 году, директор ЦРУ Аллен Даллес регулярно утаивал от Белого дома информацию о различных секретных операциях. Когда Кеннеди заменил Даллеса Джоном Маккоуном, Управление стало утаивать информацию от Маккоуна, своего директора. Поставленный во главе ЦРУ для того, чтобы осуществлять над ним контроль, Маккоун так и не смог проникнуть в наиболее засекреченные операции Управления.

Президент, который тесно сотрудничает с «государством национальной безопасности», обычно может нарушать безнаказанно законы демократического управления. Так, президент Рейган нарушил некоторые положения Закона о контроле над экспортом оружия, в том числе положение, которое требовало, чтобы президент сообщал Конгрессу, когда осуществляется вывоз большой партии военного оборудования в другую страну. Он нарушил Конституцию, когда начал войну против Гренады, не получив на то согласие Конгресса. Он нарушил Конституцию, когда отказался расходовать денежные средства, выделенные Конгрессом на различные социальные сферы.

Рейган и другие члены его администрации отказались предоставлять информацию, когда Конгресс проводил расследования по их специальным операциям. Указом президента он отменил ограничения Конгресса на проведение ЦРУ надзора за национальными организациями и их деятельностью, даже если президентский указ не отменял собой закон Конгресса. Его интервенция против Никарагуа была признана Международным судом 13 голосами против 1 нарушением международного права, но Конгресс ничего не сделал, чтобы призвать его к ответу. Он был по уши занят заговором «Иран-контрас», и так и не предстал перед Комитетом по расследованию, пока находился на своем посту.

Разоблачение как сокрытие истины

Иногда с достаточной шумихой и гласностью правительство способно поставить государство под наблюдение общественности и обуздать его, но ненадолго. За последние семьдесят лет комитеты Палаты представителей и Сената проводили расследования по некоторым неприятным операциям ЦРУ. Конгресс установил ограничительные правила для ФБР, расследовал мошенничество во время заговора «Иран-контрас» и провел другие важные расследования, которые на практике оказались ограничены в масштабе и воздействии. Во время всех этих разоблачений вопрос об основных предпосылках политики и классовом предназначении самого «государства национальной безопасности» так и не был задан.

Слушания по делу «Иран-контрас» выявили функцию правительства — минимизация негативных последствий большинства официальных расследований. Как представитель народного суверенитета, совместный специальный комитет Конгресса, расследовавший заговор, должен был убеждать общественность в том, что виновные, стоящие за всеми этими незаконными неконституционными действиями, будут разоблачены и наказаны. Однако такое разоблачение вступает в конфликт с первым правилом государства, которое состоит в том, что демократия не должна никогда делать что-либо, что будет дестабилизировать государство как таковое.

Процесс легализации путем внесения корректировок — это палка о двух концах. Он должен зайти достаточно далеко для того, чтобы показать, что система самоочищается, но в то же время не так далеко, чтобы не дестабилизировать саму исполнительную власть. То же самое относится и к следователям Конгресса, которые заявляли о своей решимости добраться до сути дела «Иран-контрас», а затем также напоминали нам о том, что «этой стране необходимо благополучное президентство», подразумевая, что после «уотергейтского скандала» и отставки президента Никсона лучше было не открывать слишком многое, рискуя тем самым затем нанести вред законной исполнительной власти.

В целом расследование было, с одной стороны, разоблачением, а с другой стороны, сокрытием истины — разоблачались проступки на уровне подчиненных, в то время как президент Рейган и вице-президент Буш оставались полностью незатронутыми. В обоих случаях, как в разоблачении, так и в сокрытии истины, цель одна и та же — усилить законность государства путем демонстрации самоочищения, открыть некоторые должностные преступления и отрицать существование остальных.

Держа правительство в узде

Обычно государство имеет больше рычагов для сдерживания правительства, а не наоборот. Специальные комитеты по разведке палат Конгресса обычно состоят из членов обеих партий, которые отождествляют свои взгляды с потребностями государства национальной безопасности. Как сообщалось, администрация Буша была потрясена назначением пяти либералов в Комитет по разведке Палаты представителей (состоявшего из двадцати или около того членов). В сущности, администрация заявляла, что Комитет имеет особые отношения с государством и что необходимо провести проверку его членов на идеологическую надежность.

Члены законодательных органов, которые не проходят проверку на идеологическую надежность, но занимают ключевые позиции в законодательных органах, подвергаются определенному риску. Когда Джим Райт (штат Техас) стал спикером Палаты представителей, он стал поднимать важные вопросы о секретных операциях ЦРУ против Никарагуа. Райт также занимал сочувствующую позицию по отношению к рабочему классу, выступал за гражданские права, в защиту окружающей среды и развитие социальных сфер. Наконец-то нашелся выдающийся лидер, который стал публично задавать вопросы по поводу политики империализма США, хотя Райт никогда, конечно, не называл ее политикой империализма. Критика политики «государства национальной безопасности» со стороны левой или либеральной партии обычно не освещается в средствах массовой информации. Но так как спикер Палаты представителей был не тем, кого можно было легко проигнорировать, выдвинутые им обвинения получили освещение в прессе. Действительно, его обвинения восприняли так достаточно серьезно, поэтому за свои комментарии по Никарагуа он подвергся нападкам в передовых статьях *Washington Post* и *New York Times*.

В это время я начал размышлять вслух о том, произошел ли с Джимом Райтом несчастный случай, или он вдруг умер естественной смертью. Но в наши дни существуют более искусные способы отделаться от причиняющих беспокойство чиновников. Министерство

юстиции при контроле республиканцев провело тщательную проверку предпосылок событий с Райтом и обнаружило сомнительные финансовые сделки — это было не слишком сложно, так как большинство политиков всегда нуждаются в фондах избирательной кампании. Выяснилось, что он якобы получал незаконные взятки от тexasского разработчика и издателя. По-видимому, неписаное правило политики США состоит в том, что политические лидеры, пойманные в темных делах, могут отказаться от должности, чтобы избежать уголовного преследования. Известные примеры такого компромисса — президент Ричард Никсон и вице-президент Спиро Агню. Это то, что Райт сделал быстро.

Следующим в очереди на пост спикера был Том Фоули (от штата Вашингтон), безвольный, как спущенная покрывка Tip O'Neil, на него можно было положиться в том, что он не будет задавать причиняющие беспокойство вопросы о темных делах «государства национальной безопасности» и курсе глобализма США.

Критика «государства национальной безопасности» поддерживается меньшей частью голосов в Конгрессе. В целом лидеры Конгресса являются соучастниками государства и заложниками недостатка собственных полномочий. Многие из них соглашаются с режимом секретности, который окружает операции ЦРУ и внешнюю политику США. Члены комитета по разведке редко выполняют свои обязанности как контролирующего органа; они не задают вопросов о секретных операциях, «грязных делишках», испытаниях оружия, ядерном оружии, подавлении восстаний и помощи тиранам. Если кто-то задает слишком много вопросов, могут возникнуть вопросы о его лояльности: «Почему этот член Конгресса хочет знать все наши секреты?» Поэтому они позволяют государству бесконтрольно существовать.

Во время слушаний по делу «Иран-контрас» представитель Джек Брукс (от штата Техас), который слишком серьезно воспринимал свои обязанности, спросил подполковника Оливера Норта, было ли правдой то, что он помогал в разработке секретной операции под кодовым названием Red Alfa 84, чтобы приостановить действие Конституции и ввести военное положение в США. Норт был ошеломлен, а председатель Комитета, сенатор Дэниэл Инуй, прервал Брукса, заявив строгим тоном: «Я считаю, что вопрос касается очень деликатной и

секретной сферы. Могу ли я попросить вас более не касаться этого вопроса, сэр?»

Брукс ответил, что он читал в газетах о том, что Совет национальной безопасности разработал «чрезвычайный план на случай непредвиденных обстоятельств, который приостановит действие американской Конституции, и что он был глубоко обеспокоен этим». Инуи снова прервал его. Наступил напряженный момент. Руководство комитета непреднамеренно признавало, что оно воздержится от того, чтобы задавать вопросы по поводу секрета, связанного с незаконным планом по проведению военного переворота в Соединенных Штатах, разработанного лицами «государства национальной безопасности».

Конституционная тирания

Конституция содержит положения, которые касаются непосредственно государственной власти, например власть для организации и вооружения народного ополчения и ее призыва для «подавления восстаний». Положение принято для «сооружения фортов, хранилищ, складов оружия, доков и других необходимых строений» и содержания армии и Военно-морского флота как для национальной обороны, так и для учреждения вооруженного федерального присутствия в потенциально повстанческих штатах, — власть, которая показала, что была наиболее полезной для богатых баронов прошлого столетия, когда армия неоднократно использовалась для подавления промышленных забастовок. Сегодня контроль над забастовками в значительной степени осуществляется полицией и Национальной гвардией.

В статье 1 раздела 9 Конституции США говорится о том, что приказ о доставлении в суд, предназначенный для защиты граждан от произвола случайного ареста, может быть приостановлен в случае непредвиденных обстоятельств и восстаний. На самом деле в Конституции предусматривается ее полное приостановление от имени исполнительного абсолютизма.

«Государство национальной безопасности» в значительной степени преуспело в выведении большей части своей деятельности из-под демократического надзора. Секретный бюджет ЦРУ явно нарушает статью 1 раздела 9, которая, в частности, гласит: «Денежные средства могут быть получены из Министерства финансов только вследствие ассигнований, выделяемых согласно закону. И время от времени регулярные отчеты и счета денежных поступлений и расходов по всем правительственным денежным средствам становятся достоянием общественности». Отчеты о расходах разведывательного сообщества не предаются огласке, которые предположительно составляют между 35 и 50 млрд долл. в год. Ассигнования на операции ЦРУ скрываются в других статьях бюджета, и о них не знают даже члены Конгресса, голосующие за распределение денежных средств.

Иногда стремление государства поставить себя над Конституцией и вне Конституции делается не тайным образом, а вполне открыто, как это было во время кризиса в Заливе, когда государственный секретарь США Джеймс Бейкер заявил: «Мы не чувствуем себя обязанными идти в Конгресс, чтобы объявить о войне», а президент Буш сказал, что он введет войска в бой независимо от того, получит он хоть один голос в Конгрессе в свою поддержку или нет. Вместо того чтобы подвергать цензуре такие противозаконные заявления и действия Буша, как будто бы армия принадлежала ему лично, средства массовой информации превозносили Буша как «сильного лидера».

Вспомним о хвастовстве Тедди Рузвельта почти век тому назад по поводу его империалистической интервенции в Панаму: «Я вошел в зону канала, а Конгресс оставил дебатировать». Опасность исполнительной власти состоит в том, что она приводит свои желания в исполнение. Она имеет в своих руках рычаги ежедневного управления и меры, которые она может осуществлять в принудительном порядке.

Государство в обществе

Сказав, что «государство национальной безопасности» освободилось от демократического процесса, я не имел в виду, что оно ушло из нашей жизни. В действительности оно глубоко проникло в различные сферы общества. Рассмотрим действия рабочих, являющихся членами профсоюзов. Руководители Американской федерации труда — Конгресса производственных профсоюзов (АФТ-КПП) спонсировали такие организации, как Американский институт развития свободного труда (AIFLD) в Латинской Америке, а также подобные институты в Африке и Азии, предназначенные для создания коллаборационистских, антикоммунистических, прокапиталистических профсоюзов, которые подрывают наиболее воинственные левые профсоюзы как у себя дома, так и за рубежом.

«Государство национальной безопасности» оказывает влияние на корпоративные средства массовой информации. ЦРУ принадлежат многочисленные информационные агентства, издательства, телеграфные агентства за рубежом, которые вырабатывают дезинформацию. Затем эта дезинформация возвращается назад, в Соединенные Штаты Америки. В Соединенных Штатах ЦРУ проводило активную подготовку «Красных бригад» методом надзора и проникновения в тыл врага. Как я отмечал ранее, торговля наркотиками поддерживалась частично группами ЦРУ и различными силами местной полиции с неизбежным следствием и, вероятно, с действительным намерением дезорганизовать и деморализовать население бедных районов города и воспрепятствовать возникновению любых форм руководства со стороны местных общин.

Многочисленные законопроекты о борьбе с преступностью содержали «антитеррористические» меры, которые создавали больше опасности нашей свободе и безопасности, чем то, что могли сделать террористы. Президент Рейган предложил законопроект о том, что помощь террористам будет рассматриваться как уголовное преступление. После того как администрация назвала сальвадорских партизан террористами, любой, кто проявлял солидарность с демократическими диссидентами и повстанцами Сальвадора, мог

подвергнуться уголовному преследованию за оказание помощи и содействие «терроризму». Таким образом, государство пытается подавить антиимпериалистические действия и защитить империю путем подавления самой демократии. (Конгресс, контролируемый демократами, тогда отказался действовать в соответствии с законопроектом Рейгана.)

Процесс неправомерного использования силы исполнительной властью поддерживается консервативной судебной властью. Суды предоставили широкую свободу исполнительной государственной власти и поддержали ввод ограничений на несовпадение взглядов, информацию и передвижение во имя «национальной безопасности».

Неправомерное использование силы исполнительной властью заметно в Восточной Европе, где народы бывших коммунистических стран теперь могут насладиться драконовскими «удовольствиями» капиталистического рая. Социальные преимущества, которыми они когда-то пользовались при социалистическом государстве, упразднены, включая гарантированное право на труд, бесплатное образование вплоть до высшего в зависимости от способностей, бесплатная медицинская помощь, гарантированная пенсия, дешевое жилье, субсидируемые коммунальные услуги и транспорт. Взамен они получили благословение гиперинфляции свободного рынка, коллапс производства, широко распространенную безработицу, рост числа бездомных, проституцию, бедность, голод, болезни, коррупцию, этнические войны, власть мафии и жестокие преступления.

Наиболее затронутыми оказываются самые уязвимые группы общества, в которых уровень смертности более чем удвоился: пенсионеры пожилого и старческого возраста, инвалиды, рабочие с низким доходом, женщины с низким доходом и дети. Предвкушая, что однажды они станут частью «первого мира», европейцы из стран Восточной Европы с радостью приняли капитализм, но были быстро доведены до нищеты стран уровня «третьего мира». Горькая шутка, которая распространяется по России, суммирует произошедшее: К.: «Капитализм за один год смог сделать то, чего не удалось сделать социализму за 70 лет?» А.: «Заставить социализм выглядеть привлекательнее».

Социальная нищета капиталистического рая явилась причиной гнева и недовольства в бывших коммунистических странах, которые

необходимо теперь сдерживать. Политическая демократия, которая использовалась, чтобы свергнуть коммунизм, теперь стала своего рода барьером для драконовских мер свободного рынка, необходимых для восстановления капитализма. Таким образом, сама демократия должна быть разбавлена или ее необходимо обойти для того, чтобы «демократические реформы» — а это и есть переход от социализма к свободному рынку — были проведены полностью.

Неудивительно, что президенты различных государств Восточной Европы неоднократно выбирали государство, а не правительство, требуя права отбросить на время демократию и управлять посредством декретов исполнительной власти. В России президент Борис Ельцин делал как раз это, используя силу и жестокость, чтобы подорвать основы Конституции, подавить парламент, избранный демократическим путем, и местные советы, монополизировать средства массовой информации, убить более тысячи человек и арестовать еще тысячи — во имя спасения демократии. Когда капитализм находится в стадии кризиса, капиталистическое государство усиливает репрессии, нападая сначала на уровень жизни народа, а затем на демократические права, которые могут позволить им защищать этот уровень жизни.

Кроме того, материальная и политическая помощь, которую Советский Союз, Болгария и Восточная Германия оказывали движениям национального освобождения в странах «третьего мира», больше не поступает. Вместо этого бывшие коммунистические страны теперь вступают в империалистические войны, как это было во время операции «Буря в пустыне» в 1991 году и участвуют в прямых интервенциях США, как в Сомали в 1993 году, тем самым укрепляя интервенционистские державы большинства могущественных империалистических государств.

Теория заговора?

Демократия — не неподвижная и законченная система, а процесс непрекращающейся борьбы. Демократические завоевания никогда не находятся в абсолютной безопасности. Они могут быть отброшены назад, если противоречия капитализма угрожают привести систему к кризису. Суть капитализма, смысл его существования не в том, чтобы строить демократию, или помогать трудящимся, или спасти окружающую среду, или строить дома для бездомных. Его цель — обратить природу в товар, а товар — в капитал, чтобы инвестировать и накапливать, преобразовывая каждую часть мира по своему образу и подобию для своей самореализации.

Некоторые люди отвергают критику, называемую «теорией заговора». Они не верят, что политики могут иногда лгать и могут не говорить о скрытых намерениях в интересах влиятельных кругов. Они настойчиво утверждают, что, в отличие от нас остальных, богатые и могущественные не действуют с заранее обдуманном намерением. Согласно этой точке зрения, внутренняя и внешняя политика представляют собой не более чем ряд невинных случайностей, которые не имеют ничего общего с защитой состоятельных кругов. Безусловно, это то впечатление, которое хотят создать официальные лица.

Я вспоминаю мультфильм о двух быках на лугу. Один со страдальческим выражением говорит: «Какое несчастье, я только что узнал, как они делают гамбургеры!» А другой бык отвечает ему: «Да ну тебя, левый параноик со своими теориями заговора». Те, кто являются жертвами политики капиталистического государства, должны начинать осознавать — чтобы не стать гамбургерами, — что условия, которым они подвергаются, являются чем-то большим, чем результат невинной неосмотрительности и непреднамеренных последствий.

В некоторых кругах стоит только назвать что-либо «теорией заговора», как это становится достаточным основанием для того, чтобы распустить организацию. Конечно, существуют ни на чем не основанные теории заговора, например мнение, что сионисты,

католики, коммунисты, экологи, арабы-террористы, черные или Объединенные Нации захватывают Америку. Принимать или не принимать теорию заговора зависит от системы доказательств. Те из нас, кто заявляют, что партии, занимающие «надежное» положение в капиталистическом государстве, мобилизуют огромные ресурсы для сохранения и содействия интересам существующей классовой системы, хотели бы чего-нибудь большего, чем притворная улыбка по поводу «теории заговора».

Как я ранее отмечал, некоторые люди с презрением отвергают любое предположение о том, что своекорыстный человеческий фактор и власть вовлечены в политику государства. Чтобы опровергнуть все утверждения: фантазии о заговорах, о том, что элитная власть осуществляется сознательно и разумно, необходимо прийти к неправдоподобной позиции, что не существует своекорыстного планирования, секретов, попыток обмануть общественность, утаивания информации, предумышленного принесения в жертву других, безжалостных преследований полиции, намеренно несправедливых и незаконных доходов. Это то же самое, что считать элитарные круги принципиальными и полностью честными, хотя иногда они сбиты с толку. Несомненно, такое представление о политической реальности было бы в высшей степени наивным.

Альтернативой могут быть «теория совпадений» или «теория наивности», которые утверждают, что что-либо происходит просто из-за непреднамеренных случайностей или неразберихи при недостатке знания о том, на что делается ставка, и кто получает что, когда и как. Они утверждают, что рабочие, фермеры и большинство простых людей совершают согласованные поступки, преследуя свои интересы, но это не относится к корпоративным элитарным и финансовым кругам, которые владеют столь многим и контролируют столь многое.

По некоторым необъяснимым причинам мы должны допустить, что богатые и могущественные, так хорошо обученные бизнесу и политике, у себя дома в кругах власти не знают, в чем состоят их интересы, и оказывают им некомпетентную поддержку. Такая «теория наивности» кажется еще более надуманной, чем идея о том, что люди с огромным состоянием и чрезмерной властью будут прибегать к любым возможным средствам для достижения своих целей — а государство

будет их самым важным орудием в этом бессердечном и безжалостном предприятии.

Глава 9

Экономика Вуду: «Отретьемиривание» Америки

Обман, совершенный нашими лидерами в интересах империи за границей, усугубился в собственной стране. В обоих случаях цель была в том, чтобы подорвать народный суверенитет и максимизировать процесс накопления капитала.

Движение к свободному рынку

В период президентства Рейгана и Буша (1981—1992) американцы стали жертвами экономики шаманства (вуду). Впоследствии они стали жертвами «клинтономики» — ее менее жесткого варианта. Термин «экономическое шаманство», или «экономика Вуду», изобрел и впервые применил Джордж Буш-старший во время предварительных президентских выборов 1980 года, когда он выдвигал свою кандидатуру от Республиканской партии против кандидатуры Рональда Рейгана. Эта фраза преследовала его, пока он был вице-президентом в администрации Рейгана. Решив уладить вопрос, он связался с корпоративными представителями различных станций сетевого телевидения, чтобы проверить, существует ли запись его выступления, во время которого он говорит об «экономике Вуду». Ему сказали, что такой записи не существует. Поэтому в Хьюстоне 9 февраля 1982 года вице-президент Буш публично заявил: «Я этого не говорил. Все телевизионные станции искали запись, но никто так и не смог ее найти. Значит, я этого никогда не произносил».

Само по себе утверждение о том, что какой-то факт не имел места, потому что он не был записан средствами массовой информации, далеко не убедительно.

Но случилось так, что Буш был уличен во лжи. После речи в Хьюстоне, которая транслировалась в вечерних новостях по всей стране, NBC-TV нашла копию записи его выступления, во время которого он отзывался о налоговых и бюджетных мероприятиях Рейгана как об «экономике Вуду». Телевизионная станция показала ее вместе с опровержением Буша — это был один из тех редких случаев, когда средства массовой информации сделали свою работу и разоблачили постыдный обман, к которому так часто прибегают в высших сферах.

«Экономика Вуду» — экономика приоритета предложения, идеология «просачивания», которая выражается приблизительно в следующем: при уменьшении государственного вмешательства в экономику свободный рынок обеспечит процветание всем, кто хочет

работать. Освобожденные от досаждающих и искусственных ограничительных условий правительственного регулирования и тяжелых налогов, частные инвестиции будут расти, что приведет к более высокой производительности, большим рабочим местам и доходу для каждого, но меньшему доходу для правительства. Лучшая жизнь ожидает нас как граждан и как налогоплательщиков, когда чрезмерная федеральная бюрократия в значительной степени уменьшится и исчезнет огромный бюджетный дефицит.

Теория «приоритета предложения» предполагает, что раз корпорации накапливают состояние, то большая его часть будет «просачиваться» в нижние слои общества. (Этот процесс известен под названием «кормить воробьев за счет лошадей», подобно тому, как воробьи выбирают зерно из лошадиного навоза.) Кроме того, предположительно будет иметь место расширение личной свободы, так как народ по собственному усмотрению будет тратить больше денег как частный потребитель и меньше — как налогоплательщик.

Придерживаясь теории о приоритете предложения, президент Клинтон в период своего пребывания у власти неоднократно указывал на то, что частный сектор является большим источником будущих рабочих мест и процветания. Но в отличие от Рейгана и Буша он призывал к более активной роли правительства в «скачке» запаздывающей экономики, хотя не сделал почти ничего в этом направлении.

Двойные стандарты консерваторов

Как отмечалось ранее, консерваторы выступают то за слабое, то за сильное правительство — в зависимости от того, чьи классовые интересы они обслуживают. За последние годы они сократили программы федеральной помощи неимущим и отменили или облегчили многочисленные правительственные правила, уменьшив подотчетность корпоративных институтов общественной власти. В области банковского дела, например, такое прекращение регулирования привело к катастрофе ссудо-сберегательную систему. Федеральное правительство гарантировало принятие на себя ответственности за убытки, и частные финансисты инвестировали во все, что можно, в расчете на быстрые прибыли. Когда их рискованные предприятия потерпели крах, налогоплательщик оказался «крайним». Банкиры сняли пенки, а общественность будет глотать многомиллиардные потери еще несколько десятилетий.

Настаивая на том, что они хотят скинуть правительство «с наших спин», сторонники консерваторов в то же время не стесняются использовать его, чтобы вторгаться в наши частные жизни и наши самые сокровенные моральные решения, будь то школьные молитвы, уважение к флагу, цензура библиотечных фондов или незапланированная беременность.

Такие «культурные» вопросы используются для привлечения средних американцев под знамена консерваторов. Ричард Вигуери, специалист по сбору средств от различных фондов правого крыла, заметил: «Вопрос об абортах — это дверь, через которую многие люди входят в консервативную политику... Затем мы заставляем их задуматься о сексуальной этике и "намеренно упадочнической декадентской морали", воспитываемой "светским гуманизмом", которую мы представляем им как "королевскую дорогу к социализму и коммунизму". Это, в свою очередь, "указывает путь к преданности минимально регулируемому свободному предпринимательству внутри страны и агрессивной международной и военной политике"» (Chicago Tribune, 25 January 1987).

Совсем недавно, выступая на радиостанции PBS (September 1994), Уильям Бакли и группа других ученых мужей консервативного толка открыто обсуждали необходимость использовать культурные и моральные вопросы, чтобы воспитывать людей в духе консервативной идеологии свободного рынка. Лидеры правых имеют осознанный и вполне продуманный план действий по привлечению людей на сторону капитализма.

Для консерваторов краеугольным камнем всех прав личности является обладание рыночным правом, правом получать доход за счет труда других, правом иметь привилегированные условия класса избранных. Согласно такой точке зрения, правительство вторгается в частную жизнь, когда предлагает программы школьных завтраков, но не тогда, когда навязывает школьные молитвы; когда оно усиливает меры по охране окружающей среды, но не тогда, когда усиливает полицию и армию; беспардонно вмешивается, когда пытается перераспределить доходы на нужды народа, но не тогда, когда оно распределяет их в пользу верхушки общества.

Социальное обеспечение для богачей

Консерваторы осуждают либералов в Конгрессе за их склонности «собирать, собирать и тратить, тратить налоги», обвиняют их в якобы расточительных привычках расходования дефицитных средств. На самом деле самыми безумными растращиками в нашей истории были консервативные республиканцы. Администрации Никсона и Форда создали рекордные для мирного времени дефициты государственного бюджета, но даже они через некоторое время были во много раз превзойдены правительствами Рейгана и Буша. За первые пять лет правления Рейгана Конгресс реально ассигновал на собственные расходы приблизительно на 12 млрд долл. меньше, чем запрашивал Рейган для своего бюджета.

Большой бизнес всегда готов прикарманить все доходы и национализировать расходы. Таким образом, токсины, которые создает промышленность, называются нашей проблемой отходов, а не проблемой корпорации Du Pont или концерна Exxon. Большие корпорации пожирают доходы от производственного процесса, который и создает эти яды, а налогоплательщикам достаются расходы по борьбе с ними.

В 1962 году район Аппалачей называли «позором нации» из-за царящей здесь нищеты. Но ведь Аппалачи — богатая, а вовсе не бедная область. Спросите Мелонов, Морганов и Рокфеллеров, чьи добывающие компании вырезали там весь уголь, создали себе огромные состояния и превратили землю в горы шлака и свалку токсичных отходов. Однако никто не предложил, чтобы владельцы шахт возместили обществу расходы, которые оно понесло в результате их деятельности. Экономические преступления капитализма рассматриваются как ответственность общества. Корпоративная Америка снимает пенки и предоставляет нам платить по счетам, а затем хвастается тем, насколько она продуктивна и эффективна, и еще жалуется на наше расточительное правительство.

Если и есть слишком много федеральных расходов на социальное обеспечение, то достаются они богатым, а не бедным. В 1994 году суммы, выделенные на программу AFDC (Помощь семьям с детьми-

иждивенцами), которая широко известна как программа «социального обеспечения», или «велфэр», составили около 23 млрд долл., или меньше 2% бюджета. Дополнительные 30 млрд долл. были израсходованы на помощь малоимущим, например на школьные завтраки и купоны на питание, но такие программы часто не доходят до всех нуждающихся или до самых нуждающихся.

Если для сравнения взять любой данный год, можно увидеть, что федеральное правительство раздает более 100 млрд долл. большому бизнесу для поддержания цен, продовольственной помощи, экспортных субсидий и продвижения экспорта, а также субсидирует экспортные тарифы, новые заводы и оборудование, услуги по маркетингу и программы по ирригации и восстановлению земель. Дополнительные миллиарды тратятся на гарантии займов и покрытие долгов, включая недавнее списание большей части мегамиллиардного долга ядерной промышленности за услуги, предоставленные правительством, по обогащению урана.

Социальная помощь богатым — вот название этой игры. В течение многих лет федеральное правительство продало или сдало в аренду частным фирмам, по цене от 1 до 10% истинной рыночной стоимости, то, что стоит миллиарды — уголь, нефть и минеральные ресурсы, а также пастбища и леса для промышленной разработки, — и все это является собственностью народа Соединенных Штатов. Правительство предоставило миллиарды долларов, чтобы спасти гигантские корпорации вроде Chrysler, Lockheed, Continental Illinois и более 500 млрд долл., чтобы выручить ссудо-сберегательные организации. Правительство раздает миллиарды в качестве грантов на исследования и развитие, главным образом корпорациям, которым впоследствии разрешают оставлять себе патенты и выставлять на рынок продукцию для получения прибыли. Правительство развивает новые отрасли индустрии, берет на себя все риски, погашает все расходы, затем передает эти отрасли частным компаниям для частного дохода — как и было сделано с аэрокосмической отраслью, ядерной энергетикой, электроникой, синтезом материалов, разведкой ископаемых и компьютерными системами.

Правительство позволяет миллиардам общественных денег оставаться на депозитах в банках и не забирает проценты. Оно терпимо относится к завышению цен фирмами, с которыми делает

бизнес. Оно предоставляет высокодоходные контракты крупным компаниям вместе с долгосрочными кредитами и заниженными налогами, составляющими дополнительные миллиарды каждый год. И не принуждая к соблюдению антимонопольных законов, не отменяя их, оно превратило их в «бумажного тигра».

Ни один официозный комментатор мейнстрима не спрашивает по поводу всей этой корпоративной щедрости: «Где же мы возьмем деньги?» — вопрос, неизбежно задаваемый, когда предлагаются социальные программы. В равной степени их, кажется, не заботит, что корпоративные получатели этих щедрот рискуют подорвать свой моральный дух зависимостью от правительственных подачек. В итоге миф о рассчитывающей только на себя экономике свободного рынка, питающей общество сверху донизу, является именно тем, чем он и является, мифом. Почти в каждом предприятии правительство обеспечивает бизнес поддержкой, защитой и возможностями для частного обогащения за общественный счет.

Игра в налог

При государственном корпоративном капитализме, а именно его я и описываю, рядовой гражданин платит за большинство услуг дважды. Во-первых, как налогоплательщик, который обеспечивает все эти субсидии и средства, а затем — как потребитель, который покупает товары и услуги по завышенной цене. Налоги как общественные расходы используются для перераспределения благосостояния в направлении вверх. Правители используют принудительную власть государства, чтобы отбирать значительные суммы из нашей заработной платы и отдавать их сверхбогатым и гигантским картелям. Если принять во внимание все местные налоги, федеральные и налоги штатов, а также государственную страховку, мы обнаруживаем, что люди с низкими и средними доходами платят более высокий процент от своих заработков, чем те, кто принадлежит к группе с более высокими доходами. Даже такой рупор истеблишмента, как газета *Washington Post* (14 January 1985), признавала: «Налоги на работающих бедных резко поднялись, в то время как налоги на зажиточные и доходные корпорации драматически упали». *Wall Street Journal* добавила: «Ирония федеральной налоговой системы — в ее предубежденности против бедных». Это далеко не ирония, это сознательная политика нашей экономики.

Одной из самых великих побед «рейганомики» была отмена прогрессивного подоходного налога. Когда Рейган вступил в должность, верхняя планка налога была на уровне 70%. Когда он покинул офис, она опустилась до 28% и стала равной налогу, взимаемому с обыкновенных трудящихся, — налогу установленной величины. И рабочий завода, получающий 25 000 долл., и генеральный директор его завода с заработком в 2 500 000 долл. платят одинаковый налог. Ситуация на самом деле даже еще более несправедливая, потому что директор имеет множество скидок, недоступных рабочему.

Регрессивные налоги, или налогообложение по убывающей шкале (когда налоговый тариф для бедных и богатых не одинаковый, но фактически составляет одинаковую сумму), возросли, как, например, налог на использование, потребление или хранение реального

имущества и налоги по социальному страхованию. При всех своих разглагольствованиях о том, что богатые платят более весомую часть налогов, президент Клинтон просто поднял верхнюю планку налога на несколько процентных пунктов, оставил почти все льготные суммы, списываемые со счета, и предложил ряд регрессивных акцизных налогов.

Явно выраженная регрессивная природа налога на социальное страхование за последнее время сделала социальное страхование популярным у консервативных лидеров.

Когда Рейган только пришел к власти, он поддерживал убеждения правого крыла, что социальное страхование следует упразднить. Консерваторы распространяли ложные заявления о скором банкротстве этого социального фонда. Затем они поняли, что в действительности он работал с прибылью, которая передавалась в общие фонды и использовалась для оплаты агентов ФБР, ядерных ракет, лимузинов Белого дома и других постоянных расходных статей бюджета. Они также поняли, что в пропорциональном отношении бедные платят в него больше, чем богатые. И действительно, для большинства низкооплачиваемых трудящихся налог по социальному страхованию оказывается выше, чем подоходный. Поэтому консерваторы прекратили нападения на социальное обеспечение и даже сопротивлялись усилиям некоторых либералов снизить этот налог.

Я не хочу сказать, что фонд социального страхования следует упразднить. Но нам следует снизить социальный налог на зарплаты, чтобы не создавать избытка, который правительство неправомерно использует на цели, далекие от тех, на которые эти деньги предназначались. В настоящее время люди ошибочно считают, что их выплаты в пенсионный фонд идут именно в фонд, который только и дожидается их на старости лет. На самом деле пенсионная система основывается на допущении, что власть правительства облагать налогом будущих работающих даст достаточные суммы, чтобы финансировать пенсии тех, кто платит непомерно высокие налоги по социальному страхованию сегодня.

Консерваторы неоднократно утверждали, что, если богатых облагать более тяжелыми налогами, это не принесет заметного увеличения доходных статей, потому что богатых — немного. Если

даже не обращать внимания на несправедливость того, что богатым приходится платить меньше, необходимо сказать, что это утверждение — простая ложь^[10]. Если корпорации и богатые люди платили бы налог по нормам 1979 года, когда мы еще имели 70%-й подоходный налог, правительство собирало бы по меньшей мере на 130 млрд долл. в год больше и имело бы гораздо меньшие дефициты. В 1945 году именно налоги корпораций составляли 50% всех федеральных доходов от уплаты налогов. Сегодня они составляют 7%. Правительство берет деньги в долг у тех людей, которых оно должно облагать налогом, — вот главная причина огромных дефицитов.

Считается, что щедрые налоговые привилегии должны стимулировать новые инвестиции и создавать новые рабочие места. На самом деле фирмы, выплачивающие сейчас меньшие налоги, к тому же и сокращают у себя рабочие места. Гораздо вероятнее, что большая налоговая привилегия превращается в неожиданно свалившиеся на голову деньги, в более высокие дивиденды для акционеров, и в более высокие зарплаты руководству фирмы. Наличие большего количества денег не является само по себе стимулом для инвестиций, если покупательная способность трудящегося населения остается низкой.

Пиршество для военных

Еще один аспект «экономики Вуду» — «капитализм Пентагона». Сторонники государственного бюджета отдают титанические суммы этой самой большой из всех бюрократических систем внутри федерального правительства, а именно Министерству обороны. За восемь лет Рональд Рейган истратил 2,5 трлн долл. на военные нужды — больше, чем тратилось за все годы со времен Второй мировой войны. Оборонная промышленность росла на 300% быстрее, чем промышленность США в целом. За свои четыре года правления Джордж Буш довел военный бюджет до 1,2 трлн долл. А Клинтон тратит деньги на военных примерно с той же скоростью, которую задал Буш, — с той же скоростью (с учетом инфляции), как в 1980 году, — времени, характеризуемом большой напряженностью периода «холодной войны».

Как отмечалось в главе 4, военные ассигнования являются формой правительственных расходов, радующих большой бизнес. Они дают потенциально безграничное, богато субсидируемое, с низкими рисками и высокими доходами товарное производство. Последние четыре министра обороны особо подчеркивали, что расходы на оборону создают рабочие места. Так же как порнография, проституция и наркотики. Но есть более общественно полезные, но менее расточительные вещи, на которые тратить деньги «не жалко». Как бы то ни было, расходы на вооружение настолько капиталоемкие, что обеспечивают пропорционально меньше рабочих мест, чем любые другие правительственные траты, за исключением космической программы.

Урон, нанесенный военными расходами гражданскому сектору, огромный: пренебрежение к поддержанию и улучшению инфраструктуры, потеря для гражданской науки талантов, перешедших в военную промышленность, ощутимое сокращение сферы услуг и банкротства штатов и городов. То, что сотрудники большинства муниципалитетов тратят на оружие за несколько недель (имеется в виду та часть их федеральных подоходных налогов, которая уходит на оружие), хватило бы на то, чтобы покончить с долгами и

финансовыми кризисами этих муниципалитетов. В 1992 году те 400 млн долл., которые консерваторы предложили снять с программы WIC, предназначенной для плохо питающихся младенцев, детей и беременных женщин, эквивалентны сумме, которую Пентагон тратит за двенадцать часов. Расходы федерального правительства на услуги по защите потребителей в течение целого года составляют сумму, которую Пентагон тратит за два часа.

Национальный долг народа

Еще одно, что дали нам сторонники бюджета — созидатели империи, это рекордные дефициты и неудержимый национальный долг. Национальный дефицит — это ежегодное превышение расходов федерального правительства над доходами. Национальный долг — это накопление годовых дефицитов. Наш национальный долг состоит из денег, которые народ США задолжал своим кредиторам, обычно богатым субъектам и финансовым институтам, как американским, так и иностранным. Когда Рейган вошел в Белый дом, национальный долг составлял 900 млрд долл. Когда он покинул его, долг равнялся 2,7 трлн долл., то есть утроился всего за восемь лет. При администрации Джорджа Буша долг вырос до 4 трлн долл., не считая «внебюджетных» сотен миллиардов для спасения ссудо-сберегательной системы. При всех его разговорах об уменьшении федерального дефицита, первые два бюджета Клинтона создавали большие дефициты и никаких резких сокращений военных расходов.

По мере увеличения долга в размерах он аккумулируется со все возрастающей скоростью. С начала 1980-х долг растет уже быстрее, чем национальный валовой доход. Каждый год все большая часть выплаты долга уходит только на покрытие процентов. Эти выплаты растут в два раза быстрее, чем сам федеральный бюджет. К 1994—1995 годам свыше 80% федерального займа ушло на оплату процента по долгу. Другими словами, как в странах «третьего мира», наш национальный долг формирует собственную самовоспроизводящуюся структуру, так как правительство продолжает брать в долг только для того, чтобы выплачивать процент по ранее взятым займам.

По мере того как все большая часть федерального дохода уходит на выплаты долгов, налогоплательщики США получают пропорционально меньше в виде услуг. По меньшей мере 50 центов каждого уплаченного в качестве налога доллара идет на обслуживание национального долга и армии. Более 140 лет тому назад Карл Маркс написал в «Капитале»: «Единственная часть так называемого национального богатства, которое действительно входит в коллективную собственность современных людей, это их

национальный долг». Те, кто находится наверху, могут отобрать наши леса, нефтяные запасы, полезные ископаемые, пенсионные фонды и рабочие места, но национальный долг навсегда и надежно останется нашим.

Вперед к 1893 году

Одно из утверждений сторонников «экономики Вуду» заключается в том, что влияние федерального правительства сократится. Этого не произошло. Другое утверждение — местные правительства и правительства штатов будут вновь вызваны к жизни для выполнения функций, которые прежде принадлежали в первую очередь федеральным органам власти. Этого также не случилось. На протяжении конца 1980-х правительства штатов и местные правительства оказались среди жертв сторонников бюджетной экономики. Федеральное правительство свалило кучу программ на штаты, одновременно урезая им федеральные трансфертные выплаты на 40—60%, вызвав крупный финансовый кризис на уровне штатов и местных правительств. Финансовый пресс вызвал бессердечные урезания в социальных услугах для самых уязвимых частей населения.

В последние годы богатство верхов общества, составляющих всего 1% нации, увеличилось более чем на 50%, в то время как средние и низшие классы потеряли свыше 250 млрд долл. из своего благосостояния (Los Angeles Times, January 1994). Главной причиной этой растущей пропасти между богатыми и бедными является политика правительства по налогообложению и расходам.

Слоган, повторяемый консерваторами, звучит примерно так: «Если бы только все предоставили свободному рынку и мы освободились бы от вмешивающихся не в свои дела постановлений правительства, то мы увидели бы тогда, как прекрасно работает "чистый" капитализм». В действительности мы осуществили на практике нечто близкое к «чистому» капитализму в 1893 году. Результатом этого стала экономическая депрессия и охватившая страну безработица, девятилетние дети, работающие по 14 часов в день, эпидемии тифа и холеры в Филадельфии и других восточных городах, голодающие и туберкулез, зараженные воды и пища для бедных. Мы имели беспредельное разрушение окружающей среды и ужасающие условия работы, никаких пенсионных программ или минимальной заработной платы, никаких правил безопасности труда или охраны потребителя, никаких запретов на детский труд, никакой социальной

безопасности, коллективных договоров или профессиональных союзов. Мы имели неограниченные монополии и тресты — и чудовищно высокие доходы. Условия в Соединенных Штатах в 1893 году не слишком отличались от тех, что мы имеем сегодня в большей части стран «третьего мира».

Но для капиталистов той эпохи эти жалкие условия не казались доказательством провала системы. Для них капитализм в те добрые «золотые» дни работал очень хорошо. Успех измерялся не качеством пищи и питьевой воды, жилья, школ, транспорта и здравоохранения, а скоростью накопления капитала. Функция капитализма тогда и теперь была и есть вкладывать капитал, чтобы аккумулировать больше капитала, и в этом смысле система работает превосходно для тех, кто владеет ею и контролирует ее.

С точки зрения инвестора, капитализм является не менее чем «самым успешным» в обнищавших странах «третьего мира», где производственные затраты, особенно стоимость труда, гораздо ниже, а ценность, добавленная этим трудом, в несколько раз выше, чем в США. «Добавленная стоимость» — термин капитализма, приблизительно означающий то же, что марксисты имели в виду под термином «прибавочная стоимость». Это та ценность, которую рабочие создают своим трудом сверх того, что им платят. По меркам «добавленной стоимости» страны «третьего мира» сулят более успешные формы капитализма, чем социальные демократии с их сильными трудовыми союзами, более высокими зарплатами и многочисленными социальными выгодами. Подобные завоевания демократии подрывают корпоративные доходы и рассматриваются капиталистами как угроза системе свободного рынка.

Условия жизни при капитализме более человечны в тех странах, где демократические силы организованы и одержали некоторые важные победы над властью корпораций, как, например, в странах Бенилюкса, Западной Германии, Австрии, Швеции, Норвегии, Канаде и даже в Соединенных Штатах. Капитализм наиболее «успешен» в Гватемале, Таиланде, Турции, Нигерии, Индонезии, на Филиппинах, в Парагвае и других подобных местах, где скорость накопления капитала значительно выше, чем в странах «первого мира».

Сегодня консервативные цели состоят в «отретьемиривании» Америки, чтобы довести работающее население США до состояния

«третьего мира», заставив людей трудиться все усерднее за все меньшую плату. Эти меры включают возвращение к «свободному рынку», свободному от правил охраны окружающей среды, от защиты потребителя, с минимальными зарплатами, без охраны труда и профсоюзов, возвращение к рынку, переполненному недоиспользованными трудовыми ресурсами, что облегчает снижение оплаты труда и расширение границ доходов. Консерваторы также стремятся к отмене социальных услуг и других форм общественной помощи, которые смягчают удары свободного рынка.

Неполная занятость является необходимым условием «отретьемиривания». Алан Бадд, профессор экономики Лондонской школы бизнеса, открыто отметил (*Observer*, 21 June 1992), что сокращение общественных расходов, проведенное правительством Тэтчер, являлось прикрытием серьезного удара по рабочим: «Подъем безработицы был очень желательным способом уменьшения силы трудящихся классов. То, что затевалось, на языке марксистов называется кризисом капиталистической системы, который воссоздал резервную армию труда и позволил капиталистам снова получать высокие доходы».

При неполной занятости и бедности возвращаются туберкулез, бездомность и голод и резкий рост числа работающих вне профсоюзов на низкооплачиваемых работах на уровне безысходной нищеты. Реальные заработные платы упали по меньшей мере на 10% за последнее десятилетие.

Если эта тенденция продолжится, не рухнет ли в конце концов сама экономика? Непременно, если все богатство аккумулируется наверху, не останется никого, кто бы покупал производимые товары и услуги, и сама структура капитала серьезно сузится. Но есть несколько вещей, которые держат экономику на плаву.

Во-первых, существует определенный высокий уровень процветания, с которого начинается спуск. Современное потребление в США все еще на высоком уровне, по меркам большинства стран и по стандартам 1890-х или Великой депрессии 1930-х годов. Экономический упадок за последнее десятилетие был достаточно драматичным, он отразился на жизни миллионов. Однако миллионы других как-то устраиваются.

Во-вторых, обычно существует некоторый средний класс в большинстве стран. Даже в таких бедных странах, как Индия и Бразилия, десятки миллионов людей принадлежат к среднему классу и составляют потребительский рынок.

В-третьих, экономический упадок некоторым образом маскируется, потому что многие рабочие семьи теперь имеют двух или трех кормильцев, чтобы поддерживать уровень жизни, почти такой же высокий, как тот, который обеспечивался одним работником в семье 30 лет назад. Миллионы других теперь работают на двух или трех работах, чтобы свести концы с концами.

В-четвертых, люди поддерживают аномальные уровни потребления, беря в долг под будущие заработки. Существует огромный потребительский долг.

В-пятых, процветающий класс вносит свою долю, увеличивая потребление. Больше денег наверху, благодаря сокращению налогов и более жирных доходов, означает больше вторых и третьих летних домов, больше прислуги в доме, больше роскошных кондоминиумов, личных самолетов, яхт, дорогих автомобилей, художественных коллекций, сказочных отпусков, поездок за покупками за границу и больше целевых фондов для отпрысков, а также биржевых инвестиций, казначейских облигаций и финансовых рыночных фондов.

В тяжелые времена все мы вовсе не оказываемся в одной лодке. Многие люди падают за борт и отчаянно барахтаются, пытаясь выплыть. Другие пытаются остаться на плаву в дырявых лодках. А третьи по-прежнему совершают круиз в необлагаемых налогом яхтах. В 1930 году, во время разгара Великой депрессии, Генри Форд заработал 30 млн долл. и заметил, что депрессии не так уж плохи. В последнем квартале 1991 года, который ознаменован как худший год застоя после 1939 года, выплаты дивидендов акционерам достигли рекордной высоты, и по этой причине президент объявил, что экономика находится в прекрасном состоянии. Действительно, корпоративная экономика была в прекрасном состоянии; только простые люди страдали.

С 1980 года до начала 1990-х наблюдался продолжительный сдвиг от производственного капитала к финансовому капиталу. Рекордные доходы на биржевом рынке были главным образом доходами от

спекулятивных инвестиций. Некоторые не приняли бы этот образ паразитического класса, доказывая, что корпоративные инвестиции наверняка создают новые рабочие места. Но согласно отчету, сделанному Денежным фондом оборотных средств, зимой 1991 года, количество новых рабочих мест, созданных Fortune-500 между 1980 и 1990 годами, за вычетом сокращений и увольнений, равнялось нулю.

Проблемы старые, решений никаких

Учебник по «кейнсианской экономике» говорит, что правительство может действовать как компенсирующая, уравнивающая сила, чтобы смягчить влияние цикла подъема и падения бизнеса, срезая холмы и заполняя долины. Когда экономика чрезмерно расширяется и на горизонте начинает маячить инфляция, правительство служит в качестве тормоза. Оно поднимает налоги, чтобы умерить покупательную способность. Оно поднимает размер процента в целях увеличения себестоимости денег и замедления займов и инвестирования. И оно уменьшает собственные расходы.

Когда в экономике застой, правительство становится на противоположный путь. Оно уменьшает налоги, чтобы люди имели больше денег и тратили их. Оно уменьшает процентные ставки, облегчая займы и инвестирование. И оно наращивает собственные расходы, чтобы расширить спрос. Но когда оно срезает налоги и увеличивает расходы, оно порождает дефицит. Учитывая величину национального долга, правительство не может больше тратить, чтобы выйти из застоя. Национальный долг — это финансовая озоновая дыра в политической экономике. Мы имеем рекордные дефициты и рекордные расходы без создания большого импульса для более энергичной и крепкой экономики.

Инфляция замедлилась с 1970-х, но цены по-прежнему растут, особенно на предметы первой необходимости, на которые бедные тратят большую часть своих денег. Средства массовой информации предпочитают упускать это явление из виду. В новостях, передаваемых «Национальным общественным радио» (NPR) 17 апреля 1989 года, отмечалось следующее: «Если вынести за скобки уравнения еду, горючее и строительство домов, инфляция была действительно вполне умеренной». Разумеется, а если вы выведете за скобки еще несколько других крупных статей расходов, она исчезнет совсем.

Ключевая причина, почему США становятся все более похожими на страну «третьего мира», состоит в том, что корпоративная Америка уже идет дорогой «третьего мира» буквально, не только переводя на менее квалифицированную работу и производя сокращения, но

перемещая целые отрасли промышленности в Азию, Латинскую Америку и Африку.

Цель современного империализма — не в том, чтобы аккумулировать колонии, не даже в том, чтобы находить точки приложения для инвестирования капиталов и обеспечивать доступ к национальным ресурсам. Экономист Пол Суизи заметил, что его всеобъемлющая цель — превратить нации «третьего мира» в экономические придатки индустриальных стран, поощряя рост тех видов экономической деятельности, которые дополняют продвинутое капиталистическое хозяйство, и препятствуя развитию тех видов производства, которые могли бы конкурировать с ними.

Возможно, Суизи, выбрав за единицу анализа «страну — штат», и строит на этом свой анализ. По правде говоря, класс инвесторов тоже пытается свести собственное население до статуса «клиент — штат». Цель империализма не является национальной, но интернациональной и классовой целью — концентрировать свою власть и эксплуатировать не только гватемальцев, индонезийцев и жителей Саудовской Аравии, но американцев, канадцев и вообще всех на свете.

Президенты и плутократы всегда говорят нам, что нельзя относиться к экономике негативно. В 1930 году, после того как экономика утонула в Великой депрессии и десять миллионов людей были выброшены с работы, Уильям Крокер, президент First National Bank в Сан-Франциско, сказал, что ситуация выглядит благоприятно по сравнению с ситуацией до краха: «Люди находятся в ненужном негативном настроении ума и потому перестали покупать вещи, что и вызвало резкий спад экономики». Президент Буш пришел к тому же выводу по поводу застоя 1990—1991 годов, призывая людей идти и покупать больше товаров.

И Крокер, и Буш сводили экономическую реальность к субъективным психологическим состояниям, таким образом меняя местами причину и следствие. Застой вызывается не тем, что люди внезапно теряют склонность делать покупки. Все наоборот: люди покупают меньше, потому что их работа либо упразднена, либо переведена на более низкую оплату, и их покупательная способность упала. Можно думать, что эта точка зрения достаточно очевидна.

Более 150 лет тому назад Карл Маркс предсказывал, что депрессии будут продолжать иметь место, потому что трудящимся не

платят столько, сколько необходимо, чтобы выкупать товары и услуги, которые они производят. Он знал о будущем больше, чем наши президенты и плутократы позволяют нам знать о настоящем.

Глава 10

Империя в академии

Внутри университетов США есть люди, которые все же «рискуют анализировать», чтобы помочь частным корпорациям безопасно инвестировать в «третий мир». Другие изучают реакцию потребителя на маркетинговые техники, волнения трудящихся и шум профсоюзов. Третьи же изобретают новые методы управления восставшими народами как на родине, так и за границей, разрабатывают новые системы доставки оружия и технологии полицейского надзора и борьбы с бунтовщиками. (Напалм был изобретен в Гарварде.) Изучая ли деревенских жителей Латинской Америки, жителей городов или рабочих фабрики, за хороший гонорар эти ученые предлагают блестящие и зачастую безжалостные идеи о том, как сохранить мир безопасным для тех, кто им владеет.

В тех же университетских городках можно найти программы подготовки офицеров резерва (ROTC), которые трудно оправдать по любому нормальному академическому стандарту. Университетские городки также открыты для новобранцев из разнообразных корпораций, ЦРУ и Вооруженных сил. В 1993 году в студенческих газетах появилась реклама, предлагающая на всю страну «студенческие программы и карьерные возможности» в ЦРУ. Студенты «могут быть желательными для интернатуры ЦРУ и помощи в обучении» и «получили бы непосредственный опыт», сотрудничая с «профессионалами» ЦРУ. Рекламное объявление не объясняло, каким образом очные студенты могут получить «непосредственный опыт» в качестве тайных агентов. Подразумеваются ли доносы на профессию и товарищей студентов, которые высказали диссидентские взгляды?

Храм знаний

В тех же самых колледжах и университетах можно обнаружить членов профессорско-преподавательского состава и администрации, включая многих, занимающихся выше упомянутой деятельностью, кто заявляет совершенно серьезно, что университет — храм знаний, независимое сообщество нейтральных ученых — в стороне от мирских интересов этого мира. На самом деле многие университеты имеют прямые инвестиции в корпоративную Америку в форме значительных биржевых портфелей. Приобретениями и убеждениями наши учреждения высшего образования повенчаны с самыми доходными институтами. В этом отношении университеты мало отличаются от других общественных институтов, таких, как средства массовой информации, искусство, церковь, школы и различные профессии, все из которых лживо претендуют на независимость от доминирующей классовой перспективы^[11].

На протяжении всего конца 1960-х годов на массовых митингах и диспутах-семинарах многие студенты и некоторые преподаватели начинали самообразовываться по поводу несправедливостей и ужасов далекой войны в Индокитае. Сначала они подвергали сомнению саму войну, затем лидеров, которые породили ее, а затем систему, которая произвела этих лидеров, включая ту часть системы, представленную активно соучаствующими в преступлении университетами. На грани между либеральной жалобой и радикальным анализом, некоторые из охваченных протестами кампусов пришли к выводу, что вьетнамская война была отнюдь не «ошибкой», а одной из составляющих далеко идущей захватнической модели, разработанной в США, чтобы сделать мир безопасным для многонациональной корпоративной эксплуатации. Они также начали понимать, что протест не подразумевал диалога и убеждения предположительно добронравных, но плохо информированных лидеров. Скорее всего, он влек за собой все более обостряющиеся противостояния репрессивным властям штата и его вспомогательным институтам, а также лидерам, которые вовсе не были заблуждающимися или недопонимающими, а прекрасно знали, что делали.

Университет позиционирует себя как цитадель свободной мысли. Существует даже специальный термин для описания его излюбленного состояния — «академическая свобода». В действительности система правления внутри обычного учреждения высшего образования обязана больше Спарте, чем Афинам. Являясь отражением окружающего общества, большинство университетов и колледжей — это скорее фабрики идеологии, чем источники интеллектуальности, где критика империализма встречается редко и где студенты отдают свое будущее в заклад капитализму как общественному порядку.

Дело в истории

Идеологическое подавление в академии старо, как сама страна. На протяжении XVIII и XIX веков большинство колледжей были связаны с той или иной религиозной верой. Их обычно контролировали благочестивые попечители, которые почитали своим долгом позаботиться о том, чтобы преподаватели приняли нравоучения, относящиеся к какому-либо вероисповеданию.

Догмы расизма также имели прочное место в образовательных институтах того времени. В начале 1800-х годов попечители колледжей на Севере страны запрещали своим преподавателям вступать в критические дискуссии по поводу рабства и защищать аболиционизм. В колледжах Юга вопрос о защите аболиционизма никогда не поднимался. Преподаватели активно отдавали много интеллектуальной энергии оправданию рабства и введению понятий о превосходстве белых в общую программу обучения.

В 1870-х и 1880-х дарвинизм был настоящим табу в высшем образовании США. Президенты девяти выдающихся колледжей на Востоке страны попали в анналы как запрещающие преподавание теории эволюции. То, что сегодня называют «теорией креационизма», было единственной приемлемой точкой зрения в большинстве «свободных и независимых» школ страны.

К 1880-м годам богатые бизнесмены стали доминировать в попечительских советах большинства университетов и колледжей (и продолжают доминировать до сегодняшнего дня). Они редко колебались в вопросах идеологического контроля. Они увольняли членов преподавательского коллектива, которые выражали еретические политико-экономические идеи в университете и вне его, посещали съезды популистских партий, выступали на стороне антимонопольных взглядов, поддерживали свободное серебро, противостояли империализму США на Филиппинах или защищали права лидеров труда и социалистов. Среди уволенных были такие выдающиеся ученые, как Ричард Илай, Эдвард Бемис, Джеймс Аллен Смит, Генри Уэйд Роджерс, Торстейн Веблен, Е. А. Росс и Скотт Ниаринг.

С приближением Первой мировой войны увольнения радикальных или как-либо еще оппозиционно настроенных преподавателей возросли. Преподавателей, которые выражали сомнения по поводу войны или противились продаже облигаций «Займа свободы» или защищали интернационализм, отправляли восвояси. Университетские чиновники, такие, как Николас Мюррей Батлер, президент университета Колумбии, откровенно запретил преподавателям критиковать войну, заявив, что такая ересь более не терпима, так как в военное время неправильный настрой мыслей является антиправительственной агитацией, а безрассудство предательством.

Ведущий историк Чарльз Биард подвергся жестокой критике со стороны попечителей университета Колумбии, обеспокоенных тем, что его взгляды могут «посеять неуважение к американским институтам». В негодовании Биард подал в отставку, объявив, что попечители и Николас Мюррей Батлер стремятся «выгнать, или унижить, или терроризировать каждого, кто придерживается прогрессивных, либеральных или нетрадиционных взглядов на политические вопросы».

Академия, конечно, никогда не воспринимала людей антикапиталистических убеждений. Даже в радикальное время 1930-х годов преподавательский штат насчитывал относительно немного коммунистов и обычно их держали на должностях ассистентов, инструкторов и прочих постах маргинального и не очень надежного статуса. Открытое отождествление себя с коммунистами не способствовало сохранению карьеры.

Подавление инакомыслия в университетах достигло высшего напряжения в конце 1940-х годов и в начале 1950-х с приходом маккартизма и «охоты на ведьм», проводимых на уровне штатов и страны. Среди преподавателей, выгнанных из академии, были те, кто ассоциировался с Коммунистической партией или с ее организациями, наряду с теми, кто отказывался сообщить инквизиторам, являются ли они или когда-либо были членами партии. Социолог Зигмунд Диамонд был лишен поста в Гарварде тогдашним деканом МакДжорджем Банди (который позже проявил себя как один из вашингтонских политических умников, принесших вьетнамскую войну).

Преступление Диамонда заключалось в том, что он не назвал имен в ФБР.

Другие, как экономист Пол Баран в Стэнфорде, не были связаны с Коммунистической партией, но были марксистами, что также было явно плохо. Искоренение преподавателей с антикапиталистическими умонастроениями осуществлялось комитетами Конгресса, государственными законодательными комитетами и во многих случаях администрацией университетов. По всей стране администрации разработали впечатляюще согласованные практические приемы, выполняя миссию по чистке списков профессорско-преподавательского состава.

Один выдающийся член партии, Герберт Аптекер, талантливый педагог и историк, не мог получить постоянный академический пост в течение более чем пятидесяти лет. В 1976 году его пригласили читать курс в Йельском университете на один семестр, но администрация отказала ему. Только после 18 месяцев протестов студентов и преподавателей олигархи Йеля все же сдались. Но даже тогда были приняты меры предосторожности, чтобы Аптекер не совратил слишком многих йельцев. Его курс был ограничен 15 студентами и проходил на чердаке заброшенного здания в дальнем конце территории университета. Аптекеру приходилось путешествовать из Нью-Йорка в Нью-Хейвен, чтобы появляться там раз в неделю. Денег на дорогу ему не давали и по окончании семестра ему заплатили щедрую сумму в 2000 долл. Йель успешно пережил присутствие в своих рядах верного коммуниста, но не без некоторого трепета чиновников от администрации. Они не опасались, что сам Аптекер может подорвать основы университета, но боялись, что его назначение может быть первым шагом к открытию антикапиталистических воззрений, которые не допускались в Йеле в течение многих поколений.

Тысячи других преподавателей, которых никогда не вызывали в какие-либо комиссии по расследованиям, все же испытывали их леденящее влияние. В работе, посвященной академии времен Маккарти, Пол Лазерфельд и Агнер Тиленс-младший пишут, что необходимость доказывать свою лояльность пронизывала преподавательские ряды. Почти любая критика существующего политико-экономического порядка вызывала подозрение, что кто-то скрывает свои «коммунистические тенденции». Преподавателей,

отказывавшихся подписывать обязательства соблюдать лояльность, увольняли.

Некоторые академики критиковали расследования за подрыв морали и за то, что они «мешают свободному обществу отразить реальную угрозу тоталитарного коммунизма». Таким образом, даже разоблачая антикоммунистическую «охоту на ведьм», они действовали, исходя из антикоммунистических убеждений. Их аргумент заключался в том, что слишком много невинных людей выгнали с работы и заставили замолчать в профессиональной деятельности. Подразумевалось, что инквизиция не была столь уж не права, просто она действовала неуклюже и перестаралась, и что совершенно правильно американцев лишали конституционных прав, коль скоро они были действительно «виноваты» (коммунисты), главное, что карьеры «невинных» людей (не коммунистов) не пострадали.

Открытые и закрытые университеты

Перед лицом студенческих демонстраций, сидячих забастовок и других беспорядков в эпоху Вьетнама университетские власти использовали кнут и пряник, комбинацию либерализации и репрессивных мер. Они отбросили требования обязательного распределения и отменили паритетальные правила пропорционального представительства» и другие патерналистские ограничения в сонной студенческой жизни. Был введен курс афроамериканских исследований, курс изучения женского вопроса, так же как и ряд других экспериментальных программ по социальным наукам. Эти последние вводили курсы, ориентированные на общество, инновационные методы обучения и давали возможность попытаться честно и сознательно изучать современные проблемы.

Вместе с этими уступками университетские власти начали репрессивную контратаку. Студенческих активистов исключали, избивали в полиции, арестовывали, призывали на войну, против которой они протестовали, а в таких местах, как графство Кент и Джексон, расстреливали и убивали. Радикально настроенные преподаватели теряли работу, а некоторые, включая меня, были сильно избиты полицией во время стычек на территории университета.

Репрессии продолжались в течение 1970-х и 1980-х. Анджела Дэвис, коммунистка, была уволена из университета штата Калифорнии в Лос-Анджелесе. Марлин Диксон, феминистка и социолог марксистского толка, была уволена из Чикагского университета, а затем из университета Макгилла за свою политическую активность. Брюс Франклин, выдающийся ученый из Melville, временно работающий профессором в Стэнфорде, автор одиннадцати книг и сотни статей, выдающийся учитель, был уволен за «подстрекательство» студентов к проведению демонстрации. Франклин позднее получил предложение из университета Колорадо, которое затем было отклонено советом правления на основании пакета с информацией, полученного из ФБР. Этот пакет содержал ложные слухи, фальшивые письма и неблагоприятные газетные вырезки.

В университете штата Вашингтон (Сиэтл) попытки Кеннета Долбиара создать истинно плюралистическое отделение политических наук, где преподавали бы консервативные, официозные и радикальные преподаватели, включая женщин и людей с другим цветом кожи, попали под огонь правительства. После затяжной и деморализующей борьбы Долбиар покинул университет. Прогрессивные члены факультета, включая Альберта Блэка, Алена Полавски, Джуди Ламар и афроамериканца Тревора Чэндлера, были отправлены вслед за ним. Филипп Меранто, единственный радикал в штате университета, в конце концов с негодованием ушел сам. Впоследствии этот широко публикуемый ученый-урбанист и отличный педагог не смог найти нового постоянного места работы. Другие прогрессивные преподаватели университета в Сиэтле, включая прославленного ученого Чикано Карлоса Муньоса, философа Джона Шамблиса и экономиста Джеффа Морриса, также были лишены повторного назначения.

Подобные чистки имели место в масштабе всей страны. Широко публикуемый историк и оригинальный ученый, Джесс Лимиш, автор критической работы о скрытых идеологических презумпциях общепринятой историографии, был уволен из Чикагского университета потому, что, как объяснил заведующий его факультета, «ваши убеждения идут вразрез с вашей заработной платой». Также уволенным из Чикагского университета оказался Стаутон Линд, историк и выдающийся антивоенный активист. Социолог Пол Найден, который преподавал в университете Питсбурга и также активно сотрудничал с диссидентами в организации «Объединенные горнорабочие», был уволен по политическим причинам. Он подал в суд и выиграл дело. Несмотря на поддержку студентов и преподавателей, социологу и марксисту Питеру Сейболду не продлили контракт в университете штата Висконсин, Парксайд.

Чистки с 1960-х и по сей день остаются слишком многочисленными, чтобы перечислить здесь все. Восемью из девяти антивоенно настроенных профессоров, которые пытались демократизировать факультет философии в университете штата Вермонт, одному за другим было отказано в возобновлении контрактов. В течение трехлетнего периода в начале семидесятых в Дартмутском колледже все, кроме одного из двенадцати

прогрессивных преподавателей, которые имели привычку сидеть вместе за ланчем, были уволены. В 1987 году четыре профессора были уволены из юридической школы Новой Англии, несмотря на солидную поддержку коллег. Все четверо были вовлечены в движение «критических юридических исследований» группы левой ориентации, которая рассматривает закон как главным образом инструмент в руках корпоративно богатых и сильных. Попечители учебных заведений, привлеченные в основном из корпоративных, богатых и сильных кругов, предпочитали, чтобы таким идеям не обучали.

К этому внушительному списку я могу прибавить свое собственное имя. В 1972 году в университете штата Вермонт попечительский совет отказался продлить мне контракт, несмотря на поддержку моих студентов, всего моего отделения, сената университета, совета деканов, проректора и президента университета. Попечительский совет не нашел, к чему придраться ни в моем преподавании, ни в длинном списке моих публикаций, но постановил, что моя антивоенная деятельность противоречит «профессиональному поведению».

В изданной частным образом книге *Guarding the Ivory Tower* («Охраняя башню из слоновой кости») Филипп Меранто и Мэтью Липпман перечислили еще более 50 случаев, когда профессура в масштабах нации подверглась чистке из-за политических взглядов или деятельности. Список — скорее репрезентативный, чем исчерпывающий. Можно привести еще много примеров, касающихся политологов, экономистов, историков, социологов, психологов и даже химиков, физиков, математиков и музыковедов.

Целые факультеты и даже целые школы и колледжи искоренялись за то, что выбрали нехоженую дорогу. В Беркли была целиком упразднена школа криминологии, потому что ее преподаватели разработали классовый анализ преступления и криминального принуждения. Те среди них, кто преподавал более ортодоксальную криминологию, получили назначения в другие отделения. Радикалов вынуждали уходить.

В 1970 году в ответ на требования студентов был образован экспериментальный Колледж социальных наук при университете штата Нью-Йорк в Буффало. Потребовалось всего несколько лет, чтобы все учебное заведение попало под огонь критики

администрации университета штата Нью-Йорк, потому что две трети из ее тридцати преподавателей выбрали радикальный подход к своей работе. Некоторые из читаемых ими курсов основывали на марксистской литературе и привлекали до тысячи студентов, включая рабочих на вечернем отделении. Этот пример успешной марксистской программы, которая создавала крепнущие связи с лейбористским движением, оказалась «уже слишком» для чиновников университета. Экспериментальный колледж закрыли в 1976 году.

Чистка диссидентства внутри университетов продолжается до сегодняшнего дня. Экономист Роб Райт был лишен контракта в Общественном колледже долины Напа в мае 1994 года по решению комитета, состоящего из консервативного заведующего отделением (который обвинил Райта в «преподавании коммунизма»), жены заведующего (которая преподавала машинопись), ее секретаря и главы отдела социальных наук (который однажды публично назвал себя «личной Немезидой» Райта). Еще один член комитета, консервативный бухгалтер, сказал Райту, что он был в ужасе от того, как комитет принял решение по поводу его кандидатуры еще до того, как заглянул в его рекомендации. Двадцать написанных по собственной инициативе писем студентов, прославляющих педагогические способности Райта, загадочным образом «затерялись» в комитете и так и не были найдены.

Левых просим не беспокоиться

Отказы в приеме на работу происходят даже чаще, чем увольнения, просто это менее заметно. Член педагогического коллектива в Бостонском университете рассказал мне, что нет никакой возможности, чтобы его университет взял на работу кого-либо с репутацией политически левого. Высококвалифицированные ученые в области общественных наук, известные также как сторонники прогрессивных взглядов, подавали заявления на должности в образовательные институты Калифорнии, Техаса, Иллинойса, Колорадо, Нью-Йорка и многих других мест, все не упомнить, лишь для того, чтобы быть отвергнутыми в пользу тех, кто по меркам образования, публикаций и педагогического опыта были менее квалифицированными. Эта модель стала настолько явной в Техасском университете (Остин) в середине 1970-х, что студенты старших курсов организовали протест и обвинили университет в политической дискриминации при приеме на работу.

В 1980 году, посещая колледж Рид в Орегоне, я заметил студентов, распространяющих заявление с жалобой на полное отсутствие преподавателей, выступающих с позиций критики. Один студент сказал мне: «Если мы хотим читать какие-либо левые альтернативные критические материалы, нам приходится делать это самим, в дополнение ко всей обычной текущей работе. И очень редко мы имеем возможность обсуждать это в классе». Когда я поспрашивал об этом некоторых преподавателей колледжа, они, по общему признанию, не могли припомнить кого-либо из своих коллег, кто предлагал бы критику с левых позиций, но, похоже, они отнюдь не были озабочены отсутствием идеологического разнообразия.

В 1981 году отделение политических наук университета Содружества Вирджинии пригласило меня возглавить его, но декан отклонила их предложение. Она объявила, что недопустимо иметь левого во главе отделения. Очевидно, что академия говорит на два голоса. Один громко провозглашает: «если вы продуктивный ученый и хороший учитель, вы найдете у нас работу». Другой шепчет почти неслышно: «вы должны следовать корректной идеологической

парадигме, соответствующей генеральной линии, и избегать активного диссидентства; если же нет, тогда ваша ученая и педагогическая работа не имеет значения».

Ученые антикапиталистического, антиимпериалистического направления постоянно дискриминируются при распределении грантов на исследования и стипендии. Например, С. Райт Миллз после написания работы *The Power Elite* («Правящая элита») был внезапно лишен субсидий фонда. Кандидатуры ученых-диссидентов редко рассматриваются для новых назначений внутри своих профессиональных ассоциаций и регулярно обделяются престижными приглашениями читать лекции и назначениями в редакции более влиятельных профессиональных журналов.

В «свободном плюралистическом» университете преподаватели дважды подумают, прежде чем познакомить студентов с противоречивым политэкономическим учением. Элен Шрекер, историк, изучавшая политические репрессии в научно-образовательных заведениях, пишет, что когда молодой преподаватель и группа ее коллег решили предложить «марксизм» как часть курса социальной истории, ее предупредил старший товарищ, «обыкновенно спокойный и разумный джентльмен», что было бы «неумно для их отделения указывать курс марксизма в списке дисциплин».

Инструктор из Сетон-Хилл-колледж в Пенсильвании признался студенту левых убеждений, что он подписывается на ряд публикаций левого толка и хорошо знаком с марксистской теорией, но администрация не разрешила ему преподавать их. Этот студент написал моему коллеге: «Я два года посещал его занятия и не подозревал об этом». Возможно, таких примеров внутренней цензуры становится все больше среди профессорско-преподавательского состава.

Известно, что в университетских городках представители администрации контролировали проведение занятий, задавали вопросы о политическом содержании книг и фильмов и просеивали списки приглашенных лекторов. В 1986 году совет регентов университета штата Колорадо (Боулдер) открыто дебатировал вопрос о замораживании фондов совета по культурным мероприятиям, управляемым студентами. Этот демократически избранный студентами совет пригласил в университет несколько лекторов,

которые собирали большие аудитории энтузиастов, но были политически опасны для консервативных регентов. Под предлогом поддержания академических стандартов регенты стремились «обновить» лекторов, предложив свой список лекторов, которые более соответствовали их идеологическим вкусам.

В последние годы, несмотря на все свои протесты против сурового бюджета, университетские администрации по всей стране заплатили огромные суммы за выступления приглашенных на один вечер лекторов, таких, как консервативные идеологи Уильям Бакли и Джордж Уилл, военные преступники Генри Киссинджер и Александр Хейг и осужденный уголовный преступник по делу Уотер-гейт Дж. Гордон Лидди.

Тем политическим аналитикам, взгляды которых выходят за пределы принятых границ капиталистической ортодоксальности, регулярно отказывают в доступе к крупным средствам массовой информации. Когда же официальная пресса пишет о них, публикации обычно носят клеветнический характер. Возможно, самый низкий удар, который я когда-либо получал от прессы, был нанесен популярным в супермаркете таблоидом National Enquirer, который поместил статью под названием: «Профессора США учат наших студентов, что Америка — зло, а коммунизм — добро». Статью сопровождала фотография, изображающая меня на фоне портрета Карла Маркса и серп и молот, врезающиеся в карту США, с каплями крови, капающими из раны. Статья ссылалась на мои «искаженные учения» и цитировала меня: «Капитализм эксплуатирует людей на родине и за рубежом. Система главным образом для выгоды богатых за счет трудящихся и средних классов». Цитата была достаточно точной, но обрамлена таким образом, чтобы скорее походить на высказывание предателя, чем на комментарий по поводу социальных отношений в США.

Растяжимые критерии

За последние годы хранители академической ортодоксальности научились действовать более осмотрительно. Вместо того чтобы провозглашать открытую нетерпимость к радикалам, они стараются найти кажущиеся профессиональные обоснования для отказа. Они скажут, что кандидат недостаточно публиковался. Или если достаточно, то скажут, что статьи вышли не в традиционно приемлемых академических журналах. Или если журналы приемлемы, то статьи все же нуждаются в качестве и оригинальности или демонстрируют слишком узкий или, наоборот, слишком расплывчатый взгляд.

Кажущиеся объективными критерии могут применяться бесконечно субъективными способами. Перед конкурсной битвой в университете Тафтса в 1986 году прогрессивный политический ученый Роберт Элиес представил на свою книгу 15 внешних рецензий, что на 5 или 6 больше, чем обычно требуется для таких процедур оценки. Когда все 15 оказались положительными, администрация призвала еще пятерых внешних рецензентов. Как показалось Элиесу, они «просто искали отрицательный отзыв».

Джон Уомак, один из очень немногих марксистов, которые когда-либо получали возможность преподавать в элитарном университете, стал заведующим кафедрой исторического отделения в Гарварде. Он приписывал свою победу тому факту, что занимался относительно туманными темами: «Если бы я был способным молодым студентом и занимался историей России, и если бы моя позиция была перпендикулярна американской политике... я думаю, что мои научные старшие подумали бы, что у меня мозги второго сорта. Именно это вы говорите, когда не согласны с кем-то. Нельзя сказать: "Я не согласен с этим человеком лично". Вы говорите: "Ясно, что у него второсортный ум"» (Washington Post, 1 January 1983).

Хранители ортодоксии также не отказывают себе в удовольствии, которое можно назвать «поиском самого лучшего кандидата». При встрече с высоко квалифицированным, но политически неприемлемым человеком они будут выяснять, является ли он/она «самым лучшим в

своей области». Именно таким образом открыто выражающий свои взгляды антивоенный и антикапиталистический активист в университете штата Иллинойс, химик Джон Ломбарди, получил отказ на продление срока работы в 1972 году от своего консервативно настроенного заведующего отделением, твердого сторонника войны США во Вьетнаме. Он хотел знать, может ли Ломбарди претендовать на звание спектроскописта «номер один» в стране. Имеющий мировое признание как выдающийся исследователь в области спектроскопии, Ломбарди не стал бы претендовать на такое звание, не знал он и никого, кого бы можно было так назвать.

Подобный повод был использован против Бертелла Оллмана в университете штата Мэриленд, когда ему предложили возглавить отделение наук. После принятия поста, Оллмана травилы средства массовой информации и некоторые попечители, которые открыто воспротивились назначению марксиста на пост заведующего. Администрация отозвала предложение. После длительной юридической битвы Оллману отказали в должности. В то время как администрация не могла отрицать, что он был выдающимся специалистом, она дала обязательство привлечь кого-нибудь другого, кто мог бы быть еще лучше, действительно «самым лучшим». Предлагаемый образ рисовал величайших в мире ученых (кто бы они ни были), пробивающих дорогу в Колледж-Парк (штат Мэриленд), чтобы возглавить отделение политических наук.

Администраторы колледжа вовсе не всегда голосуют против. Они могут оказаться вполне великодушными в продвижении и продлении срока работы, когда кандидаты имели «правильные» взгляды — иногда даже когда их вклад в науку нуждается в количественном и качественном улучшении. Администрация в университете штата Вермонт провела на должность главы отделения философии некоего человека, которого сотрудники отделения не приняли как недостаточно квалифицированного с результатом голосования 9 «против», 1 «за». Он прошел и начал увольнять всех преподавателей, не утвержденных в сроке службы, кто голосовал против него.

Не обращая внимания на возражения факультета политических наук университета Мэриленд, номинальный президент принял Уолтера Джоунза, не особенно заметного среди коллег. Джоунз был затем назначен вице-президентом, и, находясь на этом посту, отказал в

избрании на должность коллеге Филиппу Бреннеру, одержав верх над единогласно принятой рекомендацией комитета принять его на контрактный срок работы. Умнее не придумать, но Джоунз обвинял Бреннера, специалиста в области политики Конгресса и внешней политики, в том, что тот недостаточно досконально знает марксизм. Предложи ему Бреннер более развернутый марксистский анализ, интересно узнать, не обвинили ли бы его тогда в доктринерстве и косности.

Профессиональные критерии оказываются особенно растяжимыми для тех эмигрантов из коммунистических стран, которые были ввезены в США при тайном спонсировании Агентства национальной безопасности и немедленно получили лучшие университетские назначения, вообще не соответствуя нормальным академическим стандартам. Рассмотрите случай с советским эмигрантом и концертным пианистом Владимиром Фельцманом, который, получив первоклассное, бесплатное музыкальное образование в Советском Союзе, сбежал в США в 1986 году — с помощью посольства США. За короткий период времени Фельцман дал концерт в Белом доме, был принят президентом Рейганом как «моральный герой» и поселен в шикарной квартире на Манхэттене. Затем он был назначен на факультет государственного университета Нью-Полтс, штат Нью-Йорк, где вел одно занятие в неделю за зарплату, в два раза большую, чем у самого высокооплачиваемого профессора. Кроме того, он был удостоен титула постоянного профессора и стал его почетным членом. И все это в Нью-Полтс, учебном заведении, со слабым финансированием, с низкими зарплатами, большой нагрузкой и недостаточным обеспечением для студентов. Возможно, Фельцман был величайшим пианистом всех времен; более вероятно, что его подобный метеору взлет в академии имел отношение к соображениям «холодной войны».

Презумпции объективности

Ученые официального толка утверждают, что их политически ортодоксальные бренды в обучении и исследовании являются единственно соответствующими настоящей стипендии. Таким был аргумент, используемый для отказа в избрании на должность Сэмюэла Бауэlsa в Гарварде. Так как марксистская экономика не является реально учебной дисциплиной, Бауэлз не является ни настоящим ученым, ни настоящим экономистом. (Это решение вызвало серьезный раскол мнений на отделении экономики и заставило нобелевского лауреата Василия Леонтьева в негодовании покинуть Гарвард.) Идеологи центризма, похоже, не отдают отчета в том, что сама эта точка зрения может являться идеологической, проявлением политических предубеждений, обслуживающих самих себя и не подвергаемых проверке. Осудив марксистских ученых как неспособных на бескорыстную или «достойную» стипендии работу, центристы могут отказать в приеме на работу под предлогом защиты, а вовсе не нарушения академических стандартов.

Многие академики мейнстрима демонстрируют замечательную непричастность к настоящим реальностям мира. Вызывает беспокойство то, как это преподносится в виде свойственной ученым добродетели. Предположительно такая «отстраненность» помогает им сохранять объективность. На самом деле многие из лучших учений происходят от идеологически ангажированных ученых. Таким образом, именно женщины и афроамериканские исследователи создали лучшие работы о гнете сексизма и расизма, — в области исследования, которую их белые мужчины-коллеги никогда не представляли подходящей для научного изучения. Именно они в своей фанатичной убежденности проявили взятые на веру презумпции традиционного понимания научности в естественных и общественных науках.

Подобным образом именно левые интеллектуалы создали лучшие работы, затрагивающие насущные проблемы жизни, и зачастую единственные работы, раскрывающие вопросы политэкономии правящего класса, являясь темами, во многом не затронутыми

«объективными» центристами. Их преданность вызвала предоставление стипендий некоторым интересным и смелым ученым. В конечном итоге идеология инакомыслия может освободить нас от долго существующих «белых пятен» и побудить нас увидеть то, что не замечает авторитетная ортодоксия.

В любом случае академики мейнстрима даже не приближались к той «отстраненности», о которой они заявляют. Их работа уже осложнена наличием неисследованных значений, которые рассматриваются как эмпирические истины, в то время как эмпирические гипотезы, введенные радикалами, отбрасываются как полемика или суждения о ценностях. Они вводят свои предубеждения в то, что они говорят, и в то, что оставляют несказанным, и в свои решения по поводу приема на работу, продвижения по службе, конкурса и преподаваемых дисциплин. Единственной целью для любого преподавателя должно быть ознакомление студентов с информацией и анализом, что систематически игнорируется или подавляется в прессе, в учебных заведениях и в обществе. Эту задачу обычно лучше выполняет диссидентская часть профессорско-преподавательского состава, чем те, кто принимает существующий общественный и классовый уклад как естественный порядок вещей.

Ортодоксальные идеологические ограничения затрагивают не только распределение стипендий, но и политическую деятельность преподавателя вне учебных заведений. При вступлении в академическую профессию человек не подделывает свои права в соответствии с первой поправкой, так же как и не приобщается к какой-то тоталитарной религиозной общине. Однако именно так это выглядит в отношении диссидентских политических объединений. Таким образом, в университете штата Висконсин (Милуоки) преподаватель политических наук, антикапиталист Тед Хейес был лишен возобновления контракта, потому что его осудили за «политические посторонние связи», которые мешали ему быть объективным, сбалансированным педагогом. Двое из старших преподавателей, которые голосовали против него, были членами комитета Республиканской партии штата Висконсин. Вопрос о том, не влияли ли их «посторонние» связи на их объективность как преподавателей или на суждения, которые они делали о своих коллегах?

Эврон Киркпатрик, прослуживший директором Американской ассоциации политических наук более 25 лет, сказал в своей речи в Вашингтоне: «Я всегда верил, что знания, которые мы приобретаем как ученые, должны дать базу другим или нам самим для того, чтобы играть активную, эффективную и здоровую роль в правительстве и политике». Затем он перечислил тех многих политических ученых, которые занимали публичные должности, работали в выборных штабах или служили бюрократической машине на разнообразных должностях. Его высказывания не вызвали общественного протеста коллег-центристов в защиту непричастности ученых к мирским делам. Оказалось, ничего плохого в политической активности нет до тех пор, пока человек играет «здоровую роль в правительстве», а не раскольническую роль против него. Академики истеблишмента, подобные Киркпатрику, никогда не объясняли этот двойной стандарт. Не объясняли они также и то, как им удавалось избегать внесения политики в науку, в то время как столь неутомимо и прилежно они вводили свою науку в политику.

Насколько нейтральными в своих работах и учениях были такие ученые, как Збигнев Бжезинский, Генри Киссинджер и Дэниел Мойнихан? Несмотря на то что были очевидными защитниками американской промышленно-милитаристской политики дома и за рубежом, — или благодаря этому, — они сделали стремительные академические карьеры и впоследствии были избраны, чтобы выполнять роль выдающихся псаломщиков для властей предрержащих. Откровенная политическая пропаганда — не препятствие для карьеры, пока ты пропагандируешь то, что нужно.

Выживших — в карантин

Относительно немногие прогрессивные диссиденты, сумевшие получить должность на определенный срок, обычно обнаруживают, что им уготована судьба быть изолированными внутри своих собственных отделений. Они переносят многочисленные проявления неуважения к себе, с ними никто не советуется по внутренним делам отделения. Маловероятно, что их назначат в комитеты по формированию учебных программ, привлекут к подбору кадров или утверждению контрактов, даже тогда, когда такие задания были бы нормальной частью их обязанностей.

В университете штата Вашингтон Филипп Меранто, штатный преподаватель политэкономии антикапиталистических убеждений и заметный активист, был вынужденно не причастен к принятию каких-либо решений и к общественной жизни отделения. Студентам выпускного курса рекомендовалось не посещать его занятия. Ему было выделено самое тесное и непривлекательное помещение, несмотря на его старшее звание, его изводила замечаниями университетская полиция. Прослужив много лет штатным старшим преподавателем колледжа Квинз, университета Квинз, видный автор и политический аналитик Джон Герасси был вынужден открыто пожаловаться на то, как с ним обращались, упомянув и мой случай невыдвижения в кандидаты. В письме своим коллегам по отделению (15 мая 1994) он написал:

«Меня никогда не просили принять участие в чем-либо значительном на этом отделении. Например, меня никогда не просили проводить консультации для выпускников, или студентов старших курсов, или (для кого бы то ни было)... Теперь, так как мои коллеги говорят мне, что я им нравлюсь, и я допускаю, что они говорят это не просто для моего удовольствия, причина должна быть политической. Действительно, я помню некоторое время тому назад, когда я информировал моих коллег, что один из моих друзей, известный во всей стране, фактически признаваемый во всем мире, Майкл Паренти, который был бы огромным

приобретением для нас благодаря своей репутации, свободен и мог перейти к нам (как раз тогда, когда отделение пыталось заполнить вакансию), мне тотчас сообщили, что его кандидатура не будет рассматриваться ни при каких условиях, и мне фактически велели не соваться в дела отделения».

Герасси заключил на иронической ноте: «Что ж, мне остается только вежливо попросить, что пока все решения могут приниматься небольшой группой моих коллег за закрытыми дверями, пожалуйста, разрешите нам хотя бы узнать, что это за решения».

Единственным радикалом, получившим должность на факультете философии в 1970-х в университете штата Вермонт, был Уилл Миллер, популярный преподаватель, публикуемый автор и политический активист. Хотя он и победил в борьбе за пост, его заставили за это поплатиться. Ему было отказано в продвижении по службе, и в течение 25 лет он оставался ассистентом профессора с жалованьем, замороженным ниже уровня начинающего и самого низкооплачиваемого преподавателя. У него отбирали все лекционные курсы и отдавали их факультетским боссам. Тринадцать лет его обходили в предоставлении годового академического отпуска для исследовательской работы и наконец он получил один семестр, свободный от лекций, только после того, как стал угрожать привлечением администрации факультета к суду. Регулярно проводимое поочередное снижение преподавательской нагрузки на факультете также никак его не касалось.

Миф о радикальном университете

Те, кто контролирует заведения высшего образования в Соединенных Штатах, должны желать своим студентам тех же благ, которые они так страстно отстаивают для жителей «тоталитарных» стран, а именно возможность слушать, изучать, выражать и поддерживать (или отвергать) ниспровергающие, критические взгляды в своей среде и образовательном заведении, не опасаясь репрессий. Вместо этого редкий радикально настроенный ученый не встречал серьезных трудностей в поиске работы или контракта, независимо от его или ее квалификации.

Консерваторы считают по-другому. Они видят академию пронизанной левизной, и неудивительно, так как они считают «левыми» любого слева от себя, включая центристов мейнстрима и «умеренных». Разумеется, активность университетских городков не умерла с концом 1960-х. Все годы с тех пор студенты протестовали против корпоративных инвестиций в ЮАР, где правил апартеид, против гонки вооружений, против вмешательства США в Центральной Америке, против вторжения США в Панаму и бомбежку Ирака. Проходили демонстрации в поддержку исследований женского вопроса и многообразия культур, против расизма, гендерной дискриминации и евроцентристского уклона в программе обучения.

Такие протесты подвергались безжалостным нападкам со стороны принадлежащих корпорациям средств массовой информации, как «политически корректный маккартизм». Таким образом, сами по себе попытки бороться с реакционностью клеймятся как реакционность такими беспринципными консерваторами, как Тан Хентофф, Уильям Ф. Бакли и прочими, которых слишком много, чтобы всех упомянуть. Они внезапно объявились защитниками разнообразия, настаивая на том, что сексистам, расистам и фашистам следует дать свободу выражать свое негодование, но их противники не могут свободно разоблачать их за это.

С незамутненным этноцентризмом писатель Сол Беллоу порочил общества, не имеющие своей письменности, задавая вопрос: «Кто Толстой у зулусов? Кто Пруст у папуасов?» Порицаемый за свое

евроцентристское высокомерие, Беллоу бесновался на страницах New York Times (10 March 1994): «Нам нельзя и рта открыть, чтобы нас не заклеямили расистами, женоненавистниками, сверхчеловеками, империалистами или фашистами». Писатели, подобные Беллоу, которые шумно приветствуются всей традиционной литературной общественностью, публикуются крупными средствами массовой информации и свободно допускаются в ведущие университеты, считают себя несправедливо обвиненными при малейшей попытке анализа их предубеждений. Именно так поощряется создание мифического образа университета, где доминируют феминистки, лесбиянки, гомосексуалисты, марксисты и афроамериканские воинствующие элементы. Именно так роли угнетателей и угнетенных меняются местами.

В десятках телевизионных ток-шоу и многочисленных публикациях с миллионными тиражами, без оттенка иронии, десятки консервативных и неолиберальных писателей жаловались, что их замалчивают «политически корректные». Их резкие обличительные речи обычно немногим больше, чем критика социально-политических взглядов, которые они находят невыносимыми, идей и историй, которые они хотят изъять из университетского курса — предположительно во имя сохранения свободы речи и политической толерантности. Сквозь все эти нагромождения «политически корректных» людей, которые якобы доминируют в университетской вселенной, просто никогда не слышно.

Сегодня в университетах существует национальная сеть правых групп с бюджетом от 100 000 до 1 миллиона долларов. Эта сеть координирует наибольшую часть консервативной деятельности в образовательных учреждениях по всей стране. Она субсидирует издательскую деятельность более чем ста кампусов правого крыла, охватывая более, миллиона студентов (по исследованию организации «Проект объединения университетов», занятой пропагандой борьбы за мир и журналистскими расследованиями в кампусах). Издательства консерваторов в университетских городках и их организации получают миллионы долларов от Фондов Sciafe и Olin, Coors и других состоятельных доноров правого крыла. Почти полное отсутствие альтернативных фондов от прогрессивных групп опровергает

обвинение в том, что левые доминируют в политических средствах коммуникации в учебных заведениях.

Подводя итог, можно сказать, что воззрения, не вызывающие больших противоречий, считаются нейтральными или объективными, в то время как чаще всего они просто соответствуют идеологическим условностям. Считается, что исследования, которые косвенным образом разделяют общепринятые взгляды на политико-экономическую систему, представляют свободный от оценок эмпиризм, изучение мира «как он есть». Обвинения в приверженности, которые кидают хранители башни из слоновой кости, сами являются весьма ангажированными, будучи направленными против тех, кто бросает вызов, но редко против тех, кто укрепляет общепринятую идеологию. Большинство учебников распространяют общепринятые тенденциозные представления о правительстве и внешней политике США под видом политических истин, упуская из виду или отрицая недемократические чудовищные преступления классовой власти и империализма.

Принимая империю на ее собственных условиях, затем отрицая ее существование и все возникающие в связи с этим неудобные вопросы, многие ученые полагают, что встали выше суматохи реальности. И в некотором смысле так оно и есть.

Глава 11

Реальные альтернативы

В феврале 1991 года, участвуя в работе Национальной ассоциации бакалейщиков, президент Буш посетил образцовый супермаркет. Когда его подвели к прилавку на выходе из магазина и показали, как проводят приобретенный товар через сканер, он взволнованно выразил свое восхищение этой «новой технологией». Было очевидно, что уже годы он не ходил в супермаркет, если вообще когда-либо там бывал.

Этот случай символичен, он показывает скрытую классовую подоплеку нашего политического процесса. Люди, которые никогда не бывали в супермаркете и никогда не рассчитывали бюджет на пропитание, вершат общественную политику для людей, считающих каждый цент. Политика в области здравоохранения формулируется теми, кому никогда не приходилось часами высидживать в общественной клинике. Политика в области общественного транспорта разрабатывается людьми, которым никогда не приходилось ждать автобуса или искать место для парковки. Законы для нашей системы образования пишутся теми, кто никогда не посылал своих детей или внуков в общественные школы. Наша политика по уходу за малолетними детьми или больными придумывается людьми, которые имеют гувернанток или нянь. Политика в области отдыха находится в руках людей, которые проводят отпуск в частных имениях и никогда не посещают переполненные, загрязненные пляжи. Законы о безопасности на производстве пишут люди, которые никогда не заходили внутрь фабричных цехов и не спускались в шахту.

«Умеренная альтернатива»

«Умеренные» демократы под предводительством Билла Клинтона, который вступил в Белый дом в 1993 году, оказались такими же преданными слугами корпоративной Америки, как и их республиканские предшественники. В течение первых двух лет на посту президента Клинтон неустанно отмечал, что экономическое выздоровление «должно идти через частный сектор». Он боролся как лев за Североамериканское соглашение о свободе торговли (НАФТА) и Генеральное соглашение по тарифам и торговле (ГАТТ), хотя оба соглашения уничтожают завоевания в области охраны окружающей среды, прав потребителя и труда — с помощью суверенной власти самих штатов страны, предоставляя неизбранным секретным международным трибуналам право устанавливать стандарты для инвестиций, таким образом игнорируя суверенитет народа.

Кроме того, администрация Клинтона не сделала почти ничего по поводу экологического кризиса, ничего по переводу национального транспорта на экологически здоровый курс, ничего в отношении развития альтернативных источников энергии. Она не принесла реальных изменений во внешнюю политику, предлагая малую поддержку демократическим силам в «третьем мире», при этом продолжая поддерживать антидемократов-убийц, таких, как Джонас Савимби в Анголе. Администрация Клинтона оказывала полную поддержку ЦРУ и его тайным операциям по всему миру и глобальной военной империи, ее гаргантюанскому бюджету и грандиозным целям. Что касается империи у себя дома и за границей, замена одной политической партии на другую не намного меняет государственную политику. В своей стране империалистическая политика США остается неанализируемым, не подвергаемым сомнениям и в большой степени неосознаваемым явлением.

Некоторым образом и в ограниченных масштабах Клинтон попытался разобраться с последствиями разрушений, причиненных годами правления Рейгана — Буша. Он действительно ввел 21-миллиардное увеличение кредитов по налогам для низкооплачиваемых трудящихся и создал несколько новых программ по жилищному

строительству, приобретению рабочих профессий и развитию городов. Чрезвычайно неадекватные по масштабу, эти инициативы представляли некоторое отступление от карательной политики его предшественников. В большей же части, однако, в политике империи и республики администрация Клинтона проявила преемственность, и хотя не ожидали ничего другого, это тем не менее не может не разочаровывать.

Правящие политико-экономические элиты предпочитают верить в то, что окружающая среда находится в замечательном состоянии, естественно, на их частных имениях, курортах и ранчо. Им не нравятся преувеличенные, по их мнению, сетования защитников окружающей среды, которые призывают к введению правил, ограничивающих прерогативы промышленного капитала. По их пониманию, благосостояние их класса и их инвестиции — суть интересы нации, а бедные и трудящиеся массы заслуживают меньшего внимания, потому что их вклад считается столь незначительным.

Фундаментальная реформа так трудна, потому что она не служит властям предрержащим. Но не должно быть тайной то, что необходимо сделать для улучшения нашей экономики и условий жизни нашего народа. Рассмотрите следующую повестку дня.

Военные расходы и конверсия мирного времени

Интересы республики не должны более приноситься в жертву интересам империи. Разгул военных расходов последних четырнадцати лет является главной причиной национального долга страны в 4 триллиона долларов, неудержимо растущих дефицитов, приходящей в упадок инфраструктуры и сокрушительного налогового бремени. Это превратило США из самого большого мирового кредитора в самого большого растратчика и должника.

Чтобы накопить триллион долларов за следующие 10 лет, нам понадобится урезать раздутый, расточительный бюджет Пентагона на две трети в течение нескольких лет. Чтобы собирать дополнительные миллиарды каждый год и минимизировать огромный ущерб, нанесенный окружающей среде, правительство США должно прекратить все ядерные испытания, включая подземные, и вести на дипломатическом уровне борьбу за безъядерный мир. Это способствовало бы закрытию почти всех из сотен наших военных баз за рубежом и отказу от самостоятельно взятой на себя роли мирового охранника, который следит за поведением всех остальных от имени свободного рынка. Армия «Проекции силы», корабли боевых групп военно-морского флота, Центральное командование США (ранее — Силы быстрого реагирования) и другие силовые структуры, применяемые для вооруженных интервенций за рубежом, — все это могло быть уничтожено без всякой угрозы нашей национальной безопасности. Каждое из таких сокращений сэкономило бы миллиарды долларов без создания опасности для США из-за рубежа.

Ликвидируйте программы космических полетов с человеком на борту, эту 30-миллиардную игрушку за общественный счет, основная «польза» от которой — разрушение озонового слоя. Отмените сложные и дорогие системы ракетной обороны, которые разработаны и поддерживаются, чтобы вести тотальную войну против сверхдержавы, которой больше не существует.

Депрессивные экономические эффекты вследствие избавления от военной экономики могли бы уменьшиться, если начать массовую конверсию по переходу к мирной экономике, вкладывая деньги,

сэкономленные от военного бюджета («мирный дивиденд») во внутренние нужды. Могут быть созданы миллионы новых производительных рабочих мест, если правительство инвестировало бы фонд «мирного дивиденда» в человеческие нужды, муниципальные услуги, переучивая рабочих оборонной промышленности на более продуктивную и более полезную для общества работу. Отход от военных расходов улучшил бы качество нашей жизни и привел бы к более здоровой и цельной экономике.

Государство национальной безопасности

Конгресс должен упразднить ЦРУ или серьезно урезать его бюджет и бюджет других национальных агентств безопасности. Их полномочия должны быть ограничены только сбором разведывательной информации. Запретите их подрывную и жесткую секретную деятельность против социальных движений в «третьем мире» и предъявите обвинения в государственном преступлении тем офицерам разведывательных агентств, которые не подчиняются законным пределам, наложенным на них, и продолжают поддерживать связи с организованной преступностью. Власть руководителей осуществлять преступно жестокие действия против многочисленных народов, включая свой собственный, должна быть разоблачена, призвана к ответу и остановлена. Закон о свободе информации должен проводиться в жизнь вместо того, чтобы искореняться теми, кто говорит, что им нечего скрывать, а затем пытаться спрятать почти все, что они делают.

Прекратите поддерживаемые США войны, направленные на подавление восстаний бедняков в мире. Отмените всю зарубежную помощь режимам, которые нарушают права человека, сражаясь с собственными народами. Миллиарды налоговых долларов США, которые текут на швейцарские банковские счета иностранных деспотов, могли бы быть с большей пользой потрачены на социальные услуги на родине. Отмените запреты на торговлю и поездки, введенные для Кубы и для других стран, которые посмели отклониться от ортодоксии свободного рынка¹.

Для претворения в жизнь этих целей больше давления должно быть применено к Вашингтону. Около десяти лет десятки тысяч сторонников революции сандинистов внутри США не сделали ничего, чтобы начать антиинтервенционистскую политическую атаку внутри США, потому что они были слишком заняты, отправляясь в Никарагуа, чтобы испытать революцию на собственной шкуре. Многие защитники изменения политики США в отношении Кубы тратили большую часть своего времени и энергии на организацию караванов на Кубу, вместо

того чтобы направить свою энергию и протесты на тех, кто формирует политику в Вашингтоне.

Реформа выборов

В стране может править только государство. Но чтобы добиться более демократического правительства, нам необходимо обуздать власть денежных интересов и лоббистов. Все кандидаты, включая представителей партий меньшинства, должны иметь финансирование для проведения публичных кампаний. Кроме того, необходимо строго ограничить расходы на проведение кампаний для всех кандидатов и их сторонников, без допущения каких-либо обходных путей. Эти многочисленные меры сильно ослабят влияние денег в предварительных выборах и позволят просчитать будущие результаты выборов.

Разные штаты должны быть представлены пропорционально, чтобы каждый голос засчитывался и крупные партии больше не доминировали в законодательстве искусственно раздутым большинством. Также нам необходим стандартный федеральный закон о выборах, обеспечивающий легкий доступ к голосованию третьим партиям и независимым^[12].

Средства массовой информации нуждаются в демократизации. Радиочастоты являются собственностью народа Соединенных Штатов. Как часть их требований по лицензионному обслуживанию от телевизионных и радиостанций следует потребовать предоставления — и бесплатного — равного эфирного времени всем политическим воззрениям, включая диссидентские и радикальные, причем не только во время выборов, но в течение всего года. Только тогда можно будет бросить вызов существующей империалистической ортодоксии перед массовыми аудиториями.

Налоговая реформа и закон о труде

Вернуть прогрессивный подоходный налог для богатых граждан и корпораций — без многочисленных лазеек и скидок, которые все еще существуют. Усилить налог на наследство и ввести налог скорее на аккумулированное состояние, чем только на доход. В то же время дать налоговое послабление работающим бедным и другим служащим с низким доходом. Сократить регрессивный налог на социальное обеспечение; он дает ежегодно 50 млрд долл. излишка, который передвигается в общий бюджет, предназначенный для всего, чего угодно, только не для пенсий по старости. Или увеличить выплаты по социальному обеспечению старым людям с низкими доходами, чтобы излишек тратился на людей, для которых он предназначен.

Уничтожить такие антитрудовые законы, как Закон Тафта-Хартли, который весьма затрудняет создание организаций. Провести в жизнь меры защиты, предусмотренные Национальным законом о трудовых отношениях, от имени рабочих, которые сейчас рискуют своими рабочими местами, когда пытаются организоваться. Штрафовать работодателей, которые отказываются вести переговоры по контракту после завоевания сертификации. Отменить законы, ограничивающие «право на работу» и «открытый цех», которые направлены против переговоров о коллективном договоре. И увеличить минимальную зарплату до зарплаты прожиточного уровня. Провести закон, запрещающий наем штрейкбрехеров (для постоянной замены) во время забастовки. Законодательство в этом плане было обещано администрацией Клинтона, но никогда не появилось на свет. Клинтон не сделал ничего, чтобы помочь законопроекту, запрещающему замену штрейкбрехерами, обойти грозящую обструкцию Сената в июле 1994 года.

Американцы работают усерднее и дольше за меньшую плату. В 1960 году выпускник колледжа с посредственными академическими успехами мог зарабатывать достаточно, чтобы купить дом с тремя спальнями и автомобиль и содержать жену и троих детей. Сегодня, чтобы достичь соразмерного уровня жизни, нужно, чтобы два бездетных взрослых работали полный рабочий день. Пока миллионы

работают сверх нормы, у миллионов нет работы вообще. Нам нужно ввести шестичасовой рабочий день или четырехдневную рабочую неделю без уменьшения оплаты, и никакой обязательной переработки.

Отменить НАФТА (Североамериканское соглашение о свободе торговли) и ГАТТ (Генеральное соглашение по тарифам и торговле) — эти международные увертки, которые обходят национальный суверенитет внутри всех стран, наделяют мультинациональное корпоративное сообщество безграничным могуществом и делают недееспособными меры защиты труда, потребителей, независимых производителей и окружающей среды.

Сельское хозяйство и экология

Раздать почти двум миллионам нуждающихся американских фермеров миллиарды федеральных долларов, получаемых сейчас богатыми фирмами сельскохозяйственного бизнеса. Поощрять органическое коммерческое фермерство с помощью просвещения и субсидий и скорейшим образом исключить использование пестицидов, химических удобрений и гормонов в животноводстве. Объединить усилия по восстановлению окружающей среды, включая широкомасштабную очистку земли, воздуха и воды. Самым важным вопросом, который стоит перед нами, является выживание естественной среды планеты. Если эта борьба потерпит неудачу, тогда все остальное, чем мы занимаемся, будет ничем иным, как перестановкой шезлонгов на палубе «Титаника».

Развить высокоскоростные магнитные монорельсовые системы внутри и между городами для безопасной, быстрой, экономичной транспортировки и разработать транспортные средства, работающие на электрической и солнечной энергии, чтобы уменьшить до минимума чудовищные экологические последствия использования горючих ископаемых. Станфорд Овшински, президент по энергоконверсионным устройствам, отмечает, что недавно разработанный электромобиль имеет теперь длительный ресурс при использовании аккумулятора, срок работы которого не ограничен. Он использует экологически чистые материалы и прост в изготовлении при операционных стоимостях, намного меньших, чем при изготовлении транспортных средств, работающих на газе (New York Times, 20 July 1993). Отключить атомные станции и запустить запоздавшую программу развития термальных, гидро-, приливных, солнечных источников энергии.

Здравоохранение и безопасность

Установите систему здравоохранения с оплатой из одного источника, которая предоставит всесторонний сервис и позволит пациентам ходить к врачу по своему выбору, как делается в канадской системе и повсюду. Нет причины тратить еще десять миллиардов на страхование здравоохранения (как предлагалось президентом Клинтоном), когда мы уже тратим больше на человека, чем любая другая страна. Средства фондов должны направляться на лечение, а не гигантским страховым компаниям. При платеже из одного источника страховым компаниям были бы закрыты пути для обогащения за счет здравоохранения.

Тысячи дополнительных федеральных инспекторов необходимы для разнообразных агентств, ответственных за проведение в жизнь законов о безопасности на производстве и законов о защите потребителя. «Где мы возьмем деньги, чтобы заплатить за все это?» — можно услышать вопрос. Такой вопрос никогда не задается по поводу бюджета обороны или миллиардов, затраченных на субсидии бизнеса. Мы можем получить дополнительные фонды из более прогрессивной налоговой системы и из крупных сокращений финансирования бизнеса и военных расходов.

Налоговая политика

Правительство смогло бы покончить с дефицитным расходованием средств с помощью налогообложения финансового класса, у которого в настоящее время оно берет в долг. Оно должно прекратить подкупать богачей инвестиционными субсидиями и другими гарантиями и перенаправить капитальные инвестиции на некоммерческие общественные цели. Нам нужно уничтожить мультимиллиардные подачки на обеспечение богатых корпораций и сельскохозяйственного бизнеса. Пусть они попробуют жить в соответствии со своей риторикой свободного рынка.

Национальный долг — это правительственные платежи по социальному обеспечению от налогоплательщиков держателям облигаций, от труда — капиталу, от людей со средними доходами — богатым. Подобно латиноамериканским крестьянам, поколения налогоплательщиков США будут жертвовать своим уровнем жизни, чтобы расплатиться за состоятельных кредиторов. Политике правого крыла «бери в долг и трать, трать» должен быть положен конец. Национальный долг должен быть перепланирован при полной компенсации, назначенной для малых держателей казначейских облигаций, и только частичной компенсации для крупных.

Социальная справедливость и рабочие места

Покончить с расовой и гендерной дискриминацией в устройстве организаций, включая сами законодательные и судебные учреждения. Решительно проводить в жизнь закон, защищающий женщин от оскорблений, наносимых мужчинами, детей от жестокости взрослых, гомосексуалистов и лесбиянок от преступлений на почве ненависти и от грубого обращения полиции. Мы нуждаемся в более эффективном участии федеральных сил в борьбе против оскорбительных действий в отношении больниц, где делают аборты, и докторов фанатически настроенными защитниками принудительной беременности.

Положить начало широкомасштабной программе по занятости населения, которая сдвинула бы наше общественное благосостояние от империи к построению республики заново. В 1994 году член Палаты представителей от Калифорнии Мэтью Мартинез представил законопроект о создании рабочих мест стоимостью 300 млрд долл., чтобы энергично решить проблему «самого высокого уровня безработицы» с 1930-х годов. Управление общественных работ (WPA), более масштабное, чем «Новый курс», могло бы дать людям работу по восстановлению окружающей среды: создание необходимых отраслей промышленности, строительство дешевого жилья, массовые транспортные системы; переустройство парков, поселков и городов, восстановление приходящей в упадок инфраструктуры; обслуживание больных и престарелых.

Люди могли бы получить работу в сфере производства товаров и услуг, конкурируя с частным рынком. Управление общественных работ — WPA «Нового курса», занялось производством товаров, включая изготовление одежды и матрасов для нуждающихся, врачебных халатов для больниц, консервированного мяса, фруктов и овощей для безработной бедноты. Этот вид некоммерческого производства для удовлетворения нужд населения дает доходы правительству и по продажам товаров, и по подоходным налогам с новых рабочих мест. Из общей картины исключен частный доход тех, кто живет за счет чужого труда — что объясняет их жгучую враждебность к правительственным программам, которые заняты в таком производстве.

Правительство субсидирует корпоративные интересы за общественный счет. Изменения политики, перечисленные выше, драматически повернули бы в обратную сторону поток, производящий скорее для реальных нужд, чем для корпоративной алчности, уводящий нас прочь от империи и ближе к республике.

Нет нужды говорить, что эти реформы проще перечислить, чем осуществить. Они остаются неисполненными и в основном не начатыми не потому, что диктующие политику никогда о них не думали. Скорее, дело в том, что те, кто желает реформ, не имеют власти, а те, кто имеет власть, не желают реформ. Как бы то ни было, они испытывают бешеную враждебность к тем изменениям, которые демократизируют экономику и посягают на экспроприации или капитал. Необходимо больше усилий в плане организации, образования и пропаганды по каждому направлению борьбы, будь это рабочее место, система выборов, суды, средства массовой информации, студенческие городки или улицы. Также необходимо создание большего единства и сплоченности.

Классовая война — улица с двусторонним движением

«Величие» нашей страны, если мерить его нашей разрушительной военной способностью, является святым понятием, вокруг которого народ готов сплотиться. Американскому народу требуется нечто лучшее, чем кутерьма с размахиванием флагом и бездумные убийства более слабых народов. Он нуждается в крупном преобразовании общественной политики, — от империи к демократии. Многие империи начинают разлагаться, когда находятся на высоте своего военного могущества. Воинственное государство пожирает ресурсы, которые в противном случае направляются на развитие производительного гражданского сектора. Правители нашей страны восседают во главе такой империи. Они способны ввести силы США в любой уголок мира и в то же время — бессильны разобраться в главных проблемах у себя дома.

Тех, кто указывает на классовую основу империализма, обвиняют в уповании на «классовую войну». Но война классов сверху донизу, которую ведут правящие элиты против среднего и низшего классов, является повседневностью — то есть тем, что мы уже и так имеем. Только тогда, когда многие начнут отвечать борьбой против немногих, классовая война будет разоблачена политическими и информационными элитами.

Возьмите случай с Гаити, страной, где поколения выросли в обстановке жестокого угнетения, где военные и богатые жили за счет обнищавшего народа и регулярно воевали с ним. Однако средства массовой информации США и их политические лидеры начинали использовать термин «классовая война» только тогда, когда народ избрал президентом Жана-Бертрана Аристида, популистского реформатора, который критиковал преступления и привилегии богатых. То же происходит в других странах и в США тоже: как только простые люди начинают оказывать сопротивление, пусть даже мирным и демократическим путем, как только демократия посягает на интересы правящего класса, лидеры правящего класса и их глашатаи предрекают «классовую войну». В начале 1990-х в Соединенных

Штатах, когда какие-нибудь либеральные демократы начинали говорить о налогообложении богатых, их обвиняли в классовой войне. Но когда богатые продвигают свои интересы за наш счет способами, слишком многочисленными, чтобы здесь описать, это называется «национальная политика».

В своем последнем обращении о положении в стране Джордж Буш сказал, что народ, который бросает вызов прерогативам богатых, движим завистью и ревностью. Я подозреваю, что то, что испытывает большинство из нас при виде, как кто-то едет в «роллс-ройсе», а кто-то спит в подъезде, не является завистью. Это негодование. Мы просто не хотим жить в обществе, где миллионы должны терпеть лишения и неуверенность, а богатые — поддерживать свой роскошный стиль жизни. Мы не хотим поменяться местами с богатыми; мы просто хотим, чтобы они слезли с наших спин. Мы хотим остановить разрушение нашего общества и окружающей среды конгломератами богатства, теми, кто строит и финансирует национальные выборы, руководит национальной политикой и использует преступления государства, чтобы лишать содержания и сводить к минимуму демократическое правление внутри страны и за рубежом. Если бросить вызов и прекратить такую классовую власть называется «классовой войной», тогда дайте нам ее больше.

У нас есть другое название для такой борьбы — название, заимствованное у древних греков. Когда народные силы мобилизуются против власти плутократии, мы называем это демократией. В конечном итоге цена любой системы должна измеряться демократическим стандартом. Служит ли она интересам общества или частного грабителя? Служит ли она нуждам многих или алчности нескольких? Нам нужны коренные реформы, революционные меры для более жизнеспособного и равноправного общества — такого общества, которое было бы экономически продуктивным, экологически устойчивым и социально справедливым. Только это может положить конец империи и дать триумф демократии.

«Глобальная экономика» — другое название империализма, и империализм является транснациональной формой капитализма. Суть капитализма — превратить природу в товар, а товар — в капитал. Живая зеленая земля превращается в мертвую, в золотые кирпичи, в предметы роскоши для немногих и в токсичные кучки шлака для

многих. Блистательное имение возвышается над широко раскинувшимся городом лачуг, в которых отчаявшееся, деморализованное человечество выстроено в смиренную линейку с помощью наркотиков, телевидения и вооруженных сил.

Но каждая империя, победившая таким бесчеловечным образом, сеет семена собственного уничтожения. Чем успешнее продвинется правящий класс в поглощении богатства и ресурсов этой и других земель, тем он больше подрывает основу, от которой зависит. Как некое мифологическое чудовище, оно пожирает себя. Империя пожирает республику, ее работников и природу. Увы, в нашу эпоху самопожирательство принимает такой размах, что, когда наступит крах, он целиком уничтожит экосферу и всех нас вместе с ней.

История империализма — история невыразимых словами зверств, массового истребления, ужасов, обманов, предательств и безжалостного угнетения. Достаточно, чтобы заставить больше не надеяться на человеческую расу, как на ее жертв, так и на тех, кто приносил их в жертву. Сегодня поставщики капитализма звонят до небес, победно объявляя о «Новом мировом порядке». Некоторые из их преданных идеологов проповедуют «конец истории», делая заключение, что вековая борьба между имущими и неимущими замещается моноцентрической всеобщей экономической глобализацией. Однако крестьяне поднимаются в Мексике; массы мобилизуются в Южной Африке; рабочие и местные народы организуются в десятках стран, чтобы защитить свою землю и улучшить свою жизнь.

Руководитель восстания Запатисты в Мексике, подполковник Маркос, недавно отреагировал на распускаемые слухи о его гомосексуализме, заявив следующее:

«Маркос — гомосексуалист в Сан-Франциско, черный — в Южной Африке, азиат — в Европе, чикано — в Сан-Исидро, анархист — в Испании, палестинец — в Израиле, индеец майя — на улицах Сан-Кристобалья, член гангстерской банды — в Незе (огромный район трущоб в Мехико), рокер — в национальном университете (где котируется музыка левых в стиле фолк), еврей — в Германии, омбудсмен — в Министерстве обороны,

коммунист — в эру после «холодной войны», художник — без картин и галереи, пацифист — в Боснии, одинокая домохозяйка в воскресный вечер — в любом районе любого города в Мексике, забастовщик — в СТМ (правительственная рабочая федерация, которая борется с забастовками), репортер, пишущий рассказы для последних страниц, одинокая женщина в метро в 10 вечера, крестьянин без земли, безработный рабочий... несчастный студент, оппозиционер экономики свободного рынка, писатель без книг или читателей, и конечно, запатист в горах юго-восточной Мексики. Таким образом, Маркос — человек, любой человек в этом мире. Маркос — это все эксплуатируемые, находящиеся на краю и угнетаемые меньшинства, оказывающие сопротивление и говорящие: "Хватит!"»

Вместе со всеми ужасами и жестокостями история империализма — это история сопротивления и восстаний, которые происходят иногда в самый неожиданный момент и в самом неожиданном месте. Сопротивление пожирающей себя империи — не химера, но настоящая необходимость. Наша лучшая надежда на то, что спустя какое-то время, как это бывало в прошлом, когда дела обстоят самым безнадежным образом, новый крик раздастся на Земле, и те, кто были бы нашими хозяевами, будут сметены со своих вершин.

Мы не только должны любить социальную справедливость больше личной выгоды, мы должны также понимать, что наша величайшая личная выгода приходит в борьбе за социальную справедливость. И более всего мы соприкасаемся с нашей собственной человечностью, когда мы стоим близко ко всему человечеству.

notes

Примечания

1

В главе 10 рассматривается более детально вопрос связи между империализмом и системой академического образования

Ссылка на Китай касается периода до 1979 года, то есть до начала модернизации и быстрого роста, а также до начала проведения программы «один ребенок в семье», см. *Food First Development Report № 4, 1988*.

Я предлагаю более детальную, документально подтвержденную информацию об этом в своих книгах *The Sword and the Dollar* («Меч и доллар»). *Imperialism, Revolution and the Arm Race* («Империализм, революция и гонка вооружений»). NY: St. Martins' Press, 1988.

Однако фирмы Канады, Венесуэлы, Испании и других стран, которые не имели обязательств перед глобальным империализмом США, торговали с Кубой, к большому неудовольствию Вашингтона. Закон США не разрешает иностранным кораблям, торгующим с Кубой, загружаться и разгружаться в США в течение шести месяцев, что приводит к значительному увеличению стоимости фрахта на Кубе и для любого торгового партнера.

Для более детальной информации о роли средств массовой информации в сокрытии преступлений империи см. мои книги: *Inventing Reality* («Изобретая реальность»), *The Politics of News Media* («Политика новых средств массовой информации», 2-е изд. (NY: St. Martin's Press, 1993)).

См. главу 3.

Alfred McCoy (Альфред Маккой. «Политика героина: соучастие ЦРУ в мировой торговле наркотиками»). NY: Lawrence Hill Books, 1991.

Пример: в 1994 году бывший лидер криминальной группировки в Лос-Анджелесе, глава местной общины, главный миротворец Девайн Холмс попал в тюрьму по сфабрикованному обвинению в краже десяти долларов у кого-то, кто устроил беспорядки на организованной Холмсом вечеринке. Он получил 7 лет тюрьмы. Более подробно см.: Christian Parenti, *Founder of Gang Trace Framed* (Кристиан Паренти. «Инициатор перемирия банд подвергся ложному обвинению») *Z Magazine*, November 1993.

Для более детального определения «государства национальной безопасности» см. главу 2.

Утверждалось, что богатые платят больше налогов сегодня, чем десять лет тому назад. Но это происходит только потому, что богатые так разбогатели. Тариф, по которому они платят, гораздо ниже, а суммы, которые они оставляют себе, в пропорциональном отношении гораздо выше, чем раньше.

Более полное рассмотрение этой точки зрения можно найти в моей работе «Земля идолов: политическая мифология в Америке» («Land of Idols: Political Monopoly in America», New York: St. Martin's Press, 1994), глава 7, «Культура монополий».

Для более широкой дискуссии о существующей системе выборов и пропорциональной репрезентации см. мою книгу «Демократия для немногих», 6-е издание (NY: St. Martin's Press, 1995).

От издательства

Издательство благодарит всех, кто помогал в создании этой книги, оказывал поддержку или просто был за то, чтобы данное издание увидело свет:

Аксененко Ирину
Бабыкину Женю
Березовскую Марину
Берчук Тамару
Винник Ирину
Гаврилову Марию
Глушинского Стаса
Гуськова Александра
Данилова Тимофея и его супругу
Дементьеву Веру Александровну
Ершова Евгения
Ефимову Светлану
Комова Павла
Лапенкову Елену
Махневу Анну
Миронову Людмилу Евгениевну
Окуневу Светлану
Орлову Анну
Попову Нину Константиновну
Работягову Светлану
Реброва Анатолия Ефимовича
Рудникова Вячеслава Алексеевича
Саркисяна Рубена
Тимофееву Елизавету
Урожаева Юрия
Усачева Игоря
Фомченкова Александра
Шепенкову Наташу

Майкл Паренти
ВЛАСТЬ НАД МИРОМ
Истинные цели американского империализма
Перевод с английского Л. Афанасьева
Художник А. Захаров
Редактор Л. Миронова
Корректор О. Иванова
Верстка Е. Щербакова
Охраняется законом РФ об авторском праве.

Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

По вопросам оптовых закупок обращаться по тел./факс (495)788-72-10 или на e-mail: info@pokolenie.ru

ООО Издательство «Поколение»
127549, Москва, ул. Пришвина, 8/1.

Тел./факс (495)788-72-10

www.pokolenie.ru

Подписано в печать 24.07.06

Формат 70x100/32. Гарнитура Петербург

Печать офсетная. Бумага офсетная. Печ. л. 9,0

Тираж 3000 экз. Заказ № 4015

Отпечатано в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати» 432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

zlibrary

Your gateway to knowledge and culture. Accessible for everyone.

z-library.sk

z-lib.gs

z-lib.fm

go-to-library.sk

[Official Telegram channel](#)

[Z-Access](#)

<https://wikipedia.org/wiki/Z-Library>